

Б 91
т. 6

12
436

И. В. БУНИНЪ

Сочинения

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ИЗД-Т-ВА ОБЩЕСТВ. ПОЛЬЗА.
СПЕТЕРБУРГЪ
1910

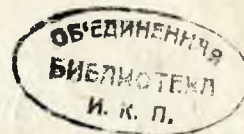
Б 91
- а

891.71

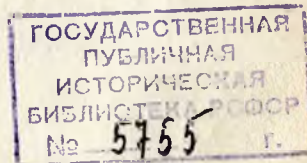
ИВ. БУНИНЪ

Сочиненія

ТОМЪ ШЕСТОЙ

✓ *Копия*

W

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Киригоиздательство „Общественная Польза“,
1910.

ИВ. БУНИНЪ

ТОМЪ ШЕСТОЙ

I

Ц И К А Д Ы.

Прибрежный хрящъ и голые обрывы
Степныхъ равнинъ луной озарены.
Хрустальный звонъ сливается съ небомъ нивы.

Какъ свѣтлый дождь, кропитъ онъ бурьяны,
Стоить въ цвѣтахъ, колосьяхъ—и не будить
Безстрастной предразсвѣтной тишины.

Ночь стелеть тѣнь и влажный берегъ студить,
Ночь тянетъ вдаль свой неводъ золотой—
И скоро блескъ померкнетъ и убудетъ

Но степь цвѣтетъ. Какъ колосъ налитой,
Полна душа. Земля зоветъ: спѣшите
Любить, творить, пьянить себя мечтой!

Отъ блѣдныхъ звѣздъ, раскинутыхъ въ зенитѣ,
И до земли, гдѣ стынетъ лунный сонъ,
Текутъ хрустально-трепетныя нити.

Изъ сонма жизней сотканъ этотъ звонъ.

Б О Г Ъ.

Дуль съ моря чистый вѣтеръ, мѣсяць рогомъ
Стояль надъ длинной улицей села.
Сидѣли колонисты по порогамъ,
И кирка блѣдно-бѣлою была.

Дуль сильный вѣтеръ, ночь была тепла;
На отмеляхъ, на берегу отлогомъ
Волна, шумя, вела бесѣду съ Богомъ,
Не поднимая соннаго чела.

И мѣсяць наклонялся къ балкѣ темной,
Грустя, свѣтилъ на скаты, на погость.
А Богъ былъ ясенъ, радостенъ и простъ.

Онъ въ вѣтрѣ былъ, въ моей душѣ бездомной —
И содрогался синимъ блескомъ звѣздъ
Въ лазури неба, чистой и огромной.

ВЪ АРХИПЕЛАГЪ.

Осенній день въ лиловой крупной зыби
Блисталъ, какъ мѣдь. Эоль и Посейдонъ
Вели къ снастяхъ пѣвучій, долгій стонъ,
И нашъ корабль нырять, подобно рыбѣ.

Вдали былъ мысъ. Высоко на изгибѣ,
Сквозя, вставалъ чуть желтый рядъ колоннъ.
Но пѣсня рей меня клонила въ сонъ—
Корабль нырять въ лиловой крупной зыби.

И что мнѣ въ томъ, что это старый храмъ,
Что на мысу—забытый портикъ Феба?
Запомнилъ я лишь рядъ колоннъ да небо.

Дымъ облаковъ курился по горамъ,
Пустынный мысъ былъ схожъ съ ковригой хлѣба..
Я жилъ во снѣ. Боговъ творилъ я самъ.

ГОРНЫЙ ЛѢСЪ.

Тихъ горный лѣсъ. Въ долину тѣнь сползла.
Сосною пахнетъ. Чисто и глубоко
Зарею небо. Млечный змѣй потока
Шуршитъ слышнѣй вдоль бѣлаго русла.

Слышнѣй звенить далекій плачь козла.
Острѣй стрекочетъ легкая сорока.
Гора, весь день глядѣвшая съ востока,
Свой алый пикъ высоко унесла.

На ней молились Волчьему Зевесу.
Не разъ, не разъ съ вершины этихъ скалъ
И дымъ вставалъ, и пѣли гимны лѣсу,
И мѣдный ножъ въ рукахъ жреца сверкалъ.

Я тихо поднималъ древнюю завѣсу.
Я въ храмъ отцовъ забытый путь искалъ.

СОБАКА.

Мечтай, мечтай. Все уже и тусклѣй
Ты смотришь золотистыми глазами
На вихри вьюги, стонущіе въ рамѣ,
На метлы гулкихъ, дымныхъ тополей.

Вздыхая, ты свернулся потеплѣй
У ногъ моихъ—и думаешь... Мы сами
Томимъ себя—тоской иныхъ полей,
Иныхъ пустынь—за пермскими горами.

Ты вспоминаешь то, что чуждо мнѣ:
Сѣдое небо, тундры, льды и чумы
Въ твоей студеной дикой сторонѣ.

Но я всегда дѣлю съ тобою думы:
Я человѣкъ; какъ богъ, я обреченъ
Познать тоску всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.

МОГИЛА ВЪ СКАЛѢ.

То было въ полдень, въ Нубіи, на Нилѣ.
Пробили входъ, затеплили огни—
И на полу предверія, въ тѣни,
На голубомъ и тонкомъ слоѣ пыли,
Нашли живой и четкій слѣдъ ступни.

Я, путникъ, видѣлъ это. Я въ могилѣ
Дышалъ тепломъ сухихъ камней. Они
Сокрытое пять тысячъ лѣтъ хранили.

Хранили день,—быть можетъ, только часъ,
Иль даже мигъ,—когда въ послѣдній разъ
Вдохнулъ здѣсь тотъ, кто узкою стопою
Въ атласный прахъ вдавилъ свой узкій слѣдъ.

Тотъ мигъ воскресъ! И на пять тысячъ лѣтъ
Умножилъ жизнь, мнѣ данную судьбою.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Въ святой Софіи голуби летали,
Гнусилъ мулла. Эректонъ былъ нѣмъ.
И боги гомерическихъ поэмъ
Въ пустыхъ музеяхъ стыли и скучали.

Великій Сфинксъ, исполненный печали,
Лежалъ въ пескахъ. Израиль, чуждый всѣмъ,
Сбиралъ, рыдая, ржавыя скрижали.
Христось покинулъ жадный Виѳлеемъ.

Вотъ Рай, Ливанъ. Разсвѣтъ горитъ багряно.
Сяѣтъ горъ—какъ шелкъ. По скатамъ изъ пещеръ
Текутъ стада. Въ лугахъ—моря тумана...

Миръ Авеля! Дни чистыхъ дѣтскихъ вѣръ!
Изъ-за нагихъ хребтовъ Антиливана,
Блится, угасая, Люциферъ.

ВЪ ДѢТСТВѢ.

Я помню сумракъ каменныхъ аркадъ,
Въ срединѣ свѣтъ—и красный блескъ атласа
Въ сквозномъ узорѣ старыхъ царскихъ вратъ,
Подъ золотой стѣной иконостаса.

Я помню куполь грубо-голубой:
Тамъ Саваоѣ съ простертыми руками,
Надъ скудною старушечьей толпой,
Царилъ межъ звѣздъ, повитыхъ облаками.

Былъ вечеръ, мартъ, сіяла синева
Изъ узкихъ оконъ, въ куполѣ пробитыхъ,
Мертво звучали древнія слова.

Весенній отблескъ былъ на скользкихъ плитахъ—
И грозная сѣдая голова
Текла межъ звѣздъ, туманами повитыхъ.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ.

Тѣ часики съ эмалью, что впотьмахъ
Бѣжали такъ легко и торопливо
Давнымъ давно умолкли. И крапива
Растетъ въ саду на мусорныхъ холмахъ.

Тотъ маятникъ лучистый, что спѣсиво
Соразмѣрялъ съ футляромъ свой размахъ,
Лежитъ въ пыли чердачнаго архива.
И склепъ хранить ужъ безъимянный прахъ.

Но мы служили праведно и свято.
Въ полночный часъ насъ звѣзды серебрятъ,
Днемъ солнце озлащаетъ—до заката.

Позеленѣлъ нашъ мѣдный циферблатъ.
Но стрѣлку нашу въ дискъ циферблата
Ведетъ самъ Богъ. Со всей вселенной въ ладъ.

ОСТРОВЪ.

Ноябрь, сырая полночь. Городокъ,
Весь мѣловой, весь блѣдный подъ луною,
Подавленъ безотвѣтной тишиною.
Приливный шумъ торжественно-широкъ.

На мачтѣ коменданта флагъ намокъ.
Вверху, надъ самой мачтой, надъ сквозною
И мутной мглой, бѣгущей на востокъ,
Скользитъ луна зеркальной бѣлизною.

Иду къ обрывамъ. Шумъ грознѣетъ. Свѣтъ
Становится тусклѣе и печальнѣй.
Волна качаетъ сваи подъ купальней.

Вдали—сѣдая бездна. Моря нѣтъ,
И валуны, кипя въ шипящей пѣнѣ,
Блестятъ внизу, какъ спящіе тюлени.

ДО СОЛНЦА.

Какъ стая птицъ, въ пустынь, одиноко
Блѣдетъ фортъ. За нимъ—пески, страна
Нагихъ бугровъ. На золотъ востока
Четка и фиолетова она.

Рейдъ солнца ждетъ. Изъ черныхъ трубъ „Марокко“
Восходитъ дымъ. Зеленая волна
Стальной сажей, блестками полна.
Качаетъ мѣрно, плавно и широко.

Вотъ первый лучъ. Всѣ окна на борту
Зажглись огнемъ. Вотъ паръ взлетѣлъ—и трубы
Призывно заревѣли въ высоту.

Поднявъ весло, гребецъ оскалилъ зубы:
Какъ вѣжно плачетъ колоколь въ порту
Подъ этотъ ревъ торжественный и грубый!

ПОЛДЕНЬ.

Горитъ хрусталь, горитъ рубинъ въ винѣ,
Звѣздой дрожить на скатерти въ салонѣ.
Послѣдній островъ тонетъ въ небосклонѣ,
Гдѣ зной и блескъ слились въ горячемъ снѣ.

На бакѣ бризъ. Тамъ, на носу, на фонѣ
Сухихъ небесъ, на жуткой крутизнѣ,
Сидитъ ливіецъ въ бѣломъ балахонѣ,
Глядитъ на снѣгъ, кипящій въ глубинѣ.

И влажный шумъ надъ этой влажной бездной
Клонить въ дрему. И острый ржавый носъ
Какъ въ забытѣи своей броней желѣзной
Въ снѣгу взрѣзаетъ синій купоросъ.

Сквозь купоросъ, сквозь радугу отъ пыли,
Струясь, краснѣетъ киноваръ на килѣ.

БОГЪ ПОЛДНЯ.

Я черныхъ козъ пасла съ меньшей сестрой
Межъ красныхъ скалъ, колючихъ травъ и глины.
Заливъ былъ синь. И камни, грѣя спины,
На жаркомъ солнцѣ спали подъ горой.

Я прилегла въ сухую тѣнь маслины
Съ корявой серебрястою корой—
И онъ сошелъ, какъ мухъ звенящій рой,
Какъ сѣтъ сквозной горячей паутины.

Онъ озарилъ мнѣ ноги. Обнажилъ
Ихъ до колѣнъ. На серебря рубашки
Горѣлъ огнемъ. И навзничъ положилъ.

Его объятъ сладостны и тяжки.
Онъ мнѣ сосцы загаромъ окружилъ
И научилъ варить настой ромашки.

ПОСЛѢДНІЯ СЛЕЗЫ.

Изнемогла, въ качалкѣ задремала
Подъ дачный смѣхъ. Синѣли небеса,
Зажглась звѣзда. Потомъ свѣжѣе стало.
Взошла луна—и смолкли голоса.

Текла и млѣла въ морѣ полоса.
Стекло балконной двери заблестало.
И вотъ, она проснулась и устало
Поправила сухіе волоса.

Подумала. Полюбовалась далью.
Взяла ручное зеркальце съ окна—
И зеркальце сверкнуло синей сталью.

Ну да, виски бѣлѣютъ: сѣдина.
Бровь поднята, измучена печалью.
Свѣтло глядитъ холодная луна.

Г А Л Ь Ц И О Н А.

Когда въ волнѣ мелькнулъ онъ мертвымъ ликомъ,
Къ нему на сердце кинулась она—
И высоко, съ двойнымъ звенящимъ крикомъ,
Двухъ бѣлыхъ чаекъ вынесла волна.

Когда зимой на этомъ взморьи дикомъ
Крутая зыбь мутна и солонна
Онѣ скользятъ въ ея пучину съ крикомъ—
И высоко выносить ихъ волна.

Но есть семь дней: смолкаетъ Гальціона—
И для нея падить пловцовъ Эоль:
Какъ серебро, свѣтло морское лоно,
Чернѣетъ степь, на солнцѣ дремлетъ вошь.

Семь мирныхъ дней проводитъ Гальціона
Въ камняхъ, въ гнѣздѣ. И внуковъ ждетъ Эоль.

Р Ы Б А Ч К А.

— Кто тамъ стучить? Не встану. Не открою
Намокшей двери въ хижинѣ моей.
Тревожна ночь осеннею порою—
Разсвѣтъ еще тревожнѣй и шумнѣй.

— „Тебя пугаетъ гуль среди камней
И скрежетъ мелкой гальки подъ горою?“
— Нѣтъ, я больна. И свѣжестью сырою
По одѣялу дуетъ изъ сѣней.

— „Я буду ждать, когда угомонится
Отъ бури охмѣлевшая волна
И станетъ блеклымъ золотомъ струиться
Осенній день на лавку изъ окна“.

— Уйди! Я ночевала не одна.
Онъ былъ смѣлѣй. Онъ моря не боится.

МОРСКОЙ ВѢТЕРЬ.

Волны и вѣтра свѣжее дыханье
Изъ темноты доходить какъ привѣтъ.
На дачахъ глушь. И поздней лампы свѣтъ
Осенней ночи слушаетъ молчанье.

Сонъ съ колотушкой бродить—и о немъ
Скучаетъ кто-то, дальній, безпріютный.
Нѣтъ ни звѣзды. Одинъ Юпитеръ мутный
Горитъ ввыси мистическимъ огнемъ.

Волна и вѣтеръ съ темныхъ побережій
Доносятъ запахъ ржавчины—песковъ,
Сырыхъ ракушекъ, сгнившихъ тростниковъ.

Привѣтъ полночный, ласковый и свѣжій,
Мнѣ чьей-то вольной кажется душой:
Родной мечтамъ и для земли—чужой.

ДОЛИНА ИОСАФАТА.

Отрада смерти страждущимъ дана.
Вы побѣлѣли, странники, отъ пыли—
Среди враговъ, въ чужихъ краяхъ вы были!
Здѣсь, въ темныхъ склепахъ, миръ и тишина.

Гора полдневнымъ солнцемъ сожжена.
Русло Кедрона вѣтры изсушили.
Но въ прахъ отцовъ вы посохи сложили—
Васъ обрѣла родимая страна.

Въ ней спять цари, пророки и левиты.
Въ блаженные обителя ея
Всѣхъ, что въ плѣну и что мечомъ убиты,
Сбираетъ Милосердый Судія.

По жесткимъ склонамъ каменные плиты
Стоять раскрытой книгой бытія.

КАРАВАНЪ.

Звонъ за оградой, нѣжный, полусонный,
Звонъ бубенцовъ подобенъ роднику:
Течеть, течеть... Листва и цвѣтъ лимонный,
Чуть золотясь, склонились къ гамаку.

Давно затихъ базаръ неугомонный.
Луна сквозь садъ сіяетъ по песку...
Они идутъ подъ лепетъ монотонный.
Вожакъ прилегъ на жесткую луку.

Вотъ потянуло вѣтромъ—и свѣжѣе
Вздохнула ночь... Какъ сладко спать въ сѣдлѣ,
Прильнувъ лицомъ къ верблюжьей теплой шеѣ!

Луна зашла. Поетъ цѣтухъ въ Рамлѣ.
И млечной синью горы Іудей
Свой зыбкій кряжъ означили во мглѣ.

ІЕРИХОНЪ.

Скользятъ, текутъ огни зеленыхъ мухъ.
Надъ Мертвымъ моремъ знойно и туманно
Отъ блеска звѣздъ. Песокъ вдали—какъ манна.
И смутный гулъ, дрожа, колдуетъ слухъ.

То ропотъ жабъ. Онъ длится неустанно,
Зоветь, томить... Но часъ полночный глухъ.
Внимаетъ имъ, быть можетъ, только Духъ
Среди камней въ пустынѣ Іоанна.

Тамъ, между звѣздъ, чернѣетъ острый пикъ
Горы Поста. Чуть теплится лампадка.
Внизу—истома. Приторно и сладко

Мимозы пахнутъ. Сахарный тростникъ
Горитъ отъ мухъ... И дремлетъ Лихорадка,
Подъ жабій бредъ откинувъ блѣдный ликъ.

БЕДУИНЪ.

За Мертвымъ моремъ—пепельныя грани
Чуть видныхъ горъ. Полдневный часъ, обѣдъ.
Онъ выкупалъ кобылу въ Иорданѣ
И сѣлъ курить. Песокъ, какъ мѣдъ, нагрѣтъ.

За Мертвымъ моремъ, въ солнечномъ туманѣ,
Течетъ миражъ. Въ долинѣ—зной и свѣтъ,
Воркуетъ дикій голубь. На герани,
На олеандрахъ—вешній алый цвѣтъ.

И онъ дремотно ноетъ, воспѣвая
Зной, олеандръ, герань и тамариксъ.
Сидитъ, какъ ястребъ. Пѣгая абайя
Сползаетъ съ плечъ... Поэтъ, разбойникъ, гиксъ!

Вотъ закурилъ—и радъ, что съ тонкимъ дымомъ
Сравнить въ стихахъ вершины за Сиддимомъ.

ПИЛИГРИМЪ.

Сталь на коверъ, у якорныхъ цѣпей,
Босой, сѣдой, въ коротенькомъ халатѣ,
Въ большой чалмѣ. Свѣжѣть на закатѣ,
Ночь впереди—и тѣло радо ей.

Сталь и простеръ ладони въ муть зыбей:
Какъ рабъ хранить завѣтный грошъ въ заплатахъ,
Хранить душа одну мечту—о платѣ
За трудъ земной—и все скупѣй, скупѣй.

Орлиный клювъ, глаза совы, но кротки
Теперь они: глядятъ туда, гдѣ синь
Святой страны, гдѣ слезы звѣздъ—какъ четки
На смуглой кисти Ангела Пустынь.

Открыто все: и сердце, и ладони...
И блещутъ, блещутъ слезы въ небосклонѣ.

ГРОБНИЦА РАХИЛИ.

„И умерла, и схоронилъ Іаковъ
Ее въ пути“... И на гробницѣ нѣтъ
Ни имени, ни надписей, ни знаковъ.

Ночной порой въ ней свѣтитъ слабый свѣтъ,
И куполь гроба, выбѣленный мѣломъ,
Таинственною блѣдностью одѣтъ.

Я приближаюсь въ сумракѣ несмѣломъ
И съ трепетомъ цѣлую прахъ и пыль
На этомъ камнѣ женственномъ и бѣломъ...

Сладчайшее изъ словъ земныхъ! Рахиль!

ИСТОЧНИКЪ ЗВѢЗДЫ.

Сирийскій апокрифъ.

Въ ночь рожденія Исы,
Святого, любимаго Богомъ,
Отъ востока къ закату
Звѣзда уводила Волхвовъ.

Въ ночь рожденія Исы
По горнымъ тропамъ и дорогамъ
Шли Волхвы караваномъ
На таинственный зовъ.

Камнемъ крови, рубиномъ
Горѣла звѣзда передъ ними,
Протекала, склонялась—
И стала, служенье свершивъ:

За долиной, на склонѣ—
Шатры и огни въ Рефаимѣ,
На долинѣ—источникъ
Подъ вѣтвями оливоу.

И волхвы, славословя,
Склонились предъ тѣми огнями
И сказали: „Мы видимъ
Святого селенья огни“.

И верблюды припали
Къ холодной водѣ межъ камнями:
Слѣдъ копытъ и донынѣ
Тамъ, гдѣ пили они.

А звѣзда покатилаь
И пала въ источникъ чудесный:
Кто достоинъ—кто видитъ
Въ источникѣ темномъ звѣзду?

Только чистыя дѣвы,
Невѣсты съ душой неневѣстной,
Обрученныя Богу,
Но и то—разъ въ году.

С Л Ъ Д Ъ.

Его обдуваетъ съ юга и сѣвера.

Имру-уль-Кайсъ.

...Ушли съ разсвѣтомъ. Опустѣли
Песчаные бугры.
Ползъ синій дымъ. И угли кровью рдѣли
Тамъ, гдѣ вчера чернѣли ихъ шатры.

Я слѣзъ съ сѣдла— и пряный запахъ дыма
Меня обвѣялъ теплотой.
При блескѣ солнца былъ невыразимо
Красивъ огонь прозрачно-золотой.

...Долина сѣрая, нагая,
Какъ пахъ осла. Въ колодецѣ гниль и грязь.
Изъ-за бугровъ моря текутъ, сверкая
И мутно серебрясь.

Но тутъ семь дней жила моя подруга:
Я сѣлъ на холмъ, гдѣ былъ ея наметъ.
Тутъ вѣтеръ дуетъ съ сѣвера и юга—
Онъ милый слѣдъ не замететь.

...Ночь тишиной и мракомъ истомила.
Когда конецъ?
Ночь, какъ верблюдь, легла и отдалила
Отъ головы крестецъ.

Песокъ остылъ. Холодный, безотвѣтный,
Скользить въ рукѣ, какъ змѣй..
Горить, играетъ перстень самоцвѣтный—
Звѣзда любви моей.

ЗА ДАМАСКОМЪ.

Щебечуть пестрокрылыя чекканки
На глиняныхъ могильныхъ бугоркахъ.
Дорога въ Мекку. Древнія стоянки
Въ пустынь, въ зноѣ и пескахъ.

Гдѣ вы, хаджи? Гдѣ ваши дромадеры?
Вдали слюдой блестятъ солончаки.
Кругомъ погость. Бугры рогаты, сѣры,
Какъ голыхъ сѣдель арчаки.

СПОРЪ.

— Счастливы мы, Фессалійцы! Черное, съ розовой
пѣной,
Пахнетъ нагрѣтой землей наше густое вино.
Хлѣбъ отъ вина лиловѣть. Кусокъ овечьяго сыру,
Влажно-соленый, крутой, горную свѣжесть
хранить.

„Критъ позабылъ ты, хвостунъ! Мاستика хмѣльнѣе
и слаще.
Палуба ходить, скользитъ, парусъ сіяеть, какъ
снѣгъ,
Пляшутъ зеленыя волны—и пьяная цѣпь рулевая,
Скрежеща, вдоль бортовъ ползаетъ ржавой змѣей“.

С М Е Р Т Ъ.

Въ апрѣльскій жаркій полдень, по кремнистой
Дорогѣ межъ цвѣтущими садами,
Пришелъ монахъ, высокій францисканецъ,
Къ монастырю надъ синимъ южнымъ моремъ.
Ползучія гирлянды розъ, глициній
И золотое кружево мимозы
Висѣли на оградѣ, а за нею
По мрамору скользили пятна свѣта.
„Кто тамъ? сказалъ привратникъ изъ-за двери.
— „Братъ во Христѣ“, отвѣтилъ францисканецъ.
„Кого вамъ надо?“ — „Брата Габріэля“.
„Онъ нынче занятъ—пишетъ Воскресенье“.
Тогда монахъ сорвалъ съ ограды розу,
Швырнулъ во дворъ—и съ недовольнымъ видомъ
Пошелъ назадъ. А роза за оградой
Разсыпалась на мраморъ чернымъ пепломъ.

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ.

Какъ въ гору, шли мы въ зыбь, въ слѣпящій блескъ
заката.
Холмилась и росла лиловая волна.
Съ холма на холмъ лилось оранжевое золото.
И глубь небесъ была прозрачно-зелена.

Дымъ изъ жерла трубы летѣлъ назадъ. Въ упругомъ
Кимвальномъ пѣньѣ рей дрожалъ холодный гулъ.
И солнца ликъ мертвѣлъ. Громада моря кругомъ
Объяла горизонтъ. Везувій потонулъ.

И до бортовъ вставалъ, и, упавая, мѣрно
Шумѣлъ разверстый валъ. И гребень, закипѣвъ,
Сквозилъ и розовѣлъ, какъ пѣнное Фалерно,—
И малахитъ скользилъ въ кроваво-черный зѣвъ.

ВЪ МЕССИНСКОМЪ ПРОЛИВѢ.

На темномъ рейдѣ струнный ладъ,
Огни и пѣсни въ Катанеѣ...
Въ дни скорби любимъ мы нѣжнѣе,
Концоны сладостнѣй звучать.

И величаво-одинокъ
На звѣздномъ небѣ конусъ Этны,
Гдѣ таетъ блѣдный, чуть замѣтный,
Чуть розовѣющій вѣнокъ.

КОЛИБРИ.

Трава пестритъ—какъ разглядѣть змѣю?
Зеленый лѣсъ раскинулъ въ жаркомъ свѣтѣ
Сквозную тѣнь—узорчатая сѣти...
Часы бѣгутъ въ невѣдѣнны, въ раю.

Поютъ, ликуютъ, спорятъ голосами,
Огнемъ хвостовъ... Но стоитъ невпопадъ
Взглянуть въ траву—и прыгнетъ пестрый гадъ:
Онъ мѣтко бьетъ раскосыми глазами.

В И Н О.

— На Яйлѣ зазеленѣли буки,
Покраснѣла стройная сосна:
Отчего на сѣверѣ, въ разлукѣ
Чувствуетъ душа, что тамъ весна?

„Въ дни, когда на лозахъ виноградныхъ
Распустится цвѣту суждено,
Въ погребахъ и темныхъ, и прохладныхъ
Бродить золотистое вино“.

СТАРИННЫЕ СТИХИ.

— Мимо острова въ полночь фрегатъ проходилъ:
Слѣва мѣсяцъ надъ моремъ свѣтилъ,
Справа островъ темнѣлъ—пропадали вдали
Дюны скудной родимой земли.

Старый домъ рыбака голубою стѣной
Тамъ мерцалъ надъ кипящей волной...
Но въ завѣтномъ огнѣ не видаль я огня:
Ты забыла, забыла меня!

— Мимо острова въ полночь фрегатъ проходилъ:
Позднѣй мѣсяцъ надъ моремъ свѣтилъ,
Золотая текла по волнамъ полоса—
И, какъ въ сказкѣ, неслись паруса.

Лебединою грудью бѣлѣли они,
И мерцали на мачтахъ огни...
Но въ свѣтилицѣ своей не зажгла я огня:
Ты забудешь, забудешь меня!

ВАЛЬСЪ.

Похолодѣли лепестки
Раскрытыхъ губъ, по дѣтски влажныхъ—
И заль плыветь, плыветь въ протяжныхъ
Напѣвахъ счастья и тоски.

Сіянье люстръ и зыбь зеркалъ
Слились въ одинъ миражъ хрустальный—
И вѣть, вѣть вѣтеръ бальный
Тепломъ душистыхъ опыхаль.

ДАЧА.

Открыты окна. Въ бѣлой мастерской
Слѣды отъѣзда: соръ, клочки конверта.
Въ углу стоитъ прямой скелетъ мольберта.
Изъ оконъ тянетъ свѣжестью морской.

Дни все свѣтлѣй, все тише, золотистѣй.
И ни полямъ, ни морю нѣтъ конца.
Съ корявой, старой груши у крыльца
Спадаютъ розовые листья.

П Р О Щ А Н І Е.

Поблекшій дольъ подъ старыми платанами,
Иссохшіе источники и рвы
Усѣяны лиловыми тюльпанами
И золотомъ листвы.

Померкло небо, солнце закатилось,
Холодный вѣтеръ дуетъ. И слеза,
Что въ голубыхъ глазахъ твоихъ свѣтилася,
Блѣдна, какъ бирюза.

М А Т Е Р И.

Я помню спальню и лампадку,
Игрушки, теплую кровать
И милый, кроткій голосъ твой:
„Ангель-Хранитель надъ тобой!“

Бывало, раздѣваетъ няня
И полушопотомъ бранить,
А сладкій сонъ, глаза туманя,
Къ ея плечу меня клонить.

Ты перекрестишь, поцѣлуешь,
Напомнишь мнѣ, что Онъ со мной,
И вѣрой въ счастье очаруешь...
Я помню, помню голосъ твой!

Я помню свѣтъ, тепло кровати,
Лампадку въ сумракѣ угла
И тѣни отъ цѣпей лампадки...
Не ты ли ангеломъ была?

Н Я Н Я.

Въ старой темной дѣвичьей,
На пустомъ ларѣ,
Сѣла, согрѣвается...
Лунно на дворѣ,
Иней синимъ бисеромъ
На окнѣ блестить,
Надъ столомъ висячая
Лампочка коптитъ...
Что-то вспоминается?
Отчего въ глазахъ
Столько скорби, кротости?..
Лапти на ногахъ,
Голова закутана
Шалью набивной,
Полушубокъ старенькій...
„Здравствуй, другъ родной!
Что жъ ты не сказалася?“
Поднялась, трясеть
Головою дряхлою
И къ рукѣ идетъ,
Кланяется низенько...
„Въ домъ иди“.— „Иду-съ“.

„Какъ живется-можется?“
— „Что-то не пойму-съ“.
„Какъ живешь, я спрашивалъ,
Все одна?“— „Одна-съ“.
„А невѣстка?“— „Въ городѣ-съ.
Позабыла насъ!“
„Какъ же ты съ внучатами?“
— „Такъ вотъ и живу-съ“.
„Насъ-то вспоминала-ли?“
— „Всѣхъ какъ наяву-съ“.
„Да не то: не стыдно-ли
Было не придти?“
— „Боязно-съ: а ну-ко-ся
Да помрешь въ пути“.
И трясеть, съ улыбкою,
Грустной и больной,
Головой закутанной,
И слѣдитъ за мной,
Ловить губъ движенія...
„Ну, идемъ, идемъ,
Тамъ и побесѣдуемъ,
И чайку попьемъ“.

ПУСТОШЬ.

Миръ вамъ, въ землѣ почившіе!—За садомъ
Погостъ рабовъ, погостъ дворовыхъ нашихъ:
Двѣ десятины пустоши, волнистой
Отъ бугорковъ могильныхъ. Ни креста,
Ни деревца. Мѣстами уцѣлѣли
Лишь каменные плиты, да и то
Изъѣденныя временемъ, какъ оспой...
Теперь ихъ скоро выберутъ—и будутъ
Выпахивать то пористыя кости,
То суздальскія черныя иконки...

Миръ вамъ, давно забытые!—Кто знаетъ
Ихъ имена простыя? Жили—въ страхъ,
Въ безвѣстности—почили. Иногда
Въ селѣ ковали цѣпи, засѣкали,
На поселенье гнали. Но стихаль
Однообразный бабій плачь—и снова
Шли дни труда, покорности и страха.
Теперь отъ этой жизни уцѣлѣли
Лишь каменные плиты. А пройдетъ
Желѣзный плугъ—и пустошь всколосится
Густою рожью. Кости удобряютъ...

Миръ вамъ, неотомщенные!—Свидѣтель
Великаго и подлаго, безсильный
Свидѣтель звѣрствъ, разстрѣловъ, пытокъ, казней,
Я, чье чело отмѣчено навѣки
Клеймомъ раба, невольника, холопа,
Я говорю почившимъ: „Спите, спите!
Не вы одни страдали: внуки вашихъ
Владыкъ и повелителей испили
Не меньше васъ изъ горькой чаши рабства!“

В Д О В Е Ц Ъ.

Желѣзный крюкъ скрипитъ надъ колыбелью,
Луна глядитъ въ окно на колыбель:
Луна склоняетъ ликъ и по ущелью,
Сквозь сумракъ, тянетъ млечную кудель.

Въ горахъ свѣтло. На дальнемъ горномъ кряжѣ,
Весь на виду, чернѣетъ скитъ армянъ.
Но встанетъ мгла изъ этой блѣдной пряжи—
Не разглядить засады караванъ.

Пора, пора,—ужь стекла запотѣли!
Разбойникъ я... Да вотъ, на смѣну мнѣ,
Самъ Ангелъ сна подходитъ къ колыбели,
Чуть серебрясь при меркнувшей лунѣ.

Х Р И С Т Я.

Христя угощаетъ куколь на сговорѣ—
За степною хатой, на сухихъ бахчахъ.
Степь въ горячемъ блескѣ млѣетъ точно море,
Тыквы свѣтятъ мѣдью въ солнечныхъ лучахъ.

Собрались сосѣдки къ старой бабѣ Христѣ,
Пропиваютъ дочку—чай и водку пьютъ.
Дочка—въ разноцвѣтной плахтѣ и въ монистѣ,
Всѣ ее жалѣютъ—и поютъ, поютъ!

Подъ степною хатой, въ жаркомъ ароматѣ
Спѣлаго укропа, возятся въ золѣ
Желтые дыплята. Мать уснула въ хатѣ,
Бабка—въ темной клунѣ, тыквы—на землѣ.

В Ъ М О С К В Ъ .

Здѣсь, въ старыхъ переулкахъ за Арбатомъ,
Совсѣмъ особый городъ... Вотъ и мартъ.
И холодно, и низко въ мезонинѣ,
Не мало крысь, но по ночамъ—чудесно.
Днемъ—ростопель, капли, грѣетъ солнце,
А ночью подморозить, станетъ чисто,
Свѣтло—и такъ похоже на Москву
Старинную, далекую. Усядусь,
Огня не зажигая, возлѣ оконъ,
Облитыхъ луннымъ свѣтомъ, и смотрю
На садъ, на звѣзды рѣдкія... Какъ нѣжно
Весной ночное небо! Какъ спокойна
Луна весною! Теплятся, какъ свѣчи,
Кресты на древней церковкѣ. Сквозь вѣтви
Въ глубокомъ небѣ весело сіяютъ,
Какъ золотые кованые шлемы,—
Головки мелкихъ куполовъ...

Б У Д Н И .

Бѣгутъ, бѣгутъ листы раскрытой книги,
Бѣгутъ, струятся къ небу тополя,
Гуль молотилки слышится изъ риги—
Дохнули въ шторы вольныя поля.
Помѣщикъ всталъ и, окна закрывая,
Глядитъ на югъ. Но туча дождевая
Уже прошла. Опять покой и лѣнь.
Въ горячемъ свѣтѣ весело и сухо
Вокругъ террасы лоснится сирень.
Зажглась рѣка, какъ зеркало. Старуха
Несетъ сажать махотки на плетень.
Кричитъ пѣтухъ. Въ крапиву за насѣдкой
Спѣшить десятокъ желтенькихъ цыплятъ.
И тѣни шторъ узорно-легкой сѣткой
По конскому лѣчебнику пестрятъ.

СИРОТКА.

Шла сиротка пыльною дорогой,
На степи боялась заблудиться.
Встрѣтился прохожій, глянуль строго,
Къ мачехѣ велѣль ей воротиться.

Долгими лугами шла сиротка,
Плакала, боялась темной ночи.
Повстрѣчался ангель, глянуль кротко
И потушилъ ангельскія очи.

По пригоркамъ шла сиротка—стала
Подниматься тропочкой неровной.
Встрѣтился Господь у перевала,
Глянуль милосердно и любовно.

„Не трудись,—сказаль Онъ,—не разбудишь
Матери въ ея могилѣ тѣсной:
Ты Моей, сиротка, дочкой будешь“—
И увелъ сиротку въ рай небесный.

ВЪ РОЩѢ.

Тамъ иволга, какъ флейта, распѣвала,
Тамъ утреннее солнце пригрѣвало
Трудъ муравьевъ—живые бугорки.
Вдругъ пѣгая лягавая собака,
Тропинкой добѣжавъ до буерака,
Залаяла. Я быстро взвелъ курки.

Змѣя? Барсукъ?—Плетенка съ костяницей!
А на березѣ дѣвочка—и дикій
Испугъ въ лицѣ и глазкахъ: надъ ручьемъ
Дугой береза бѣлая склонилась—
И вотъ она вскарабкалась, схватилась
За стволъ и закачалась на немъ.

Поспѣшно повернулся я, поспѣшно
Пошелъ назадъ... Младенчески безгрѣшно
И радостно откликнулась душа
На этотъ ужасъ милый... Вся пестрѣла
Березовая роща, флейта пѣла—
И жизнь была, какъ утро, хороша.

Т У М А Н Ъ.

Сумрачно, скучно свѣтаетъ заря.
Пахнетъ листвою и мокрыми гумнами.
Воютъ и тянутъ за рогомъ пса
Гончія сворами шумными.

Тянуть, стихаютъ—и тонуть слѣды
Въ темномъ туманѣ. Людская чуть курится.
Сонно въ осинникѣ квохчуть дрозды.
Чаща и дремлетъ и хмурится.

И до печальныхъ вечернихъ огней
Въ морѣ туманныхъ лѣсовъ, за долинами
Будетъ стонать все скучнѣй и скучнѣй
Рогъ голосами звѣриными.

К Р У Ж Е В О.

Весь день метель. За дверью, у сосѣда,
Стучать часы и каплетъ съ оконъ ледъ.
У барышни-сосѣдки съ мясоѣда
Поетъ щеголь. А барышня плететъ.

Сидить, выводить крестики и мушки—
Бѣла, какъ снѣгъ, скромна, какъ лень въ степи...
Темно въ уѣздной крохотной избушкѣ,
Наскучили гремучія коклюшки,
Весна идетъ... Да какъ же быть? Терпи!

Синѣетъ дымъ метели, вьются галки
Надъ старой колокольней... День прошелъ,
А толку что?—Текутъ съ окна мочалки
И о веснѣ поетъ дуракъ щеголь.

С Т О Р О Ж Ъ .

И снова вечеръ, сухо позлатившій
Дороги, степь и удлинившій тѣнь;
И блѣдный ликъ, напротивъ солнца всплывшій;
И четко въ ясномъ воздухѣ застывшій
Среди бахчей курень.

Старъ сторожъ, старъ! И слабъ, и видитъ плохо,
А вѣкъ бы жилъ!—Такъ тихо въ куренѣ,
Что слышенъ трескъ подсохшаго гороха...
Да что кому до старческаго вздоха
О догорѣвшемъ днѣ!

Б Е Р Е Г Ъ .

За окномъ весна сіяетъ новая,
А въ избѣ—последняя твоя
Восковая свѣчка—и тесовая
Длинная ладья.

Причесали, нарядили, справили,
Полотномъ закрыли блѣдный ликъ—
И ушли, до времени оставили
Твой нѣмой двойникъ.

У него ни имени, ни отчества,
Ни друзей, ни дома, ни родни:
Тихи гробового одиночества
Роковые дни.

Да пребудетъ въ мирѣ, да покоится:
Какъ душа свободная твоя,
Скоро, скоро въ синемъ морѣ скроется
Бѣлая ладья.

К О Л Д У Н Ъ.

Въ мелколѣсьи пѣло глухо, строго.
Вмѣстѣ съ ночью туча надвигалась.
По кустамъ, на тучу шла дорога,
На вѣтру листва съ пескомъ мѣшалась...
Лѣшій зорко въ темь глядѣль съ порога.

Онъ сидѣль и слушалъ, какъ кукушки
Хриплымъ смѣхомъ гдѣ-то хохотали,
Какъ визжали совы—и съ онушки,
Послѣ блеска, гулы долетали...
Дѣдъ-колдунъ, какъ мертвый, спалъ въ избушкѣ.

Одностволка на столѣ лежала
Вмѣстѣ съ жесткой, черной коркой хлѣба.
Какъ бѣльмо окошко отражало
Скудный отсвѣтъ пасмурнаго неба...
Надъ окномъ соломою шуршало.

И пока шуршало, дѣду снилось,
Что въ печуркѣ, гдѣ лежать онучи,
Загорѣлось: тлѣетъ, задымилось...
И сухимъ огнемъ сверкали тучи
И въ окнѣ угрюмо муха билась.

С Ъ Н О К О С Ъ.

Среди двора, въ батистовой рубашкѣ,
Стояль барчукъ и, щурясь, звалъ: „Корней!..“
Корней молчалъ. Двѣ пѣгя дворняшки,
Щенки, катались въ сѣнѣ. Все синѣй
Надъ крышами и садомъ небо млѣло,
Какъ сказочная, сонная рѣка,
Все горячѣй палило зноемъ тѣло,
Все радостнѣй бѣлѣли облака
И все душнѣй благоухало сѣно...
„Корней, сѣдлай!“—Но и Корней въ лѣсу:
Остались только скотница Елена
Да пчельникъ Дронь... Вотъ Фоксъ замялъ осу
И сѣно взрылъ. Вотъ снѣжный голубъ комомъ
Упалъ на крышу скотнаго варка...
Вездѣ открыты окна. А надъ домомъ
Такъ серебрится тополь, такъ ярка
Листва вверху,—какъ будто изъ металла,
И воробьи пныряютъ то изъ зала,
Въ тѣнистый палисадникъ, въ бересклетъ,
То снова въ залъ... Покой, лазурь и свѣтъ.

Въ конюшнѣ полусумракъ и прохладно;
Навозомъ пахнетъ, сбруей, лошадьми,

Касаточки щебечуть. И Ами,
Соскучившись, тихонько ржетъ и жадно
Косить свой глазъ лилово-золотой
Въ рѣшетчатую дверку. Стременами
Звенить барчукъ, поднявъ сѣдло съ уздой,
Кладетъ, подпруги ловить,—и ушами
Прядетъ кобылка, дѣлаясь стройнѣй
И выходя на солнце. Тамъ къ кадушкѣ
Склоняется—блескъ, небо видитъ въ ней
И долго пьетъ. И солнце жжетъ подушки,
Луку, потникъ, играя въ серебрѣ...

А черезъ часъ заходятъ побирушки,
Слѣпой съ поводыремъ, и на дворѣ
Сидятъ какъ дома. Мальчикъ босоногій
Заглядываетъ въ окна, на порогѣ
Стоить и медлитъ; робко входитъ въ залъ,
Съ восторгомъ смотритъ въ свѣтлый мѣръ зеркаль,
Касается до клавишъ фортепьяно—
И, вздрогнувъ, замираетъ: звонко, странно
И весело въ хорамахъ! На балконѣ
Открыта дверь—и солнце жаркимъ свѣтомъ
Зажгло паркетъ, и глубоко паркетомъ
Зеркальный отблескъ двери отраженъ,
И воробьи крикливою станицей
Пронесются у самаго стекла
За золотой, сверкающею птицей—
За иволгой, скользящей какъ стрѣла.

Бѣденъ бѣсъ.

I.

Съ горы, по наглаженной ухабистой дорогѣ, спускался къ рѣкѣ студентъ Вороновъ. Возлѣ моста, положивъ руки на костыль и глядя на рѣку, стоялъ какой-то маленькій человѣчекъ.

Льдины вокругъ темно-лиловой проруби сквозили изумрудомъ. Голоса бабъ, полоскавшихъ бѣлье, звонко раздавались въ морозномъ воздухѣ. Солнце скрывалось за садами и горою, снѣжная долина вся была въ тѣни, но оконца избъ на противоположной сторонѣ и кресты розово-бѣлой церкви на выгонѣ еще горѣли лучистымъ золотомъ. Глубокіе январскіе снѣга, огромныя снѣжныя шапки на избахъ алѣли. Красновато чернѣлъ и сквозилъ возлѣ церкви садъ Вороновскаго помѣстья, густо и свѣжо темнѣли сосны палисадника. Дымъ изъ трубъ поднимался въ глубокое зеленоватое небо ровными фіолетовыми столбами.

Казалось, что стоявшій возлѣ моста любитъся.

Мимо него, со скрипомъ, раскатываясь, неслись розвальни: шибко возвращался обозъ порож-

някомъ. И онъ благоразумно отошелъ къ сторонкѣ въ снѣгъ.

— Держись,—срѣжу!—весело крикнулъ одинъ изъ обозчиковъ, сани котораго раскатились особенно лихо.

Стоявшій обернулся, что-то крикнулъ въ отвѣтъ... И, махнувъ рукой, закаплялся.

Студентъ сбѣжалъ къ мосту, — онъ все кашлялъ. По вытянутой шеѣ и склоненной головѣ, по тому, какъ онъ отставилъ костыль, опершись на него обѣими руками, видно было, что кашель затяжной, мучительный... Но, должно быть, притворный: вѣрно, это—дурачекъ, бродяга по святымъ мѣстамъ и, вѣрно, онъ замѣтилъ барина.

Студентъ поравнялся съ нимъ, заглянулъ ему въ лицо, подъ самодѣльную финскую шапку съ наушниками и назатыльникомъ, мѣхомъ внутрь... Тогда онъ смолкъ, низко поклонился и, отдуваясь, медленно побрелъ по мосту, съ визгомъ вонзая въ снѣгъ желѣзный наконечникъ костыля. Худыя ноги въ большихъ лаптяхъ еле волочились...

Нѣтъ, не дурачекъ. Просто нищій и больной.

Необычайна была только аккуратность, съ которой лежали мѣшки за его спиной. Необыченъ и зипунишка—цвѣта ржаного хлѣба, старый, но тщательно заплатанный и доходившій всего до колѣнъ: колѣни были прикрыты кожаными полами,—полами, отрѣзанными отъ тощаго заскорузлаго полшубка и къ зипуну пришитыми. И уже совсѣмъ необычно было лицо—лицо подростка лѣтъ подъ сорокъ: блѣдное и изможденное, простое и печальное. Черные глазки глядѣли со страннымъ спокойствіемъ. Пепельныя губы среди

рѣденькихъ усовъ и бороды полуоткрывались. Прядь длинныхъ волосъ, по-женски ложившаяся на маленькое восковое ухо подъ наушникомъ, была суха и мертва, какъ у отшельника. Тѣло — щуплое, тощее, съ болѣзненно приподнятыми грудью и плечами...

— Застыль, старикъ?—крикнулъ студентъ съ дѣланной бодростью.

Нищій пріостановился и тяжело перевелъ дыханіе, раскрывая ротъ, поднимая грудь и плечи.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ неожиданно-просто и даже какъ будто весело.—Застыть не застыль...

И опять собрался съ духомъ и прибавилъ еще веселѣе — такимъ тономъ, точно все обстояло вполне благополучно, кромѣ того, съ чѣмъ ужъ ничего не подѣлаешь:

— Застыть не застыль. А вотъ здоровье...

Онъ приподнял грудь:

— А вотъ здоровье все хужѣетъ!

И легонько двинулся впередъ.

Студентъ осмотрѣлъ его лапти, онучи: ноги тонки и слабы, онучи тонки и стары, лапти разбиты, велики... И какъ это онъ ухитряется ходить по такому морозу?

— Ужъ очень у тебя, дядя, обужа-одежа плоха! —сказалъ студентъ.

— Обужа, вѣрно, плоха,—согласился нищій. —А одежда... нѣтъ, одежда ничего. У меня подъ ней кофта ватная.

— Все-таки студишься, небось, безъ валенокъ то?

— Студишься... Бока дюже колетъ. Закапляешься—ну, прямо смерть.

Говорить на ходу было, однако, трудно. И

студентъ остановился. Остановился и нищій и поспѣшилъ положить дрожавшія руки на костыль.

— Дальній?

— Дальній... Изъ-подъ Ливенъ.

— Давно удушье-то?

— Удушье-то? Семей годъ.

— Селитру не жегъ? Очень помогаетъ.

— Нѣтъ. Перець... пилъ.

Студентъ покачалъ головою.

— Глупо!—сказалъ онъ.—Я вотъ на доктора учусь, докторомъ, значитъ, буду... понимаешь?

— Дѣло хорошее... Какъ не понимать!

— Ну, такъ и послушайся меня: перець не пей, а купи селитры. И стоитъ-то всего двѣ копѣйки. Разведи, намочи бумагу, высуши и жги. Подышешь—полегчаетъ.

И опять согласился нищій, не придавъ, видимо, ни малѣйшаго значенія селитрѣ:

— Это можно. Деньги не велики.

— А почевать гдѣ нынче будешь?

— Ночевать -то? Ночевать вездѣ можно. Въ Знаменскомъ ночую...

— Та-акъ!—усмѣхнулся студентъ. — Но вѣдь ты туда къ свѣту съ своей ходьбой придешь!

— Мнѣ спѣшить некуда. Сила, братецъ ты мой, не въ томъ...

Нищій виновато улыбнулся, собираясь съ духомъ.

— Сила въ томъ, что здоровье все хужѣетъ!

И это было сказано такъ трогательно, что студентъ слегка смѣшался. Помолчалъ и спросилъ:

— По деревнѣ пойдешь?

— Нѣтъ. Нынче собралъ малость. Я на это не жадею.

— А водку пьешь?

— Не пьютъ на небеси, а тутъ — кому ни поднеси... Много не пью.

— Поборъ въ мѣшкахъ-то?

— Ну, поборъ! Добришко... Рубахи, портки. Портокъ у меня много... Трое... А вотъ рубахи — бѣда, Каляныя дюже.

— То есть, какъ каляныя?

— Жестки дюже. Съ каляными воротами. Баринъ измалковскій даль...

За мостомъ дорога раздваивалась: одна шла круто въ гору, къ Вороновскому помѣстью, другая, отлогая, наискось къ церкви.

— Слушай,—сказалъ студентъ, — пойдѣмъ къ намъ. Я бы тебѣ деньжонокъ даль...

Солнце закатывалось. Нищій посмотрѣлъ на гору, на свѣжую, густую зелень палисадника, на мертвѣющія сизыя крыши, на малахитовые снѣга выгона... И не спѣша отвѣтилъ:

— Бѣденъ бѣсъ, на немъ креста нѣтъ. А деньжонокъ—не плохо бы...

— Ну, вотъ и пойдѣмъ.

— А пойтить... не пойду. Думается, и такъ управлюсь. Гора-то... дюже высока.

— Ну, что жъ, что высока? Зато отдохнешь. Ночуешь.

Нищій подумалъ.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ твердо, — не ночую. Думаю—въ Знаменскомъ. Спаси, Христось...

И, склонивъ голову, отдуваясь, полегоньку, но упорно побрелъ по дорогѣ къ церкви.

II.

Студентъ забѣжалъ домой, захватилъ кошелекъ и догналъ этого чудака на выѣздѣ въ поле. Оттуда, съ сѣвера, дуло острымъ морознымъ вѣтромъ, клейко схватывавшимъ усы и рѣсницы. Темнѣла и вся двигалась мутно-фіолетовая снѣжная равнина, отлого поднимавшаяся къ высокому вѣтряку на горизонтѣ. Свѣтъ заката еще брезжилъ на ея крестомъ простертыхъ крыльяхъ. А темнѣющее поле все курилось и курчавилось, бѣжало быстрой дымящейся зыбью поземки.

— На-ко вотъ тебѣ полтиничекъ, — слегка задохнувшись, сказалъ студентъ, когда, на скрипъ шаговъ, нищій обернулся и остановился. — Да скажи, какъ поминать тебя, — прибавилъ онъ шутливо.

Нищій усмѣхнулся.

— А миѣ теперь ничего, полегчѣло, — отвѣтилъ онъ бодро, хотя лицо его посинѣло и сморщилось, и на глазахъ отъ вѣтра выступили слезы.

Снявъ большую варежку, онъ неловко взялъ мертвыми ледяными пальцами монету и задумчиво посмотрѣлъ на нее. Студентъ ждалъ великой радости, но и поблагодарилъ онъ довольно спокойно:

— Вотъ за это спасибо... А поминать меня, Богъ дастъ, не придется. Дойду.

— Серьезно, какъ звать-то тебя и что ты за чудакъ такой? — спросилъ студентъ.

— Звать-то? Звали Лукьяномъ... А ужъ чѣмъ чудень я — не знаю.

— Да вѣдь замерзнешь!

— И замерзнешь — не откажешься. Смерть, братъ, — она, какъ солнце, глазами не глянешь. А найдетъ — вездѣ. Да и помирать-то не десять разъ, а всего одинъ.

— Въ рай, значить, спѣшишь попасть? — сказалъ студентъ насмѣшливо, трогая ухо и поворачиваясь отъ вѣтра.

— Зачѣмъ въ рай? Это еще дѣло темное — не то есть онъ, рай-то, не то нѣтъ. А миѣ и тутъ не плохо...

Вѣтеръ все сильнѣе дулъ въ спину, въ голову, леденилъ затылокъ, знобилъ, дѣлалъ тонкими, легкими ноги. Студентъ опустилъ руку и съ удивленіемъ взглянулъ въ лицо нищаго.

— Ого! — сказалъ онъ. — Это тебѣ-то не плохо?

Нищій тоже взглянулъ ему въ глаза.

— А что жъ миѣ? — спросилъ онъ. — Бѣдень бѣсъ, на немъ креста нѣтъ. А я живу себѣ...

— Да, вотъ оно что! „Какъ птицы небесныя“...

— А что жъ — птицы небесныя? Птицы-звѣри всякіе, они, братъ, объ раяхъ не думаютъ, замерзнуть не боятся.

— Да ты — что? Философъ? Атеистъ?

— Не понимаю я этихъ словъ.

— Знаю, что не понимаешь. Я хотѣлъ спросить: въ Бога-то ты вѣришь?

Нищій подумалъ.

— Въ Бога — нѣтъ того созданія, чтобъ не вѣрило, — твердо сказалъ онъ.

Студентъ взглянулъ на него съ еще большимъ удивленіемъ... Но стоять было такъ холодно, что онъ поколебался, поколебался — и рѣшительно говорилъ:

— Ну, съ Богомъ!

— Стало быть, прощайте,—отозвался нищий и тряхнул своей круглой шапкой.— Спаси Христось.

И, подумавъ, еще разъ тряхнулъ, надѣлъ варежку и повернулся... Маленькій, сгорбленный, съ высокимъ костылемъ, онъ скоро сталъ еще меньше, по поясъ утонулъ въ сумеркахъ и волнистой снѣжной зыби, густо бѣжавшей на него отъ мельницы...

Вечеромъ студентъ долго ходилъ изъ угла въ уголь по залу. Прислуга спала. На столѣ горѣла лампа, въ углу, предъ иконой—лампадка: когда барыни не было дома, нянька всегда зажигала ее,—чтобы Богъ далъ благополучную дорогу. И теперь студентъ съ тревогой посматривалъ на часы,—былъ уже девятый, а матери все не было.

— Дикари! — говорилъ онъ иногда вслухъ, вспоминая нищаго.

Ночью онъ спалъ мало. Съ вечера читалъ Юнга и часовъ въ десять, въ валенкахъ и башлыкѣ, вышелъ взглянуть на восходъ Близнецовъ, да кстати и на погоду. И на порогѣ снѣней оторопѣлъ: показалось, что свѣту Божьяго не видно,—такъ гулко шумѣлъ садъ отъ морозной бури, и такъ бѣшено несла поземка. Но странно!—садъ четко чернѣлъ надъ ея непрерывно несущимися вихрями, и звѣзды огнемъ горѣли въ черно-синемъ чистомъ небѣ. Утопая въ снѣгу, нагибая голову отъ жгучей, захватывающей духъ, пыли, студентъ одолѣлъ гудящую аллею и глянулъ въ поле: темъ, смутно волнующееся бѣлесое море—и надъ нимъ, какъ два страшныхъ, то исчезающихъ, то появляющихся алмазно-голубыхъ глаза, двѣ яркихъ широко разставленныхъ звѣзды...

Второй разъ студентъ добрался до садоваго

вала въ двѣнадцатомъ часу. То же самое! Только еще морознѣе и страшнѣе. Все спитъ мертвымъ сномъ, нигдѣ ни огонька, садъ реветъ властно и дико. Небо еще чище, чернѣе, звѣзды еще пламеннѣе... А надъ бѣлымъ моремъ метели—два еще шире раскинутыхъ, кровавыхъ глаза: рѣдкое и зловѣщее сочетаніе Арктура и Марса. Остро блещутъ зерна Волопаса, вѣеромъ разсыпанныя на горизонтѣ за мельницей. Близнецы, сдвинувшись, горятъ почти надъ головой...

— Замерзнетъ, чортъ!—съ сердцемъ подумалъ студентъ.

И всю ночь тревожно и однообразно стучали въ темный домъ, заносимый снѣгомъ, плохо прикрытые ставни. До костей промерзнувъ на вѣтру, студентъ заснулъ крѣпко, но потомъ сталъ сквозь сонъ томиться этимъ стукомъ. Онъ очнулся, зажегъ свѣчу, одѣлся... Ставни уже не стучали. И, выйдя на крыльцо, онъ услышалъ отдаленную сонно-пѣвучую переключку пѣтуховъ и замеръ отъ восхищенія.

Свѣжо и остро пахло тѣмъ особеннымъ воздухомъ, что бываетъ послѣ вьюги съ сѣвера. Тихая, звонкая ночь, вся золотистая отъ полумѣсяца, низко стоявшаго надъ побѣлѣвшими садами въ долинѣ, мѣшалась съ тонкимъ свѣтомъ зари, чуть алѣвшей на востокѣ. Треугольникомъ дрожащаго расплавленного золота висѣла тамъ Венера. Марсъ и Арктуръ искрились высоко на западѣ. И всѣ звѣзды, мелкія и крупныя, такъ явственно отдѣлялись отъ бездоннаго неба, такъ были ярки и чисты, что золотыя и хрустальныя нити текли отъ нихъ чуть не до самыхъ снѣговъ, слабо отражавшихъ ихъ блескъ. Горѣли огни по избамъ на

селѣ, сонно-пѣвуче пѣли пѣтухи, какъ бы убаюкивая нѣжно-усталый, склоняющійся полумѣсяцъ. И съ звонкимъ скрипомъ, съ визгомъ вѣвжала въ ворота знакомая тройка—вся сѣро-курчавая отъ инея, съ бѣлыми пушистыми рѣсницами...

Но когда студентъ подбѣжалъ къ санямъ, мать и кучеръ въ одинъ голосъ крикнули ему, что на знаменской дорогѣ лежитъ въ снѣгу мертвое тѣло.

III.

Лежало оно внизъ лицомъ. Подняли его въ тотъ же день, въ обѣдъ. Но какой-то звѣрокъ уже успѣлъ обгрызть ему шею.

Станового оно дождалось въ холодной избѣ старосты. Постелили на полу соломки—и положили...

Закопали просто и равнодушно.

Взглянуть на него студентъ почему-то не рѣшился. Пошелъ только къ выносу, къ церкви. Опять былъ морозный ясный вечеръ, опять весело блестѣлъ крестъ въ зеленоватомъ небѣ. На крыльцѣ сторожки, возлѣ воротъ церковной ограды, безъ шапки стоялъ лысый сторожъ, георгиевскій кавалеръ, и съ дѣтски-старческимъ азартомъ въ сотый разъ рассказывалъ студенту о томъ, какъ онъ былъ подъ „Кискинтинополемъ“.

— Хорошо. Идемъ,—говорилъ онъ, неизвѣстно чему радуясь, удивляясь, тараща слезящіяся глаза.—Становимся въ этой самой, въ Санъ-Стефанѣ. Ну, теперь шабашъ ему, значить! Прямо—шабашъ... Только что-жъ вы, господа, думаете?

И лицо сторожа дѣлалось еще изумленнѣе, еще хитрѣй и радостнѣй.

— Что жъ вы думаете! — вскрикивалъ онъ, выдержавъ паузу, хлопнувъ себя по ляжкамъ и заливаясь сиплымъ притворнымъ смѣхомъ.—Вдругъ приказъ: назадъ! окороти!

— А ты боялся на войнѣ-то?—спросилъ студентъ.—Смерти-то боишься?

— Смерти-то? Чего жъ ее бояться? Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать!

— Эко-ся!—сказалъ студентъ, поддѣлываясь подъ его тонъ.—А ну-ка да нѣтъ тамъ ничего,—на томъ свѣтѣ-то?

Сторожъ подумалъ, хитрыми глазами глядя въ землю. И вдругъ быстро и восторженно срѣзалъ его:

— Такъ. А кто жъ колчегъ-то строилъ?

Студентъ опѣшилъ. „Какой такой колчегъ? Ковчегъ, что-ли?“—хотѣлъ спросить онъ. Но сторожъ ужъ замѣтилъ, что срѣзалъ.

— Вотъ то-то и оно-то!—воскликнулъ онъ восторженно.

— Дикарь!—подумалъ студентъ съ сердцемъ и отвернулся.

Подходили, весело переговариваясь, дѣвки и ребятишки изъ училища. Сторожъ выбралъ взглядомъ одного изъ нихъ и вдругъ по-солдатски гаркнулъ:

— Пашка! Отвѣчай скорѣе: кто колчегъ построилъ?

Пашка глянулъ на студента, побагровѣлъ и низко нагнулъ голову.

— Ты голову-то не вороти, а говори мнѣ: Богъ ай нѣтъ?

— Богъ,—пробормоталъ Пашка.

— Вотъ то-то и оно-то!—сказалъ сторожъ.

Наконецъ, показалась небольшая толпа: нѣсколько человѣкъ, безъ шапокъ, низко несли на полотенцахъ огромный тесовый гробъ. Ударили въ колоколь. Подкатали козырьки съ высокимъ и сутулымъ дьякономъ и сѣдобородымъ попомъ въ теплой скуфьѣ.

— Поживѣй, ребяташки, поживѣй! — бодро крикнулъ попъ, выпрастывая изъ козырьковъ ногу въ огромной калошѣ.

И тащившіе гробъ почти бѣгомъ, съ оживленными лицами, спотыкаясь подъ тяжестью, дружной толпой кинулись въ ворота среди дѣвокъ и мальчишекъ. Студентъ, съ застучавшимъ сердцемъ, приподнялъ картузь и покосился на коленкоръ, закрывавшій лицо этого страннаго, всѣмъ чужого покойника.

Вдругъ изъ-подъ горы показался мужикъ, рыжий, лохматый, тоже съ раскрытой головой,—съ дѣтскимъ гробикомъ подъ мышкой. Онъ бѣжалъ и весь сіялъ отъ радости.

— Разрѣшилъ! — крикнулъ онъ сторожу и, добѣжавъ до церковной ограды, остановился черевести духъ.—Разрѣшилъ! Дьяконъ было уперся, а батюшка и слова не сказалъ...

Сторожъ хлопнулъ себя по ляжкамъ и вытирацилъ слезящіеся глаза.

— Да что ты? Ну, значить, могоарычъ! Только что жъ ты, дуракъ, съ гробомъ-то бѣгалъ?

Мужикъ заволновался.

— Чудака чловѣкъ! Да ты жъ самъ болталъ— не велить, моль, батюшка безъ спросу въ церковь ставить... Да и тяжести всего два фунта.

— А въ чемъ дѣло-то? — спросилъ студентъ.

— Да въ томъ дѣло, что ужъ очень ловко линія мнѣ вышла,—взволнованно и радостно сказалъ мужикъ.—То бы мнѣ, значить, для дѣвченки-то могилку рыть, да батюшку, али, скажемъ, хоть отца дьякона тревожить, да то, да се, пятое-десятое, а тутъ такъ ловко вышло, что поставлю я ее съ Господомъ на этого самаго странничка—и шабашъ!

— Ну, вотъ, къ тому-то я и говорю, — перебилъ сторожъ.— Къ тому и веду, что могоарычъ съ тебя на радостяхъ.

— За мной, братъ, не пропадетъ,—пробормоталъ мужикъ, поворачиваясь къ воротамъ.

На могоарычъ и пошелъ полтинникъ, подаренный нищему. Его нашли въ варежкѣ покойника и вернули „по принадлежности“. Но онъ казался такимъ страннымъ отъ мертвой руки, сжимавшей его, что студентъ радъ былъ отъ него избавиться.

Долго казалась ему странной и безымянная могила, выросшая на погостѣ за церковью. Все вспоминались высокій костыль, финская шапка, черные глаза, прядь длинныхъ волосъ. Хотѣлось написать рассказъ... Но вѣдь сколько уже написано объ этихъ замерзающихъ! Хотѣлось озаглавить зло и рѣзко: „Дикари“. Но дикари ли?.. Да и смущалъ, трогалъ дѣтскій гробикъ, случайно попавшій въ эту могилу, на чей-то безтолково-огромный, всѣмъ чужой гробъ... Развѣ это выразишь?

Старая пѣсня.

I.

Въ этотъ вечеръ мы встрѣтились на станціи. Она кого-то ждала и была разсѣяна.

Поѣздъ пришелъ и затопилъ платформу народомъ. Пахло пачулью, лѣсомъ послѣ дождя, каменнымъ углемъ. Знакомыхъ было такъ много, что мы едва успѣвали раскланиваться. Но того, кого она тревожно искала глазами, невпопадъ отвѣчая на мои вопросы,— не было.

Поѣздъ тронулся—и она остановилась, глядя широко раскрытыми синими глазами на мелькающіе вдоль платформы вагоны. Въ окнахъ, на площадкахъ—всюду были лица, лица... Но того лица, что было нужно, не было.

Наконецъ, стѣна вагоновъ сразу оборвалась, мелькнулъ задній буферъ, поѣздъ, быстро уменьшаясь, сталъ таять въ пролетѣ между зелеными лѣсами — и на опустѣвшей платформѣ тонко заблестѣли длинные полосы дождевой воды, голубой отъ неба. Но она все стояла, глядя на просѣку.

Платформа была въ тѣни, — солнце скрылось за ея навѣсомъ, сзади насъ, но дачи въ лѣсу, напротивъ, были еще озарены и весело горѣли стеклами, какъ золотой слюдой. Гдѣ-то страстно и отчаянно, въ носъ, пѣлъ граммофонъ; гдѣ-то шелкали шары крокета и раздавались крики... Я проводилъ глазами пѣгаго лягаша, бѣжавшаго по рельсамъ, и уже взялся было за козырекъ. Но тутъ она, даже не взглянувъ на меня, коротко сказала: „пройдемтесь немного“—и я пошелъ.

За платформой въ глаза ударило яркое вечернее солнце; но дальше стоялъ тѣнистый лѣсъ. И мы долго шли его прохладной просѣкой, по корнямъ и утоптаннымъ, упругимъ тропинкамъ возлѣ грязной дороги, среди зеленыхъ лимовъ, осинъ и густого орѣшника, задѣвавшего насъ бархатистой листвою.

Она шла впереди, — и я глядѣлъ на ея юбку, подоломъ которой она обвила себѣ ноги, на клѣтчатую кофточку, на тяжелый узелъ агатовыхъ костей. Она шла и ловко выбирала мѣста посуше, наклоняясь отъ вѣтокъ.

И, помню, мнѣ было скучновато.

Надоѣло молчать, надоѣло нести на рукѣ пальто...

— О чемъ вы думаете? — спросила она разъ, не оборачиваясь.

— О вашихъ ботинкахъ,—сказалъ я.—Ноги у васъ красивыя и обувь всегда отличная,—главное, не на французскихъ каблукахъ. Не вѣрю женщинамъ на французскихъ каблукахъ.

— А мнѣ вѣрите?

— Вѣрю.

И мы опять замолчали.

Но вот просьба кончилась, мы очутились на солнцѣ—на открытомъ зеленомъ бугрѣ, — и она вдругъ остановилась и обернулась.

Лицо ея было весело и спокойно.

— Какой вы милый!—сказала она.—Идетъ себѣ и молчить... У меня неожиданный приливъ нѣжности къ вамъ.

Я отвѣтилъ сдержанно, чуть улыбаясь:

— Спасибо. Это въ горѣ бываетъ.

Она широко раскрыла заблестѣвшіе глаза.

— Въ горѣ? Да клянусь вамъ всѣмъ, чѣмъ угодно! Напротивъ...

— Толкуйте!

— Не вѣрите?

— Не вѣрю. Мало того: знаю, что сейчасъ вы предложите мнѣ догонять васъ.

— Bravo! Угадали. Хотите?

Я подошелъ къ ней и, взявъ за руки, слегка притянулъ къ себѣ. Она отклонилась.

— Нѣтъ,—пробормотала она.—Нѣтъ... Пожалуйста!

И, помолчавъ, ловкимъ движеніемъ выдернула руки, подхватила юбки и побѣжала съ бугра въ разлужье.

Направо и налево были овраги, заросшіе лѣсомъ, впереди—широкая лощина, покрытая рядами скошеннаго сѣна, почти вся въ тѣни. Сбѣжавъ въ разлужье, она остановилась на границѣ этой тѣни, въ блескѣ низкаго солнца. Но, подпустивъ меня на шагъ, прыгнула черезъ канаву и пустилась по лощинѣ. Я прыгнулъ за нею—и вдругъ съ неба посыпался быстрый сухой порошокъ, а на взгорье налево внезапно пала легкая, чуть дымящаяся радуга.

— Дождь!—звонко крикнула она и еще быстрѣе побѣжала по засверкавшему подъ ливнемъ лугу.

Половина его, еще озаренная солнцемъ, дрожала и сіяла въ стеклянной, переливающейся золотомъ сѣти,—рѣдкій крупный дождь сыпался на нее торопливо и шумно. Видно было, какъ длинными иглами неслись съ веселаго голубого неба, изъ высокой дымчатой тучки, капли... Потомъ онѣ замелькали рѣже, радуга на взгорьѣ стала меркнуть—и порошокъ сразу замеръ.

Добѣжавъ до стога, она упала въ него и засмѣялась.

— Возьмите хоть пальто-то!—крикнулъ я.

— Да ужъ прошло все, — отвѣтила она, блестя счастливыми глазами.

Однако, поднялась и накинула пальто на плечи.

— Недостаетъ надѣть набекрень вашъ картузь,—сказала она. — И потомъ сняться, какъ это дѣлаютъ всѣ дачныя дѣвицы.

Смѣхъ еще искрился въ ея глазахъ, грудь дышала порывисто, въ волосахъ мерпали капельки.

— Попробуйте, какъ бьется сердце, — прибавила она, взявъ мою руку.

Я неловко приложилъ ладонь къ ея лѣвой груди. Потомъ обнялъ за талию и слегка притянулъ къ себѣ.

— Лена...

— Что? — спросила она шопотомъ, таинственнымъ и ласковымъ, и взглянула на меня большими синими глазами.—Ну, что?

Я наклонился къ ея полуоткрытымъ губамъ и не отрывался отъ нихъ долго-долго...

Она не сопротивлялась.

Потомъ тихо отстранила меня, сѣла на сѣно и отвернула отъ меня зардѣвшееся лицо. Она перекусывала сухой стебелекъ и блестящими глазами разсѣянно смотрѣла куда-то вдаль.

— Это первый и послѣдній разъ, — сказала она.—Хорошо?

— Хорошо,—отвѣтилъ я.

— Серьезно?

— Совершенно.

Она пристально посмотрѣла на меня.

— А вы хоть немножко любите меня?

— Мнѣ сейчасъ очень хорошо съ вами.

— И мнѣ... Впрочемъ, мнѣ ужъ давно... И не ревнуете меня ни къ кому... Мое чувство къ вамъ... необычно, что ли, но никогда еще...

— Вѣрю и понимаю.

Она задумалась.

— А часто мы будемъ встрѣчаться?

— Каждый день.

— А то, что я ждала кого-то, право, не имѣть ни малѣйшаго отношенія къ намъ...

Она протянула мнѣ руки. Я поцѣловаль сперва одну, потомъ другую.

— А теперь пойдемъ. Хорошо?

— Хорошо. Но куда?

— Еще немного по лугу.

— А мамаша съ папашей?

— Это пустяки. Мама надуется, а папа—чудесный человѣкъ... Впрочемъ, всѣ дѣвицы обожаютъ отцовъ... Поднимите меня.

Я поднялъ ее — и она мелькомъ, застѣнчиво улыбнулась. Потомъ милыми женскими движеніями поправила волосы, глубоко вздохнула свѣжестью луга и подобрала юбки.

Въ лѣсу, то тамъ, то здѣсь, глухо куковала кукушка, оттѣняя его глубину и звучность послѣ дождя, высоко въ небѣ пыли и таяли теплыя дымчатыя облака съ золотисто-алыми краями... И, немного фальшиво поддерживая незначительный разговоръ, дѣлая видъ, что не случилось ничего особеннаго, мы легко попли куда глаза глядятъ по лугу.

II.

На возвратномъ пути мы заблудились.

Были сумерки, надвигались тучи... Я слегка растерялся.

Но она быстро сообразила, что гдѣ. И увѣренно повела меня.

Тутъ, уступая моей просьбѣ, кратко, намеками, не называя имени и волнуясь, она рассказала мнѣ свою исторію. Но видно было, что ей хотѣлось отдалить этотъ разговоръ. Кончивъ, она долго шла молча.

Потомъ заглянула мнѣ въ лицо:

— А если я спрошу что-нибудь?—сказала она.—У васъ вѣдь тоже что-то было?

— Боже мой, у кого этого не было!

— И что же—вы были... счастливы?

— „На свѣтѣ счастья нѣтъ“... — сказалъ я шутиливо.

— „А есть покой и воля“...—добавила она.— Да, да... Но—серьезно?

— Одинъ вечеръ былъ чудесный.

— Милый, расскажите,—какъ это было?

— Въ морѣ, осенью. Мы съ ней сидѣли въ

каютъ-компаніи. Пароходъ былъ старый, полугрузовой. Она читала, я слушала, какъ шумѣлъ за тонкими стѣнами вѣтеръ, смотрѣлъ то въ круглые иллюминаторы, то на ея проборъ. Волосы у нея были черные, рѣсницы длинныя, кроткія. Темнѣло, пароходъ шелъ, кланяясь и раскачиваясь, по иллюминаторамъ, то опускаясь, то поднимаясь, двигалась полоска горизонта...

— А что такое—иллюминаторъ?

— Окно.

— Корабельное? Ахъ, Боже мой, Боже мой! Какъ бы я хотѣла...

— Далеко, далеко?

— Ну, да, далеко, далеко. Не смѣйтесь: это такая завѣтная мечта!.. Впрочемъ, рассказывайте лучше.

— Да и рассказывать-то больше нечего. Иногда я видѣлъ только волны, синеватую волнистую равнину, идущую въ гору; иногда—только пустое облачное небо. Лакеи, присѣдая, стучали тяжелыми тарелками, раскладывали ихъ по столу; два нѣмца, скованные узкими модными костюмами и высокими воротничками, разсматривали свои письма, счеты и съ величайшимъ трудомъ поворачивали головы съ короткими, прилизанными волосами...

— Да нѣтъ, милый, вы серьезно рассказывайте!

— Самымъ серьезнымъ образомъ.

— Да, но совсѣмъ не о томъ. Мнѣ это ужасно нравится, но сейчасъ мнѣ не до нѣмцевъ.

— А безъ нѣмцевъ я не могу.

— Ну, рассказывайте, какъ можете.

— Ну, такъ вотъ, я и говорю: сидѣли нѣмцы, слышался глухой и неравномѣрный грохотъ винта,

работавшаго гдѣ-то глубоко подъ нами, да шумъ волнъ, бившихъ въ корму, паравшихъ обшивку... Наступала ночь, качка, а мнѣ казалось, что все хорошо, все отлично, что я теперь могу ничего не бояться... Помню, она сказала: „темно“—и подняла на меня довѣрчивые дѣвичьи глаза... Встала, покачнулася, засмѣялася, схватила за мою руку... И мы пошли по зыбкимъ, поминутно опускающимся лѣстницамъ въ рубку... Вѣтеръ вырвалъ изъ моихъ рукъ дверь, какъ только мы переступили порогъ на палубу, обдалъ насъ холодомъ, свѣжестью, запахомъ моря, оглушилъ смѣшаннымъ шумомъ волнъ и снастей... И такъ далѣе, и такъ далѣе...

Я замолкъ, она тоже помолчала. Она опустила голову и что-то думала, разглядывая дорогу.

Въ лѣсу стояли долгія сѣверныя сумерки. А лѣсъ, молчаливый, темный, тянулся на много верстъ вокругъ. И весь этотъ лѣсной край былъ погруженъ теперь въ грустное и спокойное ожиданіе ночи, медленно нарастающей, безшумно приближавшейся по глухимъ тропинкамъ, подъ недвижными вѣтвями березъ и елей. Зыбкій полусвѣтъ, сохранившійся отъ заката, таялъ, задремывалъ. Мелкое болотистое озеро, по берегу котораго мы пробирались, еще бѣлѣло межъ деревьевъ. Но и оно было тускло и печально—какъ и все въ лѣсу.

— А потомъ?— вдругъ спросила она.

— Что жъ потомъ? Конечно, будни, ссоры, непониманіе другъ друга... Вы не устали?

— Нѣтъ, — отвѣтила она. — Я, мнѣ кажется, тысячу верстъ могу нынче пройти. Да скоро и линія, а тамъ, по шпаламъ, будетъ легче..

Надвинулись тучи, сливаясь съ темнотою лѣса. Цѣпенѣль теплый сонный воздухъ, напоенный прянымъ ароматомъ болотныхъ травъ и хвои. Свѣтляки золотистыми изумрудами тлѣли подъ кустами, задремывающими подъ таинственный шопотъ кузнечиковъ... Чтобы сократить путь, мы повернули отъ озера въ длинный и широкій коридоръ вѣковыхъ сосенъ. И, уже съ трудомъ различая дорогу, пошли по глубокому песку и корнямъ къ полянѣ.

И вдругъ...

Что-то зашуршало въ сухой перепутанной хвоѣ—и оттуда коломъ вынырнула большая головастая сова. Она метнулась на насъ—я даже успѣлъ разглядѣть ея сѣрые штаники—и взвилась на своихъ широкихъ, круглыхъ крыльяхъ.

Она отшатнулась и стала.

А сова, беззвучно описавъ дугу, снова пала внизъ и плавно потонула въ чащѣ вѣтвей и мракѣ.

— Не къ добру,—сказала она, покачавъ головой.

Я улыбнулся.

— Увѣряю васъ, не къ добру,—повторила она просто и настойчиво.

— Что же будетъ?

— Ахъ, да что всегда бываетъ! Впрочемъ, мнѣ все равно... Все равно, эти дни съ вами и особенно этотъ вечеръ я никогда не забуду. Дайте я поцѣлую васъ—на прощаніе. Мы почти пришли.

— Бросьте вы эту дешевую мистику!—сказалъ я.

— Да нѣтъ, я многого вамъ не досказала...

— А условіе?

— Ну, что жъ, и это по-женски... Вѣдь мы больше не увидимся. Ну?

Она обняла меня и крѣпко поцѣловала въ губы. Грустно и нѣжно посмотрѣла въ лицо, подумала и поцѣловала одинъ глазъ, другой...

— Совсѣмъ какъ въ романѣ,—тихо сказала она.—Возьму васъ теперь подъ руку и пойдемъ себѣ къ дому...

И мы пошли черезъ поляну на зеленый огонекъ семафора, мерцавшей за деревьями. Совсѣмъ стемнѣло; тихо зашептался съ лѣсомъ дождь. А когда мы вбѣжали на балконъ дачи, подъ парусиновый навѣсъ, къ чайному столу, освѣщенному свѣчами въ колпачкахъ, дождь уже лилъ какъ изъ ведра.

Мы отряхивались и притворно-весело рассказывали, какъ мы заблудились, какъ искали дорогу. И вдругъ смолкли: изъ темнаго угла балкона, съ качалки, поднялся непомѣрно высокій, худой и широкоплечій человекъ лѣтъ тридцати, съ красивымъ голымъ черепомъ, чудесной черной бородой и блестящими глазами. Старики смуглились, она поблѣднѣла... Мы пожали его большую руку и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, я посмотрѣлъ ему въ лицо и сказалъ:

— Боже, какой вы высокій!

— Дальше видно,—отвѣтилъ онъ машинально, оглядывая меня.

— Изъ васъ вышелъ бы отличный средневѣковый латникъ!

— Да?—живо спросилъ онъ.—Что жъ, могло быть. Знаете, какъ меня зовутъ? Графъ Маммуна. Я немного арабъ.

Я съ притворнымъ изумленіемъ раскрылъ глаза:

— Эль-Маммуна?..

И поспѣшилъ проститься.

Мнѣ быстро отыскали старый огромный зонть, раскрывавшійся съ трескомъ, какъ какая-то высушенная черная птица, надавали совѣтовъ, гдѣ лучше пройти, и я спустился съ мокрыхъ ступеней балкона въ непроглядную тьму ночи.

Она стояла на порогѣ, въ свѣтломъ треугольникѣ парусиннаго шатра. Когда я добрался до калитки, она, не повышая голоса, спросила:

— Нашли?

И еще тише прибавила:

— Прощайте.

И это было послѣднее слово, слышанное мною отъ нея.

III.

„Дорогой другъ мой,—писала она мнѣ черезъ четыре мѣсяца послѣ этого—помните ли, что я говорила вамъ? Я была права.

Я была совершенно ошеломлена. Я была ошеломлена тѣмъ, что такъ неожиданно и просто произошло между нами. Какъ только мы пошли по лугу, я внутренно ахнула: „Какъ быть теперь?“ Но все-таки я была за сто верстъ отъ мысли, что все это оборвется такъ внезапно...

Не вините меня, что я исчезла, даже не предупредивъ васъ. Онъ въ тысячу разъ сильнѣе меня. Я потеряла волю, упустила страшный моментъ, когда еще можно было все переломить — и, можетъ быть,—такъ хорошо переломить! Но дѣло сдѣлано — и теперь у меня нѣтъ уже почти никакихъ надеждъ на встрѣчу съ вами. Да и какъ бы мы встрѣтились? Мнѣ кажется, я нисколько, нисколько не

обманываю себя на счетъ вашего чувства. Для васъ это былъ очень неожиданный и очень маленький романъ. Но все равно: клянусь вамъ,—если я кого-нибудь любила за всю свою жизнь, то это васъ. Старая дѣсня, какъ вы говорите...

Что такое эта мириада разъ воспѣтая людьми любовь? Мнѣ часто казалось, что пора бы и постыдиться воспѣвать ее. Но, можетъ быть, дѣло-то и не въ самой любви. Въ письмахъ одного умершаго писателя я недавно прочла:

— Любовь—это когда хочется того, чего нѣтъ и не бываетъ.

Да, да, никогда не бываетъ! Но все равно. Нужно нести въ себѣ хоть какой-нибудь, хоть слабенькій ночничекъ!

Вспоминаю я васъ чаще всего въ сумерки. Въ сумерки мы простились, въ сумерки я пишу вамъ и это первое и, вѣрно, послѣднее письмо.

Въ тѣ вечера, что бываютъ похожи на тотъ золотой, единственный вечеръ, когда я поцѣловала васъ, я не могу думать. Мнѣ хочется тогда закричать, заплакать страшными, отчаянными слезами.

Другое дѣло—ночь, сумерки...

Пишу вамъ Богъ знаетъ откуда: изъ Гларнскихъ Альпъ, изъ ледяного пустого отеля за облаками, въ октябрьскій вечеръ. У него начинается чахотка—и я безсовѣстно издѣваюсь надъ его жизнью. Я не только держу его въ Альпахъ въ самую нелѣпую пору—я еще таскаю его въ самые скверные туманные дни по озерамъ, въ горы... Мы теперь совсѣмъ чужіе другъ другу, но теперь онъ покорень мнѣ.

Онъ молчитъ по цѣлымъ днямъ, блеститъ глазами, но покорень. Молча шель и на Риги. Когда

мы вошли сюда, прислуга отеля, доживающая здѣсь послѣдніе дни простой, крестьянской жизнью въ кухнѣ, ахнула отъ изумленія: вотъ такъ гости! Но, можетъ быть, и потому, что онъ былъ блѣденъ и огроменъ, какъ смерть.

А пошла я сюда ради васъ. Чтобы думать, вспоминать въ тишинѣ, въ безнадежности...

Такъ хорошо, такъ задумчиво синѣютъ поздней осенью долины, уходя другъ за другомъ въ горы. А вершины горъ, дикія, сумрачныя, по плечи тонутъ въ облачномъ небѣ. Небо равнодушно и низко виситъ надъ озерами, и неподвижно лежатъ темно-свинцовыя озера, налитыя между туманно-сизыми кряжами. Когда я гляжу въ это облачное небо, меня всегда тянетъ уйти въ его туманы, провести ночь въ какомъ-нибудь пустомъ горномъ отелѣ... Я бы полжизни отдала, чтобы вы были здѣсь, со мною, а не онъ,—буду же хотъ писать вамъ. И пошлю письмо изъ Люцерна, заказнымъ. Милый, дорогой!

Мы уѣхали изъ города на пароходѣ утромъ, а послѣ полудня были уже далеко въ горахъ. Немного жутко было,—а вдругъ пойдутъ метели? Но какая-то старенькая обезьяна въ деревянныхъ башмакахъ, бритая, съ черной трубочкой въ зубахъ, встрѣтившаяся намъ, когда мы только что вступили на забытую до весны зубчатую дорогу, утѣшила насъ: „О, вѣтъ, это еще не пора метелей“.

Зато какъ печально тутъ!

Низкорослый лѣсъ на обрывахъ и скатахъ былъ рѣдокъ, дремалъ и скупно ронялъ мелкіе желтые листики. Иногда изъ-за деревьевъ глядѣли тупыя, изумленные морды большихъ красныхъ коровъ. Иногда слышался птичій свистъ мальчишекъ—

пастуховъ, собиравшихъ по кустарникамъ хворостъ...

Когда замерли и эти звуки, въ воздухѣ очень посвѣжѣло...

Въ глубочайшей тишинѣ мы шагали все выше и выше, а съ горъ, съ кручъ, сумрачно синѣвшихъ сосновыми лѣсами, сѣрымъ дымомъ спускалась зима.

Остановиваясь, чтобы передохнуть, я подолгу смотрѣла въ долины, слабо лиловѣвшія въ деревьяхъ, далеко внизу. Тогда слышно было паденіе каждаго листика. Мокрые кустарники плакали— тихо, тихо...

Близъ какого-то туннеля, чернѣвшаго своимъ жерломъ въ туманѣ, встрѣтили какой-то поселокъ— пять-шесть сонныхъ хижинокъ на скатѣ. Только не спѣша можно было одолѣвать трудный подъемъ по грязнымъ скользкимъ шпаламъ. Но очень скоро отъ поселка осталось одно пятно внизу, а съ горъ уже повѣяло сыростью осенняго снѣга.

Тутъ онъ остановился и предложилъ вернуться. Я наотрѣзъ отказалась.

— Не остроумно,—сказалъ онъ задумчиво.— Я весь мокрый.

И прибавилъ:

— Похоже на бабій капризъ.

Мнѣ сдѣлалось страшно неловко, потому что и правда—послѣ этого разговора стало похоже.

Но тѣмъ досаднѣй и глупѣй было бы вернуться...

Туманъ все густѣлъ и темнѣлъ, а мы шли ему навстрѣчу, миновали черную, закопченную и гулкую дыру туннеля, прошли почти отвѣсный мостъ надъ дымнымъ бездоннымъ ущельемъ... Если мой невольный спутникъ отставалъ, онъ мгновенно

расплывался въ туманѣ. И когда мы перекликались, голоса наши были глухи и странны.

Разъ онъ окликнулъ меня,—онъ все сзади шель,—и, когда я остановилась, подошелъ и протянулъ мнѣ руку.

— Будь ласкова, — несмѣло сказалъ онъ,— заберись мнѣ въ рукавъ и вытяни фуфайку. У меня такія лапищи...

И мнѣ стало жаль его. Онъ уловилъ это, опустилъ глаза и прибавилъ:

— И потомъ, поѣдемъ куда-нибудь, гдѣ тепло, и займемся оба какимъ-нибудь дѣломъ. Я попробую поправиться... А такъ очень тяжело.

— Разойтись намъ надо—отвѣтила я.

Онъ помолчалъ. И пробормоталъ, сдвигая брови:

— Трудно это...

— Тогда я возьму на себя этотъ трудъ—сказала я.—Эта драма начинаетъ становиться пошлой. Ты не смѣешь дѣлать меня жертвой своей нелѣпой страсти.

— Я все смѣю,—сказалъ онъ, въ упоръ глядя на меня.—Мнѣ терять нечего.

Я отвернулась и пошла...

Настояю ли я на своемъ, или нѣтъ, не знаю. Но внутренняя увѣренность въ этомъ у меня такъ сильна, что мнѣ не хочется даже обдумывать, какъ это выйдетъ.

Мокрые рельсы, покрытые тающимъ снѣгомъ, сбѣгали сверху, сосны и ели шли оттуда по обрывамъ. Въ сумеркахъ, въ туманѣ можно было скорѣе чувствовать, чѣмъ различать ихъ лиловатыя пятна. И надо всѣми этими хмурыми горами стояла такая тяжелая тишина заоблачнаго царства, которая исключала малѣйшій признакъ жизни...

Но вотъ въ старой ели, стоявшей возлѣ дороги, послышался шорохъ. Помните сову? Я именно здѣсь вспомнила ее и послѣ этого рѣшила непременно написать вамъ. Это была, конечно, не сова, это былъ королекъ—кажется, самая маленькая изъ всѣхъ существующихъ птицъ. Сбренъкій, вспорхнулъ онъ съ мокраго дымящаго рукава ели, сѣлъ, было, на дорогу—и тихо перелетѣлъ къ обрывамъ налѣво, въ туманъ...

Представляете себѣ этотъ вечеръ? Мглистыя стѣны бора, мокрый блѣдный снѣгъ вдоль дороги, дымныя пропасти, гдѣ виситъ густая аспидная мгла... А королекъ спокоенъ. Онъ занятъ какимъ-то тихимъ дѣломъ. Его не пугаетъ зимняя горная ночь. Онъ проведетъ ее гдѣ придется—предоставивъ себя чьей-то высшей защитѣ... У меня же нѣтъ вѣры и въ эту защиту!

Вы вѣрно слышали, что мама умерла еще въ августѣ, сразу, отъ сердца. Папа очень опустился и совсѣмъ растерялъ паціентовъ. Бѣдна я ужасно—и, конечно, это сильно влѣяетъ на мою рѣшимость вырваться на воздухъ. Стыдно сказать, но своихъ денегъ у меня осталось всего франковъ двѣнадцать. Я давеча хотѣла приказать истопить каминь—и не рѣшилась, узнавъ, что корзинка еловыхъ шишекъ и щепочекъ стоитъ три франка...

Сейчасъ лягу спать въ этомъ пустомъ ледяномъ номерѣ, пахнущемъ сосною и, когда потушу электричество, буду думать, что я за облаками, въ настоящемъ царствѣ смерти. Онъ лежитъ въ сосѣдномъ номерѣ и глухо кашляетъ. Это не человѣкъ, а какія-то погребальныя дроги. Я ненавижу его всею душою!

Больше я писать вамъ, вѣрно, не буду. Если

встрѣтимся и я буду свободна, поцѣлую ваши руки отъ радости—дѣлайте тогда со мной, что хотите. Нѣтъ,—такъ тому и быть!

Ради Бога напишите мнѣ хоть словечко—въ Вева. Ваша Лена“.

IV.

Но и это письмо дошло до меня Богъ знаетъ когда. Изъ Москвы переслали его въ деревню. Тамъ оно провалялось чуть не три мѣсяца, потомъ колесило по югу. И получилъ я его уже въ началѣ марта, передъ отъѣздомъ изъ Крыма.

Тронуло оно меня, взволновало—ужасно.

„Ваша Лена!“

Но, побѣгавъ по набережной, я такъ и не придумалъ, что написать въ отвѣтъ, что сдѣлать. Придумалъ только одно, прости меня, Боже:

— Поѣду-ка и я черезъ горы, на лошадахъ.

На крымскихъ горахъ тоже висѣлъ туманъ. Но была весна, мнѣ было двадцать восемь лѣтъ...

На Ляй-Лю, въ грязной корчмѣ на перевалѣ, я пилъ кислое красное вино, пока перепрягали тройку. Все тонуло во мглѣ, пронесившейся по вѣтру мимо окошечка корчмы — и вспоминались осенніе вечера, пастухи, проводящіе здѣсь почти всю свою жизнь среди облаковъ и свиста горнаго вѣтра, овцы, жмушіяся другъ къ другу въ загонкахъ... Я вынулъ письмо съ Риги, перечиталъ его—и у меня забилося сердце.

— Ахъ, милая, чудесная!—подумалъ я. — Но что сдѣлать? Что сдѣлать?

Въ корчмѣ не сидѣлось. Я вышелъ на воздухъ...

Туманъ розовѣлъ, таялъ. Въ мгlistой вышинѣ свѣтлѣло, теплѣло. Въ небесахъ, въ дыму облаковъ обозначалось что-то радостное, нѣжное... Оно росло, ширилось — и внезапно засіяло лазурью...

Надо написать,—непремѣнно!

Но что?

У нея синіе прелестные глаза, грудной голосъ... У нея есть и красота, и умъ, и вкусъ, и здоровье, и молодость... „Поцѣлую ваши руки отъ радости, если буду свободна и встрѣчу васъ“... А я ничего не могу! Я самъ едва выпутался изъ не менѣе тяжелой исторіи...

Въ величавомъ храмѣ горной пустыни, окружавшей меня, сіялъ легкій, легкій куполь. Но еще долго рѣяла по Ляй-Лю тонкая разсѣянная мгла, еще долго, какъ жертвенники, курились зубчатые утесы надъ стремнинами, пока не блеснуло, наконецъ, солнце. И тогда отъ тумана не осталось и слѣда. Небо раскрылось надъ горами во всей своей необъятности, далеко зазеленѣло въ чистомъ воздухѣ волнистое плоскогорье... Вѣтеръ тянулъ съ сѣвера, но онъ былъ ласковъ, мягокъ... И опьяненный солнечнымъ тепломъ, этимъ вѣтромъ, я быстро пошелъ къ обрывамъ, чтобы еще разъ взглянуть на море.

Исполинская дымчатая тѣнь въ радужномъ ореолѣ пала отъ меня въ густой зыбкій паръ подъ обрывомъ. Безконечная, изрытая равнина сгустившихся облаковъ—цѣлая страна бѣлыхъ рыхлыхъ холмовъ — развернулась передъ моими глазами. вмѣсто бездонныхъ стремнинъ и скалъ, вмѣсто прибрежій и заливовъ, до самаго горизонта — и къ югу, и къ востоку, и къ западу—простиралась подо мною эта равнина, необозримымъ

слоем повисшая надъ моремъ... И вся сила моей души, вся печаль и радость—печаль о той, другой, которую я еще любилъ тогда, и безотчетная радость весны, молодости—все ушло туда, гдѣ, на самомъ горизонтѣ, за южнымъ краемъ слоя, длинной, яркой лентой синѣло море...

Надо написать, надо что-то сдѣлать... Но что?

Колокольчикъ однообразнымъ дорожнымъ напѣвомъ говорилъ о долгомъ пути, о томъ, что прошлое—отжито, что впереди—новая жизнь... „И все это мое, и все это во мнѣ, и все это—я“, подумалъ я словами Пьера Безухова, глядя въ голубое небо. Старая дорожная коляска, старая почтовая тройка, ушастый ямщикъ-татаринъ на высокихъ козлахъ рядомъ съ увязанными чемоданами, дружный топотъ копытъ подъ несмолкающій плачь колокольчиковъ, безконечная лента шоссе... Долго я оборачивался и глядѣлъ на сизые зубцы скалъ, вырѣзывающихся на фонѣ пустого бездоннаго неба... А тройка, подъ заливающійся звонъ и топотъ, катилась и катилась въ долины, все ниже и ниже, все глубже и глубже въ лѣсистыя живописныя пропасти, все дальше и дальше отъ перевала, вырастающаго и уплывающаго въ небо...

Здѣсь, въ этихъ молчаливыхъ горныхъ долинахъ, стояла прозрачная тишина первыхъ весеннихъ дней, красота блѣдно-ясной лазури, черныхъ сучьевъ деревьевъ, прошлогоднихъ коричневыхъ листьевъ, слежавшихся въ кустахъ, первыхъ томныхъ фіалокъ, дикихъ тюльпановъ...

Здѣсь еще только начинали зеленѣть горные скаты, отдыхая отъ стужи и снѣга. Здѣсь хрустально-чистъ и свѣжъ былъ воздухъ, какъ бы-

ваеть онъ чистъ и свѣжъ только ранней, ранней весной...

И казалось, что ничего не нужно, кромѣ весны, неопредѣленныхъ думъ о счастьѣ, молодости...

И я отложилъ отвѣтъ на письмо съ Риги. Все откладывалъ и послѣ—дома, на сѣверѣ.

А въ концѣ марта пошелъ какъ-то на почту, въ село верстъ за пять отъ усадьбы, и получилъ записку изъ Женевы:

„Исполняя волю дочери, сообщаю вамъ, что она скончалась отъ преждевременныхъ родовъ 17 сего марта“.

V.

Были зимне-весеннія сумерки, только что начало таять. Я вышелъ изъ села, перешелъ желѣзную дорогу, вскинулъ ружье на плечи и пошелъ цѣликомъ. Не домой, а куда глаза глядятъ.

Былъ ли я потрясенъ, взволнованъ? Право, письмо съ Риги меня тронуло больше! Я только опустилъ руки, постоялъ минуту въ оцѣпенѣніи—и пошелъ...

За Каменкой я сбѣжалъ съ горы въ луга, къ нашему лѣсочку „Ключики“. Хотѣлось сдѣлать что-нибудь необыкновенное и, дойдя до караулки, я постучалъ въ окошечко. Вышелъ Сибирка, рябой, широкогрудый и приземистый мужикъ въ косматой волчьей шапкѣ.

— Вотъ, Сибирка,—сказалъ я ни съ того, ни съ сего,—получилъ я нынче письмо: померъ одинъ мой пріятель. Дома скука, хочу у тебя переночевать.

Сибирка тряхнула шапкой, зорко глянула мнѣ на ноги.

— Что жъ, — сказала онъ, — царство небесное, вѣчный покой. Всѣ помремъ; да не въ одно время.

И сейчасъ же попросился домой сбѣгать, ребяташекъ провѣдать.

Я согласился и прибавилъ:

— Ъхаль я домой, Сибирка, было мнѣ въ родѣ какъ восемнадцать лѣтъ. А теперь мнѣ сорокъ.

— Горе-то хушь кого смотаетъ, — отозвался Сибирка.

И, кивнувъ головой, запалагалъ по темной тропинкѣ, убѣгавшей въ дубнякъ, по оврагамъ.

Скоро его коротконогая фигура слилась вдали съ сумракомъ, скрылась за изгородью пустого пчельника въ разлужьѣ, гдѣ изъ снѣга торчали ульи, прикрытые корой и похожіе на грибы. И такая тишина воцарилась въ тепломъ зимнемъ воздухѣ, что хотѣлось закрыть глаза и стоять такъ долго, долго... И неподвижно сидѣли и сонно жмурились у ногъ моихъ собаки, — черный въ бѣломъ жилетѣ Цыганъ и остромордый рыжій Волчокъ въ своей пушистой шубкѣ.

Сталь падать снѣжокъ, вывелъ меня изъ опѣценѣнія — и мрачно взглянула на меня пустая изба, когда я отворилъ ея тяжелую потную дверь. Низкая, просторная, съ маленькими окошечками и огромной широкоплечей печью, она производила впечатлѣніе жилища почти дикаго. Дубки уже гудѣли въ бѣлесой темнотѣ за нею. Возвращалась зима. И, когда я зажегъ въ печи лучины, поставилъ на нихъ таганчикъ и чугуны съ водою и вышелъ въ сѣни, за хворостомъ, навстрѣчу мнѣ

понесло свѣжестью метели. Нервно хотѣлось работать и, прозябнувъ въ сѣняхъ, я съ наслаждениемъ вбѣжалъ опять въ избу и накрѣпко прихлопнулъ ея черную, липкую дверь.

— Я мужикъ, я дикарь. Мнѣ все ни по чемъ! — вотъ что хотѣлось играть передъ самимъ собою...

Изаба наполнялась душистымъ запахомъ сырыхъ дубовыхъ дровъ, сказочно была озарена яркой пастью печки. Длинные оранжево-красные языки вырывались изъ нея, — дрожа, переплетаясь, бѣжали и лизали устье, и стѣны, покрытыя сажей отъ топки по-курному, трепетно блестѣли, какъ смоляныя. Черно-бархатная кошка примостилась на концѣ широкой лавки у загнутой, ежилась, мурлыкала и жмурилась. Красный голенастый пѣтухъ, разбуженный огнемъ, туго бродилъ по соломѣ, въ тепломъ кругу свѣта. А изъ-подъ лавки зелеными самоцвѣтами вспыхивали иногда глаза Волчка.

Чугунъ съ кулешомъ между тѣмъ нагрѣвался. Онъ ужъ шипѣлъ и запѣвалъ задумчивыми жалобными голосами свои старыя пѣсни. Дикой красотой старой русской сказки притягивала къ себѣ широкая ярко-цвѣтная игра пламени. И, присѣвъ на дубовый обрубокъ среди полутемной избы, я долго, долго, какъ очарованный, смотрѣлъ на бѣгущія оранжевыя ленты.

— Умерла! — говорилъ я себѣ — и, вздрагивая, смѣялся.

Черный хлѣбъ былъ липокъ, какъ замазка, отъ чугуна воняло саломъ, но ѣлъ я съ жадностью. Свѣтъ замирающаго пламени дрожалъ подъ низкимъ потолкомъ, озарялъ то окно, то покоробленную доску иконы, стоявшей въ переднемъ углу

на лавкѣ. Образъ былъ суздальскій, большіе косые глаза Кого-то, похожаго на Будду, были страшны, въ этомъ мерданіи... Страшны пути Твои, Господи!

Я настелилъ на лавкѣ, возлѣ печки, соломы, кликнулъ въ избу Цыгана, кинулъ въ изголовье полушубокъ... Собаки подошли, посмотрѣли и, съ визгомъ зѣвая, легли... И все вокругъ стало тихо и печально.

Чтобы не угорѣть, я не закрылъ трубы и не задвинулъ печку заслонкой. Дрова прогорѣли, свѣтъ медленно меркнулъ. На мгновенье въ сумракѣ у дверей мнѣ померещилась высокая, высокая темная фигура...

— Цыганъ! — слабо крикнулъ я, приподнявшись, съ застучавшимъ сердцемъ.

Цыганъ перекошилъ и насторожилъ ухо. Насторожился и Волчокъ. Однако, прислушавшись, оба поглядѣли на меня и успокоились. „Спи, никого нѣтъ“, — сказали мнѣ эти взгляды.

Но красноватая темнота все сгущалась. На мгновенье со страшной живостью увидѣлъ я ее на лавкѣ противъ печки. Она была въ короткой юбкѣ, свѣтъ углей освѣщаль ея ноги. Приподнявъ обѣ руки, она поправляла волосы и, ласково глядя мнѣ въ лицо, беззвучно смѣялась... Нѣжность, боль и ужасъ охватили меня...

Темнота подошла къ устью, и послѣдній уголекъ на загнѣткѣ глядѣлъ въ нее, подобно закрывающемуся глазу... Вотъ и онъ померкъ... Вѣтеръ шуршалъ по завалинкѣ, заносилъ снѣгомъ окошечки. Окошечки тускло сѣрѣли... Кто-то подошелъ и взглянулъ въ одно изъ нихъ... Чья-то высокая тѣнь промелькнула и скрылась...

Я зналъ: это оборвавшаяся притуга. Но тяжело и страшно было мнѣ, какъ въ могилѣ. То, что такъ радостно сыпало дождемъ сквозь солнце подъ Москвою, что такъ вольно звало въ даль надъ Ляй-Лю, теперь смотрѣло въ окошечко такимъ тусклымъ, тусклымъ окомъ!

Сонъ Обломова-внука.

Илѣ девять * лѣтъ. На немъ гимназическій картузь, шелковая коричневая косоворотка, козловые сапожки съ сафьяновымъ ободкомъ на голенищахъ. Онъ сидитъ сзади отца на бѣговыхъ дрожкахъ, дрожки шибко катятся большой дорогой, а вокругъ—поле, лѣтнее жаркое утро...

Старую донскую кобылу подали къ крыльцу чуть не на разсвѣтѣ. Но, Боже, сколько разъ заглядываль Иля въ кабинетъ отца, въ тщетной надеждѣ, что разговоръ со старостой конченъ! Уже и росистая трава, въ тѣни отъ амбаровъ, успѣла высохнуть, и запахло въ саду бѣлоснѣжной, опѣпенѣвшей на солнечномъ припекѣ черемухой... Даже кобыла, и та стала задремывать отъ скуки: осѣла на лѣвую заднюю ногу, приложила одно ухо, прикрыла глаза...

Но всему бываетъ конецъ,—кончилась и пытка ожиданія. Держится Иля за кожаную подушку сидѣнья, задравъ ноги на заднюю ось и, почти касаясь лбомъ витыхъ стволонъ на спинѣ отца, поглядываетъ, какъ трепещутъ сверкающія на солнцѣ спицы, какъ бѣжитъ по пыли возлѣ нихъ бѣлая,

съ подпалинами, Джальма, близко видить загорѣлую шею и широкій затылокъ подъ бѣлымъ картузомъ... Солнце высоко и сильно припекаетъ, кожа на дрожкахъ стала горячая,—пріятно пахнетъ этой нагрѣтой солнцемъ кожей и колесной мазью. Душная густая пыль облакомъ встаетъ изъ-подъ колесъ, парусиновый пиджакъ на плечахъ отца темнѣетъ... Но вотъ и поворотъ на проселокъ—полевая межа, длиннымъ узкимъ корридормъ теряющаяся межъ стѣнами высокой сѣро-зеленой ржи. Отецъ сдерживаетъ лошадь и закуриваетъ, пуская черезъ плечо клубъ душистаго дыма...

Ахъ, эти проселки! Весело ѣхать по глубокимъ колеямъ, заросшимъ густой муравой, повиликой, какими-то бѣлыми и желтыми цвѣтами на длинныхъ стебляхъ. Ничего не видно ни впереди, ни по сторонамъ,—только безконечный, суживающійся вдаль корридоръ межъ стѣнами колосистой гущи, да небо, а высоко на небѣ—жаркое лучистое солнце. Синіе васильки, лиловая куколь и желтая сурепка пестрѣютъ во ржи. Дрожки задѣваютъ колосья, растущіе кое-гдѣ по дорогѣ, и они однообразно клонятся подъ колеса и выходятъ изъ-подъ нихъ черными, испачканными колесной мазью. Мелкіе кузнечики сухимъ дождемъ непрерывно сыплются изъ подорожника... Неожиданно потянуло откуда-то легкимъ вѣтеркомъ, солнечною теплотою... Отецъ подбираетъ возжи... И опять заиграли блестящія спицы, закружились передъ глазами пестрые вѣнки наверхѣвшихся на втулки цвѣтовъ, запрыгали дрожки по выбоинамъ... Тутъ надо держаться покрѣпче, но, ухватившись за сидѣнье обѣими руками, все-таки пристально слѣдишь за тѣмъ, какъ навстрѣчу, лоснясь, бѣгутъ сѣро-зеленыя волны,

какъ тѣнь отъ облачка то тамъ, то здѣсь на мгновѣніе затушевываетъ ихъ, какъ полоумная Джальма носится, хлопая ушами, за перепелами и жаворонками: иногда совершенно пропадаетъ во ржи,— только по волнистой линіи, струящейся за нею, видно, гдѣ она,—а иногда высоко, высоко выпрыгиваетъ изъ колосевъ, удивленно озираясь по сторонамъ...

Порою встрѣчалась телѣга, а въ ней—баба съ бѣлоголовымъ мальчикомъ на колѣняхъ, которая неумѣло держитъ въ рукахъ веревочныя возжи, неумѣло сворачиваетъ, заѣзжая въ рожь, а бокастая лошаденка съ жадностью хватаетъ губами колосья... Встрѣтился однажды мужикъ: онъ безъ шапки сидѣлъ на грядкѣ телѣги, возлѣ длиннаго узкаго гробика изъ золотистаго теса, и веселое лучистое солнце жарко пекло его лохматую голову... Встрѣчался урядникъ верхомъ на худой длинношейей клячѣ, или бородатый, могучій о. Алексѣй въ широкополой шляпѣ, высоко возсѣдавшій на своей телѣжкѣ, за которой бѣжалъ жеребенокъ мышинаго цвѣта на длинныхъ, тонкихъ ножкахъ... Все это портило дѣло: вѣдь такъ хотѣлось чувствовать себя въ совершенно безлюдномъ краю! Но бывало и хуже: иногда вдали показывался тарантасъ, а въ тарантасѣ—загорѣлый помѣщикъ въ крылаткѣ, въ дворянскомъ картузѣ, съ изумленно выкаченными бѣлками разсѣянныхъ глазъ. Увидавъ сосѣда, онъ изумлялся еще болѣе, радостно тарачилъ глаза и разводилъ руками, а кучеръ въ плисовой безрукавкѣ и круглой дѣтской шапочкѣ съ павлиньими перьями останавливалъ тройку. Останавливалъ лошадь и отецъ, слѣзалъ съ дрожекъ навстрѣчу вылѣзающему изъ тарантаса тол-

стяку—и начинались безконечныя разговоры. Помѣщикъ говоритъ страшно громко, размахиваетъ руками и все кого-то бранить... Потомъ надъ чѣмъ-то долго, съ мучительнымъ наслажденіемъ хохочетъ, сотрясаясь всемъ тѣломъ... Отецъ тоже кричитъ и тоже хохочетъ...

— Ну, до свиданья, до свиданья!—наконецъ, говоритъ онъ, нахохотавшись.

— До свиданія, батюшка,—очень радъ былъ встрѣтиться!

— Мой поклонъ вашему семейству!

— И вашимъ также передайте мой сердечный привѣтъ!

— Восемнадцатаго будете?

— Обязательно, обязательно!

Помѣщикъ становится на подножку тарантаса, накренивая его, съ трудомъ усаживается... Но не проходитъ и минуты, какъ сзади опять раздается крикъ:

— Сосѣдъ! На минуточку!

И опять стоянка, опять разговоры...

Утомленная, но счастливая своими хлопотами Джальма сидитъ у колесъ и жарко дышитъ, изрѣдка, съ короткимъ стукомъ, ловя мухъ. Въ небѣ блестятъ и кудрявятся бѣлыя облака, всюду столько свѣта и радости, какъ бываетъ лишь въ іюнѣ, и все неподвижнѣе и стекляннѣе становится воздухъ къ полудню. Два желтыхъ мотылька, какъ два лепестка розы, беззвучно и однообразно играютъ надъ склонившимися въ оцѣпенѣніи колосьями, надъ цвѣтами и травами, нагрѣтыми зноемъ. Сладко пахнутъ васильками. И, шурясь отъ солнца, Иля, какъ въ забытіи, слѣдитъ за играющими мотыльками, за облакомъ, похожимъ на пуделя, которое,

медленно тая, плыветъ по свѣтозарной сини неба, прислушивается, какъ шипятъ въ травѣ кузнечики, а надъ головою на тысячу ладовъ сонно звенить жалобными дискантами воздушная музыка насѣкомыхъ, неумолчно воспѣвающихъ дали, млѣющія въ маревѣ зноя, радость и свѣтъ солнца, безпричинную божественную радость жизни...

— Уснуль?—раздается вдругъ бодрый голосъ.

Наговорившись, отецъ гонитъ лошадь шибко, и дрожки точно сами собою бѣгутъ по наклонной дорогѣ, къ какому-то широкому и неглубокому логу среди пологихъ степныхъ косогоровъ. За этимъ логомъ слѣдуетъ длинный подъемъ на покатую гору, залитую зелеными овсами, а съ горы открывается видъ на новый, еще болѣе широкой и разлтый логъ. Тутъ, среди огромныхъ степныхъ косогоровъ, были заливные болотистые лужки, и мелкая степная рѣчка, извивающаяся по нимъ, дѣлала много широкихъ затоновъ, густо заросшихъ зелеными щетками куги. Оттого что горизонтъ былъ со всѣхъ сторонъ замкнутъ этими похожими на ржаные клѣбы косогорами, глухо тутъ было на рѣдкость, но какая милая, своеобразная жизнь — жизнь куличковъ, бекасовъ и дикихъ чирковъ — чувствовалась въ тишинѣ и глуши этихъ мелкихъ затоновъ!

— Держись! — кричитъ отецъ сквозь дребезжаніе бѣгущихъ подъ гору дрожекъ.

И вдругъ дребезжаніе сразу обрывается.

Подъ горою вѣтерокъ совсѣмъ спадаетъ. Солнце печетъ, колеса шуршатъ въ густой насыщенной водой травѣ. Прѣсно пахнетъ теплымъ иломъ, разогрѣтою на солнцѣ кугою; бѣлая, какъ снѣгъ, рыбалка неожиданно вырывается изъ коч-

карниковъ и сверкаетъ въ воздухѣ острыми крыльями... А вотъ и болото — серебристо-зеркальные затоны съ островками тонколистой осоки...

Не спуская съ нихъ глазъ, отецъ передаетъ Илѣ возжи, осторожно слѣзаетъ съ дрожекъ, и, скинувъ ружье, торопливо, но безшумно направляется къ нимъ.

— Джальма! — строго, отрывисто и негромко говоритъ онъ какимъ-то особымъ, условнымъ тономъ Джальмѣ, которая перепрыгиваетъ съ кочки на кочку съ высунутымъ языкомъ, какъ бѣшеная. Длинные сапоги его тонуть въ мягкихъ кочкарникахъ, серебристые пузыри показываются въ его слѣдахъ, отпечатывающихся въ бархатистой и влажной травѣ... Отъ солнца и блеска воды свѣтло такъ, что больно смотрѣть...

— Джальма!

И Джальма, быстро оглянувшись, вдругъ — бултыхъ въ воду и, наслаждаясь прохладой, медленно плыветъ по затону къ камышамъ. Изъ воды видна только ея вытянутая прилизанная голова съ опущенными ушами и длинный хвостъ, который плыветъ за ней какъ чужой, какъ палка. Потомъ и голова и хвостъ заворачиваютъ въ камыши, отецъ входитъ по колѣна въ воду и тоже скрывается въ камышахъ. Проходитъ десять, двадцать минутъ глубокаго, напряженнаго молчанія... Гдѣ-то далеко раздается тяжкій глухой выстрѣлъ... Весь встрепенувшись, пристально глядитъ Иля впередъ, но за камышами ничего не видно. Въ камышахъ что-то осторожно попискиваетъ и булькаетъ; по широкой лужѣ недалеко отъ дрожекъ, граціозно извиваясь, проплываетъ ужъ; перламутрово-голубая стрекоза съ трескомъ распускаютъ длинныя

стеклянные крылышки, вылетая изъ горячей травы, а высоко въ ясномъ небѣ медленно вырастаетъ и вытягивается большое бѣлоснѣжное облако... Вотъ оно приняло образъ сказочнаго исполина — и вдругъ изъ серебристо-зеркальнаго затона, въ которомъ, углубляя его, ярко свѣтитъ отраженіе этого исполина, что-то глухо, угрюмо и жалобно ухнуло... Ухнуло — и выжидательно замолчало...

— Бычки!—вспоминаетъ Иля загадочное слово, оброненное отцомъ, и весь замираетъ отъ сладкаго ужаса.

Воображеніе мгновенно создаетъ образъ какого-то фантастическаго существа, одного изъ тѣхъ страшныхъ подволныхъ жителей, что глубоко скрываются въ болотахъ и только изрѣдка высываютъ свои лобастыя, рогатыя головы съ выпученными глазами на свѣтъ божій. Что, если выгянетъ такой бычокъ именно теперь, въ этотъ безмолвный часъ знойнаго полдня? И, косясь на затонъ, Иля не замѣчаетъ, что картузь его съѣхалъ на затылокъ, что комары облѣпили ему потную шею и руки и что ослѣпительно-жаркое солнце бьетъ прямо въ лицо...

Вдругъ раздается кашель. Иля вздрагиваетъ и мгновенно возвращается къ дѣйствительности. Отецъ идетъ, по поясъ мокрый, хлюпаетъ тяжелыми сапогами, налитыми болотной водой, и улыбается.

— Тутъ... бычки,—говоритъ Иля нерѣшительно.

— Ну, и что же?

— Они очень большіе?

— Кто? Бычки-то? Да вѣдь это жучки. Водяные жучки!

— Какъ жучки?—бормочетъ Иля, пораженный и разочарованный.

Отецъ раскраснѣлся, растегнулъ воротъ рубахи, лицо у него доброе и оживленное. Подойдя къ дрозкамъ, онъ бросаетъ Илѣ убитаго чирка, и, мгновенно забывъ о бычкахъ, Иля съ жадностью ловитъ его на лету. Боже мой, еще теплый! Головка съ закатившимися глазами, подернутыми бѣлесюю пленкой, бессильно падаетъ на радужный зобикъ, брюшко въ запекшейся крови... Но какъ оно словно пахнетъ тиной и порохомъ! И Джальма вылѣзаетъ изъ осоки тоже веселая и удовлетворенная. Глаза безумные, съ длиннаго краснаго языка льетъ слюна, бѣлая атласная шерсть вся прилизана, уши висятъ, ноги въ илѣ, — точно въ черныхъ чулкахъ...

Мокрая, блестящая пины колесъ снова шурпать по бархатной сочной травѣ, изрѣдка врѣзываясь въ воду и разбрасывая во всѣ стороны свѣтлыя длинныя брызги. Лужи, въ которыхъ золотыми полосами то тамъ, то здѣсь вспыхиваетъ жаркій солнечный блескъ, мелькаютъ передъ глазами. Изъ куги то и дѣло съ жалобными стонами вырываются кулички... Потомъ мягкій кочкарникъ сразу обрывается, — дрожки снова трещать по дорогѣ, убѣгающей въ гору... Но Иля едва замѣчаетъ все это.

Ахъ, когда онъ выростетъ, онъ будетъ самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ! Онъ поселится на хуторѣ, будетъ жить только охотой, будетъ каждый день чистить кирпичомъ и промывать свое ружье, будетъ варить себѣ кулешъ, спать прямо возлѣ порога флигеля, на войлокѣ, а просыпаться еще въ ту пору, когда едва-едва брезжитъ зеленовато-серебристый разсвѣтъ...

Да и теперь чудесно. Дышетъ Иля чистымъ

полевымъ вѣтромъ, слушаетъ хохлатыхъ жаворонковъ, распѣвающихъ надъ полями, въ облакахъ, въ безконечномъ просторѣ... Степь вокругъ, куда ни кинь взоръ, зеленая, ровная, вольная. И ни души въ степи, ни кустарника, ни деревца, — только далеко-далеко впереди машетъ, какъ утопающій руками, чья-то мельница...

Сонъ, сонъ!

III

Иудея.

И Господь поставилъ меня среди
поля, и оно было полно костей.

Иезекииль.

I.

Штиль, зной, утро. Кинули якорь на рейдѣ
передъ палевой Яфѳой.

На палубѣ—гамь и давка. Босые лодочники,
въ фуфайкахъ и шароварахъ юбкой, съ буро-си-
зыми, облитыми потомъ лицами, съ выкаченными
кровоавыми бѣлками, въ фескахъ на затылокъ,
орутъ и мечутъ въ барки все, что попадаетъ подъ
руку. Градомъ летятъ туда чемоданы, срываются
съ траповъ люди. Срываюсь и я. Барка полнымъ-
полна кричащими арабами, евреями и русскими,
но при первомъ же взмахѣ весель все это сразу
смолкаетъ. Тогда я оглядываюсь внимательнѣе.

Пароходъ, чернѣя среди огромнаго зеркальнаго
взморья, отдаляется, кажется маленькимъ. Мала и
Яфѳа. До нея еще съ версту, но воздухъ такъ
чистъ, а восточные контуры ея кубическихъ до-
микомъ, среди которыхъ то тамъ, то тутъ метел-

кой торчит пальма, такъ четки и просты! Уступами громоздится этотъ сплошь каменный городокъ на ровномъ обрывистомъ побережьи. Отъ рейда его отдѣляетъ длинная гряда рифовъ. За ними, у береговыхъ отмелей, шелкомъ сияютъ обвисшіе паруса на высокихъ тонкихъ мачтахъ лодокъ. Ихъ больше всего возлѣ сѣверной отмели, гдѣ когда-то былъ Водоемъ Луны, финикійская гавань. Съ сѣвера къ Яфѳѣ подступаетъ золотисто-синяя отъ воздуха и солнца Саронская Долина. Съ юга — желто-сѣрые филистимскіе пески. На востокъ — знойно-голубой миражъ Іудеи. Тамъ, за горами — Иерусалимъ.

Въ штиль рифы обнажаются — и барка спокойно проскальзываетъ между ихъ ржавыми, мокрыми и нестерпимо блестящими на солнцѣ глыбами. У пристани и въ сараѣ таможни — яблоку негдѣ упасть. По гладкимъ каменнымъ уступамъ, въ тѣни звонкихъ переулочковъ поднимаемся отъ таможни къ базару. О Стамбулѣ напоминаетъ въ первую минуту запахъ гніющихъ апельсиновъ и укропа, смѣшанный съ чадомъ восточной кухни. Но нѣтъ, — даже въ самыхъ глухихъ закоулкахъ Стамбула нѣтъ плитъ, столь выбитыхъ и отшлифованныхъ копытами и туфлями, и такой толпы — такихъ грубыхъ одеждъ, такого жесткаго загара и такихъ гортанныхъ криковъ! Вотъ базаръ съ мокрымъ фонтаномъ, съ женщинами и водносами подъ бурдюками и кувшинами, съ верблюдами и собаками, съ грудями фруктовъ и зелени, съ кофейнями и лавченками въ крытыхъ полутемныхъ рядахъ. Да, тутъ все проще, старѣе, восточнѣе. И небо надъ базаромъ ярче, и блеску больше, и зной не тотъ. А какіе дряхлые хананеи съ большими кроличьими

глазами мѣняютъ въ сумракѣ рядовъ бешлыки на ленты и пиастры на парички!

Совсѣмъ другой міръ — окраины Яфѳы. Тамъ не надышешься моремъ и садами, обступившими ее со всѣхъ сторонъ. Послѣ полудня снова толкаемся по базару. Передъ обѣдомъ отдыхаемъ на крышѣ отеля, затеряннаго среди этихъ садовъ. Въ качалкѣ сидитъ американецъ, пасторъ, съ которымъ мы, — я и еще одинъ русскій, стоящій теперь возлѣ периль, лицомъ къ морю, — сошлись на переходѣ отъ Портъ-Саида. Золотистый свѣтъ солнца уже склоняется къ сѣверу, за Саронскую Долину. Огромная полоса густо-синяго моря, — Римскаго, какъ называютъ его здѣсь, — прямо за крышами, спускающимися къ побережью. Зной спадаетъ, и американецъ сидитъ съ открытой головой, читая библію. Кто бы узналъ въ этомъ спокойномъ веселомъ человѣкѣ пастора? Стройный, легкій, съ аккуратно причесанными на прямой рядъ черными волосами и бритый, онъ скорѣе похожъ на актера.

— Ну, что же? — говоритъ онъ дружелюбно и оживленно, поднимая голову отъ книги, когда я вхожу на крышу. — Довольны ли вы Яфѳой? Ужасно! — прибавляетъ онъ съ насмѣшливымъ огонькомъ въ глазахъ. — Ужасно!

Но огонекъ этотъ быстро исчезаетъ. Рука пастора ложится на библію.

— Но чувствуете ли вы, — говоритъ онъ, подумавъ, — что завтра мы увидимъ Голгоѳу?

Русскій, высокій, худой человѣкъ, весь въ бѣломъ и въ тропическомъ шлемѣ, изъ-подъ котораго остро блестятъ чернокаріе глаза, оборачивается.

— Голгоѳу? — рѣзко отвѣчаетъ онъ. — Что до насъ, то, думаю, нѣтъ...

Пасторъ слегка пожимаетъ плечомъ. Въ садахъ вокругъ — пальмы, магноліи, олеандры, безконечныя чащи померанцевъ, усѣянныя огненной розсыпью плодовъ. Запыленные ограды изъ огромныхъ кактусовъ въ желтомъ цвѣту дѣлятъ эти райскіе сады. Между оградями, по песчано-каменистымъ тропинкамъ медленно струится и замираетъ меланхолическій звонъ бубенчиковъ — тянется караванъ верблюдовъ. Гдѣ-то журчитъ по каналчикамъ вода — подъ однотонный скрипъ колесъ, качающихъ ее изъ цистернъ. Этотъ ветхозавѣтно-палестинскій скрипъ волнуетъ. Да и весь день чувствую я себя необычайно. Но вопросъ пастора...

— Правовѣрный вопросъ! — неприязненно усмѣхаясь, говоритъ русскій. И быстро прибавляетъ:

— Я ничего не ощущаю, кромѣ пустоты въ душѣ. Весь день есть во мнѣ только какая-то враждебность къ вамъ, правовѣрнымъ. Чему-то не живому молитесь вы...

Да, ничего похожаго на чувства правовѣрныхъ не испыталъ и я, увидѣвъ Яффу нынче утромъ. Нѣтъ, была именно враждебность къ нимъ. Тысячи тысячъ плакали и цѣловали эти берега, „пре-терпѣвъ моря и страхи, войны и разбой, болѣсти и скудость“... Но и они, эти простые сердцемъ пилигримы, воспитанные правовѣрными, — думали ли они когда-нибудь о простой, подлинной жизни, бывшей нѣкогда на этихъ берегахъ? Чувствовали ли они, что вѣдь дѣйствительно былъ, дѣйствительно существовалъ когда-то живой Исусъ, — худой, стройный, загорѣлый, съ блестящими чер-

ными глазами, съ темно-лиловыми сухими руками и тонкими, сожженными зноемъ ногами?

Только минутами, только забывая о ихъ Христѣ, мое сердце содрогалось отъ близости къ Тому, чье имя ожило, очеловѣчилось для меня при видѣ береговъ Его родины. Эти темныя лавченки, гдѣ торгуютъ все однимъ и тѣмъ же — хлѣбомъ, жареной рыбой, уздечками, серебряными кольцами, связками чеснока, шафраномъ, бобами... Эти черные, курчаво-сѣдые старики-семиты съ обнаженными бурными грудями, въ своихъ пѣгихъ хламидахъ и бедуинскихъ платкахъ. Это измаилитянки въ черно-синихъ рубахахъ, идущія гордой и легкой походкой съ огромными кувшинами на плечахъ. Эти нищие, хромыя, слѣпыя и увѣчныя на каждомъ шагу... Развѣ это не Палестина древнихъ варваровъ, Его дней?

Но пламя старой вѣры гаснетъ даже и въ сердцахъ правовѣрныхъ.

Въ полдень покидаемъ мы Яффу, направляясь по Саронской Долинѣ къ Іерусалиму. Пустынный это путь! Нарцисы Долины, изъ-за легендарнаго плодородія которой было пролито столько крови, теперь начинаютъ выпаживать. Іудея опять понемногу заселяется своими прежними хозяевами, страстно мечтающими о возвратѣ дней Давида. Но цвѣтовъ еще много, слишкомъ много! Всюду макъ, макъ и макъ: щедро усѣялъ онъ эти пашни, нивы и рощи своими огненными лепестками!

Очаровательный вѣтеръ весенняго дня и приморской степи, солнечное тепло, сладкій ароматъ цвѣтущихъ оливъ, хлѣбовъ и горячей земли вѣетъ въ окна коротенькаго поѣзда, разъ въ сутки пробѣгающаго по Долинѣ и горамъ къ Іерусалиму.

Миновавъ пески и окраины садовъ, онъ идетъ по волнистымъ полямъ, по оливковымъ рощамъ, среди ржавыхъ пашенъ и зеленыхъ посѣвовъ; то и дѣло встрѣчаетъ феллаховъ на ослахъ, вереницы верблюдовъ, медленно и важно качающихъ бубенцами, стада черныхъ козъ и сѣрыхъ овецъ, кучками толпящихся то тамъ, то здѣсь, подъ охраной полуципикихъ пастуховъ и собакъ, похожихъ на шакаловъ...

— Но, Боже, какая дикая земля, сколько на ней маку!—говоритъ мой спутникъ, южно-русскій еврей, старикъ съ большой сѣро-сизой бородой, въ черной шляпѣ.

А за Лиддой и Рамла, — каменными кубами арабскихъ городковъ, ярко бѣлѣющихъ подъ ярко синимъ небомъ среди финиковыхъ пальмъ и кипарисовъ, — почва становится еще суше, еще кремнистѣе и волнистѣй, а хлѣба еще слабѣе и жиже. Начинается безконечный подъемъ, — до самаго Иерусалима, лежащаго на цѣлыхъ двѣ тысячи футовъ выше Сароны. Уже виденъ впереди сѣрый камень, синь впадинъ и ущелій, а сзади за волнистой зеленоватой стѣнью — голубой туманъ моря. Поѣздъ медленно выбиваетъ тактъ короткими вздохами, свистки его дѣлаются гулки и звонки, путь — извилистѣе, воздухъ — жарче и суше, небо — еще синѣе: мы глядимъ на него уже изъ какой-то голой каменистой котловины. И вотъ котловины начинаютъ смѣняться котловинами, ущелья ущельями... Иногда они оживляются сожженной зноемъ зеленью деревьевъ, растущихъ на ихъ кремнистыхъ ложахъ, или пеласгическими останками хананейскихъ укрѣпленій на куполообразныхъ вершинахъ; иногда — овцами, разсыпанными по сухимъ обрывамъ, среди голышей въ лишаяхъ и колючкахъ; иногда — рядами

каменныхъ оградокъ, — слѣдами террасъ, на которыхъ споконъ вѣку разводили здѣсь сады и виноградники... Но гдѣ же тѣ бездны, которыми будто бы поражаютъ Иудейскія горы? Гдѣ высоты, что будто бы „еще дышать величіемъ Иеговы и ужасами смерти?“

Солнце скрылось, въ горахъ тѣнь. Мы уже въ самой сердцевинѣ ихъ. Все поднимаясь и поднимаясь, проползаемъ мы кремнистыя долины, извивающейся гусеницей огибаемъ сѣрожелтыя каменные ковриги, густо усыпанныя круглыми голышами, и только изрѣдка замѣчаемъ на вершинахъ ихъ дикія арабскія деревушки, безъ одинаго кустика и дерева... Гдѣ же то, что исторгло столь гордое восклицаніе Давида: „Горы окрестъ Иерусалима!“

И спутникъ мой закрываетъ глаза, поднимаетъ брови, слабо и грустно улыбается.

— О, какія же это горы!

Мы хорошо знаемъ, что именно здѣсь, въ одной изъ этихъ глубокихъ котловинъ, „взявъ посохъ свой въ руку свою Давидъ и выбралъ пять гладкихъ камней изъ ручья“ и поразилъ Голиаѳа; что именно здѣсь воскликнулъ Навинъ: „Стой, солнце, надъ Гаваономъ и, луна, надъ долиной Аіолонскою!“ Но, увь, нужна пламенная вѣра и дѣтская наивность, чтобы смотрѣть глазами древнихъ пилигримовъ, до конца жизни содрагавшихся при воспоминаніи о высотахъ Иудейскихъ!

— Нужна великая вѣра! — грустно улыбаясь, говоритъ старикъ своимъ матовымъ южно-русскимъ голосомъ. — А гдѣ она? Гдѣ она?

Передъ вечеромъ поѣздъ выползаетъ, наконецъ, на темя горъ — и вдали, среди нагихъ разваловъ

и впадинъ, изрѣзанныхъ бѣлыми лентами дорогъ, показываются черепичныя кровли новаго Иерусалима, окружившаго съ запада и сѣверо-запада зубчатую сарацинскую стѣну стараго, лежащаго на скрытомъ отъ насъ скатѣ къ востоку. Тутъ старикъ поднимается съ мѣста, становится лицомъ къ окну, закрываетъ глаза и быстро, быстро начинаетъ бормотать молитвы. Но голосъ его звучитъ такъ устало, такъ равнодушно! Онъ какъ ребенокъ радовался въ Яфѣ, что сбылась его завѣтная мечта—побывать на закатѣ дней въ святой странѣ. Онъ сперва даже изумлялся: какъ хорошо все на свѣтѣ—и солнце, и сладкій вѣтеръ, и цвѣтуція оливы! А теперь...

Мы уже на большой высотѣ, солнце стоитъ низко, поднялся вѣтеръ—и дрожь пробѣгаетъ по тѣлу при выходѣ изъ жаркаго вагона. Не дрожь ли горькаго разочарованія? Новый, но какой-то захолустный вокзалъ изъ сѣраго камня. Передъ вокзаломъ галдятъ оборванные извозчики, — евреи и арабы. Дряхлый, гремящій всѣми винтами и гайками фаэтонъ, пара клячъ въ дышлѣ... И въ то время, какъ сизый носильщикъ швыряетъ въ фаэтонъ наши чемоданы, старикъ вдругъ останавливается, по-дѣтски, ладонью наружу, закрываетъ глаза—и тихо плачетъ, покачивая шляпой.

II.

Вчера весь день бродилъ я по Иерусалиму, нынче объѣхалъ верхомъ вокругъ его стѣнъ и на закатѣ возвратился къ Западнымъ воротамъ.

Какъ груба и стара громада воротъ! Зуб-

чатая сарацинская башня, въ упоръ освѣщенная низкимъ солнцемъ, точно вылита изъ потемнѣвшаго отъ времени желѣза. Небольшая площадь за воротами почти вся въ тѣни, падающей отъ нихъ и тяжелой цитадели Давида—высокаго каменнаго замка со рвами и бойницами, занятаго турецкимъ гарнизономъ. Направо — нѣсколько европейскихъ домовъ, магазиновъ. Напротивъ — главная улица, Улица Давида: узкій, темный, крытый холстами и сводами ходъ между старыми, старыми мастерскими и лавками. Изъ него выныриваютъ навьюченные ослы, фески, женщины, съ головой завернутыя въ покрывала, постукивающія деревянными скамеечками, замѣняющими здѣсь туфли... Вечерній свѣтъ, падающій между воротами и цитаделью на жерло этого хода, дѣлаетъ его совсѣмъ чернымъ. Какъ разъ возлѣ него — высокій узкій домъ, и на его крыльцѣ — смуглый еврей, хозяинъ нашего отеля. Спрыгнувъ съ лошади, я иду туда, гдѣ провожу всѣ вечера, — на крышу. Иду по внутреннимъ и наружнымъ лѣстницамъ, на одномъ поворотѣ приостанавливаюсь: направо, глубоко подо мной—громадный четырехугольный водоемъ пророка Іезекіи, полный темнозеленой—теперь сверху лиловой—воды, среди стѣнъ, похожихъ на крѣпостныя,—стѣнъ домовъ, слитыхъ воедино, съ рѣшетчатыми окошечками, пробитыми какъ попало—и очень высоко, и очень низко. И медленно, медленно спускается изъ одного такого окошечка кожанное ведро на веревкѣ...

Солнце на закатѣ, — здѣсь оно скрывается рано. Я выхожу на крышу, снимаю пробковый племъ—и по головѣ моей дуетъ съ запада сильный и прохладный вѣтеръ. Небо глубокое, блѣдно-

синее, безъ единого облачка. Я на темени Іудей, среди волнистаго плоскогорья, лишь кое-гдѣ покрытаго скудной зеленью. Все—мягкаго, но очень опредѣленнаго сѣро-фіолетоваго тона. Застывшіе перевалы, впадины, глубокія долины, куполообразные холмы... За мной, въ золотистомъ блескѣ заката,—масличныя рощи и раскиданныя по холмамъ зданія: католическіе пріюты, школы, госпитали, виллы. На сѣверѣ, на горизонтѣ — четкій известковый конусъ,—гора Самуила. На югѣ, на скатахъ горъ—бѣлые поселки въ темно-зеленыхъ садахъ. Подо мною—скать на востокъ, а на немъ—сплошной, плоской и голой кровлей желто-розоватаго цвѣта лежитъ каменная масса небольшого аравійскаго города, заключеннаго въ средневѣковыя стѣны и со всѣхъ сторонъ окруженнаго глубокими долинами,—вѣрнѣе, каменистыми оврагами. За восточнымъ оврагомъ, Кедронскимъ,—каменистая Элеонская гора, съ высокой колокольней на вершинѣ. За нею и той горой, что южнѣе,—горой Соблазна, — волнистый сѣро-сизый скать къ долинь Іордана и Мертваго Моря: пустыня Іудейская. Море сказочно-яркой бирюзой налито въ южномъ концѣ долины. А за долиной и этой бирюзой — призрачная „стѣна міра“, стѣна сгустивагося нѣжно-фіолетоваго дыма: ровный и высокій хребетъ отъ вѣка таинственныхъ Моавитскихъ горъ.

Но еще удивительнѣе городъ,—этотъ воистину вѣчный городъ, пережившій чуть не сорокъ осадъ. „Іерусалимъ, устроенный какъ одно зданіе!“ — вспоминаю я восклицаніе Давида. И правда, — и теперь какъ одно зданіе лежитъ онъ подо мною, весь въ каменныхъ купольчикахъ, опрокинутыми

чапами раскиданныхъ по уступамъ его голой плоской кровли, ярко озаренной низкимъ солнцемъ. Первобытно-простой по цвѣту, первобытно-грубый по кладкѣ, тѣсно сплоченный, безъ единого деревца—только одна старая высокая пальма на южной сторонѣ—онъ весь заключенъ въ зубчатую толщу стѣнъ крестоносцевъ и Саладина и кажется несокрушимымъ. Онъ, воспѣтый Давидомъ и Соломономъ, нѣкогда блиставшій золотомъ и мраморомъ, окруженный садами Пѣсни Пѣсней, нынѣ возвратился къ аравійской патріархальной нищетѣ. Стѣны и башни его — какъ гранитныя доспѣхи, а онъ, уступами сходящій къ кремнистой ложбинѣ Кедрона, къ переполненной несмѣтными могилами Іосафатовой долины, — мѣсту Страшнаго Суда,—окруженный пустырями, нечистотами, падалью, кажется библейскимъ вретисцемъ, одѣвшимъ славный прахъ былаго.

Надъ нимъ—рѣдкіе минареты, двѣ-три католическихъ колокольни и рубчатый, сферическій, черно-синій куполь немного приземистой Мечети Омара, занявшей своимъ Священнымъ Дворомъ всю его восточную окраину,—мѣсто храма Соломона, Камень Моріа, „средоточіе міра“. Глубоко подо мной — древній водоемъ Іезекіи,—купальня Вирсавіи, плѣннѣвшей красотой Давида. Когда же я поднимаю глаза, я вижу, немного влѣво отъ себя, за водоемомъ, два тоже рубчатыхъ черно-синихъ купола. Это—главы тяжкихъ, вросшихъ въ землю храмовъ надъ Гробомъ и Голговою, тѣсно сжатыхъ монастырскими пристройками, — греческими и латинскими, — и почти затерявшихся въ нихъ. Въ ясномъ воздухѣ необыкновенно близка кажется Мечеть. А до купола Гроба просто хо-

чется дотронуться. Тысячи черныхъ острокрылыхъ стрижей верезжать и носятся надъ этой каменной стариною. Солнце опускается, на покатую кровлю города падаетъ еле видный фіолетовый тонъ. Въ узкихъ, темныхъ норахъ и переходахъ, скрытыхъ этой кровлей, въ грязныхъ рядахъ сплошного базара замираетъ шумъ и говоръ торга... Но, Боже мой!—неужели это правда, что вотъ именно здѣсь былъ распятъ Іисусъ? И неужели это надъ Его гробомъ блещетъ теперь въ полумракѣ византійскихъ сводовъ и подземелій языческое великолѣпіе несмѣтныхъ лампадъ, огромныхъ погребальныхъ свѣчей, золота и драгоценныхъ камней, стоитъ бальзамическій дымъ ладона, запахъ воска, кипариса, розовой воды — и надгробное рыданіе, длящееся уже двѣ тысячи лѣтъ? Это — рыданіе надъ Христомъ каменно-золотыхъ, большеглазыхъ мозаикъ Византіи, надъ Христомъ коронованныхъ и окровавленныхъ распятій Рима...

Вотъ съ какой то католической башни одинокой и звонкой колоколь бьетъ семь. Когда замираетъ его послѣдній звукъ въ чистомъ вечернемъ воздухѣ, издалека, издалека раздается грустный сильный альтъ, призывающій къ смиренному прославленію Бога за мирно угасшій день. Вѣтеръ съ запада, холодный. Солнце скрылось. На старый городъ и на всю Іудею пала легкая пепельная тѣнь. Но еще четко, четко все,—особенно холмъ Самуила на сѣверѣ. Моавитскія горы—какъ южное море въ туманѣ, прелестное, фіолетово-лиловое. Но уже блекнетъ сѣро-сиреневая пустыня Іоанна. Сухоблѣдно-сине небо. Пепель, павшій на городъ, становится розово-сизымъ. И все—какъ пастель. Вѣтеръ колеблетъ султанъ пальмы...

Я оборачиваюсь—мутно-лиловыя легкія облака плывутъ по блѣдно-алому закату. Выше заката неба точно нѣтъ: есть только что-то бездонное, зеленоватое, прозрачное... Потомъ снова гляжу на востокъ, — и меня уже слѣпляетъ печальная тьма быстро набѣгающей ночи. Внизу стучать, поспѣшно закрывая лавки. Жизнь замираетъ, прячется въ свои норы. Сумрачны стали купола Мечети и Гроба. Темнымъ ветхозавѣтнымъ богомъ повѣяло въ оврагахъ и провалахъ вокругъ нищихъ останковъ великаго города... Или нѣтъ,—даже и ветхозавѣтнаго бога здѣсь нѣтъ. Есть только вѣянье смерти, завладѣвшей пустырями и царскими гробницами, подземными тайниками съ ихъ гулками сводами, рвами и оврагами, полными погребальныхъ пещеръ, да костей всѣхъ племенъ и народовъ. Ветхозавѣтный богъ давно покинулъ и народъ свой, и страну свою. Мѣсто могилы Іисуса задавлено чернокупольными храмами. И сама Мечеть, сама великолѣпная мечеть Омара похожа теперь на черный шатеръ какого-то уже давно почившаго завоевателя. И мрачно высится возлѣ нея нѣсколько исполнскихъ кипарисовъ...

„Се оставляется вамъ домъ сей пусть“...

III.

На Сіонѣ, за гробницей Давида видѣлъ я провалившуюся могилу, всю заросшую макомъ. Его въ Іудеѣ больше, чѣмъ травы. И вся-то Іудея—какъ эта могила, такая старая, что давно, давно пора забыть о погребенныхъ въ ней!

Я былъ въ Виелеемѣ и Хевронѣ. Путь до Виелеема самый живой изъ всѣхъ іудейскихъ путей. Спустясь въ долину Гигонскую, онъ направляется къ югу отъ Иерусалима и начинается подниматься сперва мимо горы Злого Совѣщанія, гдѣ нѣкогда жилъ Каиафа, потомъ по широкой и волнистой равнинѣ Реаимовъ. На скатахъ горы были въ древности сплошные сады царей и парадворцевъ; сады, каналы и цистерны были и на равнинѣ. Веселы и теперь эти мѣста. И когда я ѣхалъ, въ жаркомъ блескѣ утренняго солнца и золотисто-синяго воздуха тонули горы и долины на востокъ, горячо было бѣлое шоссе, ярко зеленѣли поскѣвы по красноватымъ переваламъ, въ садахъ миссій и колоній ворковали дикіе голуби. И вспоминались сады и виноградники Соломона, оцаленная солнцемъ дѣвочка, съ трепетомъ ожидавшая на виноградникахъ возлюбленнаго, прятая отъ прохожихъ подъ зелеными лозами, просвѣчивающими на солнцѣ, припадавшая къ горячему суглинку въ ихъ сквозной тѣни. Все цвѣло и благоухало вокругъ нея, расплавленнымъ золотомъ млѣли въ знойной дали кровли дворцовъ и храма. И каждый день доносился оттуда къ этой босой дѣвочкѣ, какъ виноградъ наливавшейся виномъ жизни, голосъ милаго:

— Цвѣты показались на землѣ; время пѣнія настало и голосъ горлицы слышенъ въ странѣ нашей... Встань, возлюбленная моя! Выйдемъ въ поле, побудемъ въ селахъ; по утру пойдемъ въ виноградники, посмотримъ, распустились ли виноградныя лозы, расцвѣли ли гранатныя яблони!

Какъ голосъ Жениха-Христа, обращенный къ Невѣстѣ-Церкви, понимала древняя церковь этотъ

сладкій весенній зовъ: „Встань, возлюбленная моя!“ Но если такъ,—не ко всей ли землѣ обращенъ этотъ зовъ?

По пути въ Виелеемъ зеленѣли тѣ сады, гдѣ, по апокризамъ, деревья опускали цвѣты долу, воды цистернъ выходили изъ краевъ и на всѣхъ вѣтвяхъ пѣли птицы, привѣтствуя проходящую съ Младенцемъ на рукахъ Марію... Когда же пойметъ земля всю мудрость тѣхъ весеннихъ легендъ, въ которыхъ сочетала она столько красоты и радости съ Его дѣтствомъ и юностью, сдѣлавъ Его самого частью вселенской красоты? Виелеемъ—это сама жизнь, воздухъ, солнце, плодородіе; его тѣсно насыпанные по холмамъ палевые кубы смотрятъ на востокъ, на солнечно-мглистыя дали Моавитскихъ горъ, отъ которыхъ нѣкогда пришла кроткая пра-матерь Давида, Руѡ; население его мирно и радушно. Черна отъ крови средневѣковая, да и новая лѣтопись Виелеема, несмѣтными костями отшельниковъ, заживо погребавшихъ себя, полны пещеры возлѣ него... И все же съ радостью вспоминаешь о немъ.

Но за Виелеемомъ — пустыня. Цѣлый день видишь только глинистыя ковриги горъ, усѣянные круглыми голышами, и каменистыя широкія котловины между ними. Изрѣдка встрѣчаешь еле воздѣланные участки, тощія поскѣвы... А вѣдь это ржавая земля, перемѣшанная со щебнемъ,—вѣдь это и есть Страна Обѣтованная,—страна, что родить теперь больше всего опять таки—маку! Точно фіолетово-красныя озера стоятъ въ долинахъ среди горъ, усыпанныхъ голышами. Точно сперва кровавый, а потомъ каменный ливень прошелъ по этой странѣ. И ни души кругомъ.

Водоемы Соломона! Я ждалъ ихъ съ волне-
ніемъ—и вотъ увидѣлъ, наконецъ, пустынную до-
лину. Возлѣ горъ налѣво—руины огромной зубча-
той крѣпости Саладина, а за ней, еще лѣвѣе, от-
крылся входъ въ новую глухую и мертвую долину.
Путь къ Хеврону—на югъ, а она, понижаясь,
идеть къ востоку. И уступами лежатъ въ ней три
гигантскихъ квадратныхъ цистерны. Первая пуста:
сухая каменная бездѣа. Во второй половина по-
катаго дна чуть прикрыта густой бирюзовой водой.
Въ третьей покрыто все дно. Густыя зеленыя кудри
дикаго плюща нависаютъ надъ нимъ со стѣнъ.
Сквозь нихъ шелковисто и дремотно шумятъ въ
мертвой тишинѣ серебристыя каскады. И заунывно-
равнодушно наигрываетъ на плакучей свирѣли
мимо проходящій пастухъ, зорко поглядывая на
черныхъ козъ, разсыпанныхъ среди голышей по
крутымъ обрывамъ горъ. Маленькое, совсѣмъ чер-
ное, хищное и красивое лицо, женственно обрам-
ленное шерстянымъ платкомъ подъ двойнымъ
шерстянымъ обручемъ. Маленькая вьющаяся бо-
родка. Огненные глаза. Голыя тонкія берца, гру-
бые бедуинскіе башмаки. На гибкое худое тѣло
надѣта бѣлая рубаха до колѣнъ, подпоясанная
платкомъ. На плечи накинута траурная шерстяная
хламида—бѣлая въ черныхъ полосахъ. За пле-
чами—кремневое ружье... Совсѣмъ, совсѣмъ не о
Соломонѣ напоминаетъ этотъ потомокъ Изаила
и Агари! Жизнь совершила огромный кругъ, соз-
дала на этой землѣ великія религіи, царства и,
разрушивъ, истребивъ ихъ, вернулась къ перво-
бытной нищетѣ и простотѣ...

Передъ вечеромъ видѣлъ я еще одинъ
слѣдъ Іудей. Вѣхали мы опять по долинѣ и

проводникъ указалъ мнѣ на пещеру у подошвы
холма — на „пещеру Іереміи“. Я свернулъ къ
ней. Вечеръ былъ мирный, съ нѣжно синѣющими
далями,—лѣтній вечеръ на югѣ Россіи. Возлѣ пе-
щеры цвѣлъ кустъ дикаго шиповника. Стрѣлой
вылетѣлъ изъ нея шакалъ, мелькнулъ лисьимъ
хвостомъ и, вскочивъ на пригорокъ, сѣлъ и наво-
стрилъ уши. На землѣ, при входѣ, закопченомъ
дымомъ, валялись пестренкія крылышки съѣденной
совки... И глубокая, глубокая тишина покоилась
надъ безграничной пустыней вокругъ...

Подъ Хеврономъ холмы живописнѣе, привѣт-
ливѣе. Всѣ они опоясаны рядами террасъ, на ко-
торыхъ зеленѣютъ невысокіе, старые дубы, сѣрѣ-
ютъ старые оливы, лежатъ толстыя лозы ползу-
чаго ханаанскаго винограда. Но чувствуется одно:
приближаясь къ первой столицѣ Іудейскаго цар-
ства, все болѣе и болѣе углубляешься въ страну
ветхозавѣтныхъ кочевниковъ. Повстрѣчался кара-
ванъ. Медленно двигались высокіе, грязно-сѣрые
дромадеры, важно выгнувъ свои тонкія шеи, от-
кинувъ маленькія головки съ умными глазами и
показывая большія продольныя ноздри. Сонно ка-
чались на нихъ черныя безобразныя измаилитянки
въ лохмотьяхъ, съ полуголыми дѣтьми у тощихъ
грудей. Нѣсколько черныхъ, оборванныхъ разбой-
никовъ шло сзади. Они даже не взглянули на
насъ... И опять шевельнулась мысль: при чемъ тутъ
царство Іудейское?

А Хевронъ—это дикое мусульманское гнѣздо,
сѣрый каменный поселокъ въ тѣсной узкой До-
линѣ Возлюбленнаго. Темная базарная улочка его
стара и грязна несказанно. Пройдя ее, поворачи-
ваешь, поднимаешься на взгорье. Тамъ въ Квар-

талѣ Святилища стоитъ нѣчто въ родѣ маленькой крѣпости, гдѣ почіютъ Авраамъ и Сарра—прахъ, равно священный христіанамъ, мусульманамъ и іудеямъ. Но владыки здѣсь мусульмане. И ни христіанинъ, ни іудей не смѣетъ проникнуть даже за порогъ Святилища. Мальчишки швыряютъ камнями въ подходящихъ къ нему поклонниковъ, травятъ ихъ собаками...

Въ Греціи, Римѣ, Египтѣ историческая жизнь почти не прерывалась. Грозныя царства Ветхаго Завѣта, сотрясавшія землю своими походными колесницами, въ гимнахъ уподоблявшія своихъ вождей быкамъ и носорогамъ, ветхозавѣтно и гибли,—поражая народы мистическимъ ужасомъ, неотвратимостью рока, ненасытностью Іеговы. „И заростали дворцы ихъ колючими растеніями, крапивой и рпейникомъ—твердыни ихъ; и были они жилищемъ шакаловъ, пристанищемъ страусовъ; и звѣри пустыни встрѣчались въ нихъ съ дикими кошками, и демоны перекликались другъ съ другомъ“. Но мѣшало ли это возникновенію среди развалинъ новыхъ царствъ и цивилизацій?

Не то было въ Іудеѣ.

Въ мірѣ нѣтъ страны съ болѣе сложнымъ и кровавымъ прошлымъ, какъ нѣтъ книгъ ужаснѣе воплей Пророковъ. Въ спискахъ древнихъ царствъ нѣтъ, кажется, царства, не предавшаго Іудею легендарнымъ бѣдствіямъ. Но въ Ветхомъ завѣтѣ Іудея все же была частью историческаго міра. Въ Новомъ она стала уже пустошью — той великой пустошью, засѣянной костями, что могла сравниться лишь съ полемъ мертвыхъ въ страшномъ снѣ Іезекиіля. Есть преданіе, что необозримыя развалины, какъ бы потрясенныя до основанія вулка-

нами, ужаснули самаго Адріана. Потомъ развалины эти заросли сорными травами, одичали, заглохли... „И пастухи со стадами своими приступили къ Сіону, раскинули палатки вокругъ него“...

Прослѣдить, что происходило въ растущей и ломающейся человѣческой душѣ, готовившейся къ воплощенію новаго бога, — внѣ человѣческихъ силъ. Невыразимо напряженіе силъ, бывшее передъ таинствомъ смертельныхъ родовъ. Ироду выпала тяжкая доля спасать міръ отъ собственнаго чада, Іудеѣ—часъ послѣднихъ мученій. Въ агоніи она пыталась задушить Дитя и опять воспрянуть къ жизни. Тогда въ бѣшенствѣ кинулась добывать ее. Что Навуходносоръ передъ Титомъ или Адрианомъ! Навуходносоръ „пахалъ Сіонъ“. Титъ выше стѣнъ загромоздилъ его трупами. Приближеніе его было приближеніемъ воинства Сатанаила. Тучи сгустились, спустились надъ храмомъ Соломона, и въ наступившемъ гробовомъ молчаніи сами собой распахнулись исполинскія бронзовыя двери его, выпуская воинство Іеговы. „Мы уходимъ!“—сказалъ Іудеѣ невѣдомый голосъ. А при Адрианѣ внезапно распалась гробница Давида и „волки и гіены съ воемъ появились на уликахъ пустыннаго Іерусалима“. То былъ знакъ близкаго возмездія за послѣднее отчаянное возстаніе Іудеевъ, перебившихъ на Кипрѣ около трехсотъ тысячъ язычниковъ, въ ветхозавѣтной ярости пожиравшихъ мясо убитыхъ, сдиравшихъ съ нихъ кожу на одежды... И чудовищно было это возмездіе!

Оно было исполненіемъ пророчествъ. Да замрутъ въ Іудеѣ „голосъ торжества и голосъ веселія, голосъ жениха и голосъ невѣсты!“ Да не останется камня на камнѣ отъ великаго, стократно погибав-

шаго въ пламени Города Мира! Ибо на долгій, долгій срокъ земля его, вся пропитанная кровью, должна была „стать терномъ и волчцами“. Быль и отдыхъ ей нуженъ!

Жить обычной жизнью послѣ всего того страшнаго, что совершилось, Палестина не могла. Снова и снова вторгались въ тишину ея завоеватели чуть не всѣхъ народовъ Востока и Запада. Но поле мертвыхъ такъ и оставалось полемъ мертвыхъ. Рать за ратью гибло на немъ и несмѣтное „воинство Христово“. Покорить Иисусу враговъ Его избіеніемъ ихъ, новыми опустошеніями и новыми кровопролитіями, стоять у гроба Его съ обнаженнымъ мечомъ—это было безуміемъ. Вернуть трижды мертвую страну къ жизни, исторгнуть ее изъ ея священнаго запустѣнія—кощунствомъ. Пусть исчезнетъ сперва съ лица ея память о прошломъ. Пусть истлѣютъ несмѣтныя кости, покроются макомъ могилы. Пусть отдохнетъ она въ тысячелѣтнемъ забвеніи и возвратится ко днямъ патріарховъ...

И она возвратилась.

IV.

Утро въ Иерусалимѣ свѣжо и ясно, день зноенъ.

Открывъ глаза, почему-то съ особенной радостію увидалъ я нынче, изъ-подъ кисейнаго балдахина огромной постели, полуоткрытое окно своей холодной каменной комнаты. На аршинъ отъ окна—высокая желтоватая стѣна сосѣдняго дома. Ранній солнечный свѣтъ золотить ее, заглядываетъ ко мнѣ. Гдѣ-то внизу по-деревенски блеетъ коза, гдѣ-то вверху раздаются звонкіе голоса дѣтей,

собирающихся въ школу. Вдали, на базарахъ, восторженно рыдаетъ осель.

Холодно и на крышѣ, но ослѣпительное солнце, только что поднявшееся изъ-за Моавитскихъ горъ, надъ долинами, затопленными свѣтлымъ паромъ, уже пригрѣваетъ одежду, руки. Прянь утренній запахъ тлѣющаго на очагахъ кизяка—его горячаго дыма, выходящаго изъ трубъ прозрачнымъ, дрожащимъ. Въ тишинѣ слышенъ плескъ бурдюковъ, опускаемыхъ изъ оконъ въ зеленую воду Водоема, еще полного густой тѣни; слышенъ зычный крикъ босыхъ зеленщиковъ и водоносовъ, бѣгущихъ по крытымъ улочкамъ базаровъ, говоръ и дробный стукъ копытъ на площади возлѣ цитадели. Весело верезжать и носятся несмѣтные стрижи надъ розово-желтой кровлей города, надъ ея опрокинутыми каменными и глиняными чашами и вкругъ чернаго купола Гроба. Жарко блещетъ полумѣсяцъ на великолѣпной Мечети Омара, такой одинокой среди окрестной старины и бѣдности. Но небо еще свѣжо и ясно. Пальма на южной сторонѣ города и далекая гора Самуила на сѣверѣ подчеркиваютъ прозрачность воздуха.

Стукъ копытъ — это приводятъ лошадей для туристовъ и паломниковъ-европейцевъ. Европейцы живутъ по отелямъ, католическимъ и протестантскимъ миссіямъ, осматриваютъ святыни почтительно и спокойно. А говоръ—это говоръ русскихъ мужиковъ и польскихъ евреевъ, идущихъ плакать. Одни будутъ лить слезы у Гроба, другіе—у Стѣны Плача, уцѣлѣвшей отъ храма Іеговы. Русскіе живутъ въ скучныхъ казенныхъ корпусахъ Православнаго Общества за Западными воротами, убивая время ѣдой, перебранками, хожденіемъ ко

Гробу, въ Виелеемъ, на Иорданъ—и просто по базарамъ: тамъ они приторговываются и къ луку, и къ картофелю, и къ четкамъ, и къ лубочнымъ аеонскимъ картинамъ, — безъ даже малѣйшаго намѣренія купить хоть на копѣйку. А евреи ютятся въ нищенскихъ трущобахъ южнаго квартала, бѣгаютъ по роднымъ и знакомымъ, съ жадностью ловятъ вѣсти о своихъ палестинскихъ колоніяхъ— и плачутъ у останковъ древняго Сіона, нарядившись въ бархатные халаты и польскія шапки изъ остистаго собачьяго мѣха, подъ которыми видны на затылкахъ ермолки, а на вискахъ— огромные завитки.

Солнце пекло все жарче и скоро прогнало меня съ крыши.

Всѣ тѣ, что сиѣшаютъ къ Мечети Омара, Стѣнѣ Плача или просто на базары, неминуемо должны пройти по улицѣ Давида. Въ этомъ длинномъ каменномъ корридорѣ, уступами спускающемся подъ уклонъ, въ этихъ тѣсныхъ и пахучихъ рядахъ стараго Востока течетъ непрерывная рѣка — ословъ, патеровъ, имамовъ, верблюдовъ, женщинъ, турецкихъ солдатъ, бедуиновъ и паломниковъ всѣхъ исповѣданій. Своды, холсты и циновки дѣлаютъ его тѣнистымъ, но въ промежутки между ними видно яркое небо, пыльно-золотистыми столбами прорѣзывается солнце и даже въ тѣни чувствуется, какъ быстро приближается жаркое палестинское утро. Вотъ серебромъ блеснули въ этой живой солнечной полосѣ двѣ бѣлыя женскія фигуры; вотъ, напомнивъ Яффу, промелькнулъ въ ней старикъ, курчаво-сѣдой, черно-сизый, съ толстыми губами и блестящими глазами, съ голыми тонкими берцами и раскрытой грудью, подъ чер-

нымъ платкомъ и въ пастушеской пѣгой хламидѣ; вотъ ярко оваренный уголь какого-то вросшаго въ землю дома, сложеннаго изъ обломковъ дикаго камня и древнееврейскаго мрамора, съ травкою на карнизѣ—надъ входомъ въ мясную лавку... Все сильнѣе и радостнѣе чувствуется близость къ какому-то далекому радостному утру въ дни молодости Иисуса... Но—вотъ и поворотъ къ Голгоѣ.

Съ улицы Давида переулочки ведутъ и вправо, и влѣво, среди лавокъ съ крестиками, образками, иконками. Наконецъ—калитка въ каменной оградѣ, а за ней — каменный дворъ, полный жаркаго солнца, подъ яркимъ голубымъ небомъ, стиснутый сросшимися стѣнами арабскихъ жилищъ, греческихъ и латинскихъ келій, минарета, католической колокольни и самаго храма. Мраморная паперть занята торговцами, разложившими на ней все тѣ же кипарисные и перламутровые крестики, четки и раковинки... И этотъ дворъ, храмъ—это-то и есть „Юдоль Мертвыхъ, плача и предградія“. Нѣкогда она лежала внѣ городскихъ стѣнъ, была пустошью, служила для свалки нечистотъ и мусора, для позорящей казни и сжиганія казненныхъ. Потомъ стала величайшей святыней міра—святыней, къ которой не разъ приходили „по колѣно въ крови, но съ пѣніемъ псалмовъ и съ вайями въ рукахъ“! И владѣли ею то Римъ, поставившій надъ могилой Распятаго храмъ Венеры, то Византія, то Хозрой, то Омаръ, то Готфридъ, то султаны Стамбула... Думалъ ли Онъ, говорившій съ такой дѣтской радостью о радостяхъ жизни, о птицахъ небесныхъ и лиліяхъ полевыхъ, что распнутъ Его со злодѣями въ этой Юдоли смерти, истребятъ

ради имени Его мириады душъ и воздвигнуть на мѣстѣ воскресенія Его этотъ храмъ?

Фасадъ храма сѣръ и тяжелъ. Входы—въ большихъ глубокихъ сводахъ, украшенныхъ обветшалыми барельефами. Одинъ грубо заложенъ камнями. Другой широко зияетъ темнотой, усѣянной цвѣтными огоньками лампадъ. Два старинныхъ рѣшетчатыхъ окна во второмъ ярусѣ слишкомъ малы, не замѣтны, по сравненію съ фасадомъ. И фасадъ кажется частью слѣпой крѣпостной стѣны... Толпой выходятъ изъ храма русскіе мужики и бабы, оборачиваются, кланяются до земли и, встряхнувъ волосами, вздыхая и вытирая лапами заплаканные глаза, идутъ шататься по базарамъ... Злорадно верезжать и черными стрѣлами носятся вокругъ горячо нагрѣтыхъ стѣнъ стрижи... Снисходительно-ласково, притворно-сердито воркуютъ голуби, прижавшись на выступѣ карниза... Тишина, ослѣпительное солнце, бездонное яркое небо—красота и жизнь!

Но въ порталѣ, на широкихъ нарахъ, курятъ, пристально глядя на шахматы, турецкіе солдаты. Дальше—сумракъ перваго притвора и среди исполинскихъ погребальныхъ свѣчей, на низкомъ помостѣ, подъ балдахиномъ, увѣшаннымъ дорогими разноцвѣтными лампадами,—желто-розовая плита: Камень Помазанія. Налѣво—колоссальная ротонда подъ колоссальнымъ несведеннымъ куполомъ, дѣтски расписаннымъ облаками, лазурью, ангелами. Посреди нея—часовня песочнаго мрамора, вся сверху до низу въ блестящихъ окладахъ и горящихъ лампадахъ. У входа—разноцвѣтныя свѣчи, перевитыя сусальнымъ золотомъ, выше роста человѣческаго... Вотъ онъ, этотъ жуткій погребаль-

ный Вертепъ, такой тѣсный, что въ немъ трудно повернуться, и настолько залитый свѣтомъ, что въ немъ слѣпнешь и не сразу разглядишь у стѣны направо низкую лежаночку бѣлаго мрамора! А къ ней-то и текутъ со всего міра, ее-то и кропятъ сжечасно розовой водой, надъ ней-то и пылаютъ пятьдесятъ драгоценныхъ лампадъ и цѣлые костры восковыхъ свѣчей...

Послѣ жара и блеска Вертепа, сумрачно, грязно кажется въ ротондѣ. Тутъ съ утра до вечера—сплошной крестный ходъ, давка, слезы, рыданія, служба на всѣхъ языкахъ. Служатъ и въ греческомъ соборѣ, рядомъ, и въ католическихъ придѣлахъ, и на Голгоѣ—маленькомъ темномъ алтарѣ, куда поднимаются изъ преддверія ротонды по мраморной лѣстницѣ ступеней въ двадцать. Служатъ и въ дальнихъ подземныхъ храмахъ, гдѣ стоитъ вѣчная ночь, мракъ, озаренный лампадами, и холодокъ могилы... И всюду золото, иконостасы, драгоценные камни, образа всѣхъ временъ и всяческаго письма, ладонь, католическія Распятія, статуи Мадонны въ коронѣ, въ порфирѣ, съ сердцемъ, пронзеннымъ мечемъ... „На горѣ сей пьютъ радость, пьютъ вино!“

Но еще болѣе горькая радость—у Стѣны Плача, у останковъ святилища Іеговы.

Если не свернешь съ улицы Давида къ Голгоѣ и пройдеши немного ниже, невольно свернешь вправо, въ узенькіе и жаркіе трущобные ходы, чтó уступами приводятъ въ глухой длинный закоулокъ. Съ трехъ сторонъ замыкаютъ его стѣны каменныхъ домовъ и домишекъ. Съ четвертой,—если стать лицомъ къ востоку,—громадная крѣпостная стѣна: Стѣна Плача, остатокъ укрѣпленій

вокругъ храма Соломона, а теперь часть стѣнъ во-
кругъ Мечети Омара.

По утрамъ здѣсь тѣнь. Зелень нѣсколькихъ
акацій радуется глаза, отвыкшіе отъ зелени. Ра-
достными синими глазами глядитъ сверху небо.
Но подъ стѣной, подъ ея золотистыми кам-
нями, отшлифованными мириадами устъ, стоитъ
немолчный стоякъ, дрожащій гнусавый вой, жалоб-
ный ропотъ и говоръ. Онъ то замираетъ, то возра-
стаетъ; то сливается въ нестройный хоръ, то дѣ-
лится на выкрики. Женщины, накрытыя шелко-
выми шальями, приклоняютъ къ стѣнѣ головы и
бормочутъ ей свои жалобы покорно и несмѣло.
Мужчины, прижавшись къ ней лѣвымъ плечомъ,
держатъ въ лѣвой рукѣ старинные молитвенники,
а правую простираютъ къ верхнимъ камнямъ. Они
быстро, быстро читаютъ, выкрикиваютъ какія-то
заклинанія, и страстно молятъ, ищутъ кого-то въ
ясномъ небѣ. Они въ отчаяніи опускаютъ вѣки,
поднимаютъ брови и, стеноя, раскачиваются... И
вдругъ оживаютъ, раскрываютъ заблестѣвшіе глаза...
И въ то время, какъ одни хватаются за головы,
топаютъ ногами и рыдаютъ, другіе жадно покрыва-
ютъ поцѣлуями стѣну, съ радостными воплями
подскакиваютъ и бьютъ въ ладоши...

Сколько здѣсь круглоликихъ, огне-глазыхъ юно-
шей съ черносиними пейсами, въ одеждахъ ис-
панскихъ евреевъ, и тонконогихъ, худосочныхъ
старцевъ, точно прожившихъ тысячелѣтіе или сбѣ-
жавшихъ изъ долины Іосафата! Лица ихъ блѣдны,
какъ смерть, головы закинута, большія выпуклыя
вѣки сомкнута, крутые сѣрые пейсы и бѣлая длин-
ная борода трясутся. Страшно то, что эти библей-
скіе покойники наряжены — въ новыя мѣховыя

шапки сверхъ ермолокъ и въ алые бархатные халаты,
которые, распахиваясь, открываютъ жидкія ноги въ
бѣлыхъ чулкахъ и погребальныхъ туфляхъ. Но
еще страшнѣе, когда они на вечернихъ литаніяхъ
въ пятницу соединяютъ свои дрожащіе голоса въ
одинъ мучительный вопль, отвѣчая предстоящему.

— Ради чертоговъ покинутыхъ! — скорбнымъ
теноромъ восклицаетъ предстоящій.

— Одинокіе, сидимъ мы и плачемъ! — жалобно,
фальцетами вскрикиваютъ старики.

— Ради чертоговъ разрушенныхъ...

— Одинокіе, сидимъ мы и плачемъ!

— Ради стѣнъ испровергнутыхъ...

— Одинокіе сидимъ мы и плачемъ!

— Молимъ Тебя, умилосердись надъ Сіономъ! —
запѣваетъ предстоящій.

— Собери чадъ Іерусалима! — подхватываютъ
старики.

— Поспѣши, поспѣши, Искупитель!

— Возрадуй сердце Іерусалима!

— Да воцарится на Сіонѣ миръ и радость!

— И опять разцвѣтетъ жезлъ Іессея!

Но уже никогда, никогда не расцвѣсти ему
снова ветхозавѣтными цвѣтами! И какъ могла за-
быть земля о томъ незабвенномъ утрѣ двѣ тысячи
лѣтъ тому назадъ, когда вошелъ Отрокъ въ На-
заретскую синагогу?

„Ему подали книгу пророка Исаи; и Онъ,
раскрывъ ее, нашель мѣсто, гдѣ было написано:
Духъ Господень на Мнѣ, ибо Онъ помазалъ Меня
благовѣствовать нищимъ и послалъ Меня исцѣ-
лять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдовать плѣн-
нымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить
измученныхъ на свободу“...

V.

Мечеть Омара, такая сумрачная и тяжелая вечеромъ, неузнаваема утромъ. Но тогда, съ горь и высотъ, еще виднѣе нагота безлюдной Иудеи, вретище Иерусалима, окруженнаго кремнистыми долинами, — этими сплошными некрополями всѣхъ вѣковъ и народовъ, гдѣ всегда такъ жарко и сухо, гдѣ такъ жестко бѣлѣютъ несмѣтные могильные камни. Одна мечеть цвѣтетъ надъ Иудеей во всемъ богатствѣ и великолѣпши своихъ палевыхъ кафель, голубыхъ фаянсовъ, черносиняго купола, мраморнаго двора, занявшаго почти двадцать десятинь, и тысячелѣтнихъ капарисовъ...

Даже изъ-за Мертваго Моря, съ первыхъ уступовъ Моава видна она. Въ знойномъ неоглядномъ просторѣ открываются огнемъ горящія на югѣ и теряющіяся въ блескѣ неба и солнца воды, поглотившія Содомъ и Гоммору; за ними — таинственная свѣтоносная Аравія. На сѣверѣ, въ глубинѣ безконечныхъ извилистыхъ долинъ исчезаетъ Иорданъ, пролагающій свой узкій путь среди сѣроблестящихъ песковъ и тропическихъ кустарниковъ. Напротивъ, на западѣ, за огромной низменностью этихъ долинъ, гдѣ Иорданъ сливается съ Мертвымъ Моремъ, — Иерихонъ. Маленькимъ оазомъ темнѣетъ онъ въ пустынѣ, у слоистаго подножія Иудейскихъ горъ. Выше, среди ихъ голыхъ желто-сѣрыхъ переваловъ и впадинъ, какъ модель аравійской крѣпости, лежитъ Иерусалимъ — и тускло блещутъ надъ нимъ купола Мечети и Гроба. И

отъ Аравіи, изъ-за Иордана, съ морскихъ побережій — отовсюду стекаются къ стѣнамъ и святынямъ этой крѣпости пути поклонниковъ всѣхъ странъ и народовъ. Мечеть — первая Кебла Ислама. Самъ Пророкъ заповѣдалъ молиться, обратясь лицомъ къ камню Морія, нынѣ покрытому ею, — Мекка позднѣе, уже послѣ его смерти, стала Кеблой. И „пилигримъ, вступившій за Священную Ограду мечети и поклонившійся Камню, одинъ получаетъ награду равную наградѣ тысячи мучениковъ, ибо здѣсь молитвы его такъ близки къ Богу, какъ если бы онъ молился на небѣ“...

Сожженный зноемъ Мертваго Моря и преддверія родины Пророка, возвратился я въ Иерусалимъ — и послѣднимъ даромъ его была тайна и красота „Несравненной“ Мечети.

Черномазый арабъ-часовой, въ фескѣ и сивей турецкой формѣ, съ карабиномъ на плечѣ, медленно бродилъ возлѣ старыхъ крѣпостныхъ воротъ, когда мы, спустясь по улицѣ Давида, несмѣло остановились возлѣ нихъ. Еще очень недавно великихъ трудовъ стоило не только войти, но даже заглянуть во дворъ Святилища, а сто лѣтъ тому назадъ за это платили жизнью. Евреи считали тогда смертнымъ грѣхомъ ступить на его порогъ — осквернить божественную землю своимъ прикосновеніемъ. Теперь часовой только покосилъ своими голубоватыми бѣлками съ кровавыми жилками, только блеснулъ огненно-чернымъ зрачкомъ. А проводникъ мой, худосочный рыжеватый юноша, былъ — еврей.

Близился полдень, страннымъ, металлическимъ свѣтомъ блистали, въ пролеты длинной, отдѣльно стоящей прямо противъ воротъ колоннады, грани

огромнаго храма, вознесеннаго на длинную мраморную площадь-помость и казавшагося еще огромнѣе среди ослѣпительно-бѣлаго простора каменнаго двора. Вдали налѣво, въ его сѣверо-западномъ углу, высился минаретъ Омара, похожій на маякъ, и тяжкая громада Цитадели Антонія. Вдали направо, въ юго-восточномъ углу, бѣлѣлъ среди двухъ черныхъ кипарисовъ фасадъ храма Введенія, теперь — Мечети Эль-Акса. Два-три столъ же древнихъ и живописныхъ кипариса сторожами стояли и возлѣ самой Мечети Омара. Нѣсколько ветхозавѣтныхъ оливъ раскидывались тамъ и сямъ своими серебристо-пыльными купами надъ плитами двора, проросшаго тонкою блѣдно-зеленой травой. Мавританскіе кіоски, фонтаны, вышки рѣзныхъ каедръ оживляли дворъ. Подъ одной изъ оливъ, прямо, по-женски, вытянувъ ноги, сидѣли двѣ благочестивыя мусульманки, закутанныя въ легкія блѣдно-розовыя покрывала. Голуби, трепеща и свистя крыльями, падали порою на горячія ступени помоста... Но казалось, что уже давно, давно не ступала въ этомъ свѣтломъ и тихомъ дворѣ нога человѣческая, — что въ какомъ-то заповѣдномъ царствѣ растутъ эти черныя картинныя деревья и блистаютъ чистотой эти каменные плиты, эти мертвенно-изящныя кіоски и эта длинная крытая колоннада, стоявшая передъ нами какъ бы триумфальнымъ порталомъ священной паперти-помоста. И мертвенно-четки были линіи, мертвенно-холодно сіяли вѣчно-свѣжія краски храма, возвышавшагося въ своемъ азіатскомъ великолѣпіи среди свѣта и зноя, подъ слегка аспиднымъ аравійскимъ небомъ.

Храмъ царить надо всѣмъ, что вокругъ него,

и весь на фонѣ этого неба. Его длинный восьмиугольникъ, весь изъ драгоценныхъ золотистыхъ мраморовъ, и его нѣжно-лазурный барабанъ, поддерживающій куполь, — все это немного приземисто по сравненію съ величиной темно-синяго свинцоваго полушарія — рубчатого сарацинскаго купола, увѣнчаннаго необычно большимъ, трехъаршиннымъ золотымъ серпомъ луны съ соединяющимися острыми концами. По-аравійски сумрачная вверху, по-дамасски блистающая инкрустаціями снизу, Мечеть рѣзко глядитъ въ пролеты колоннады, сквозной стѣной стоящей на верхней ступени широкой пологой лѣстницы.

По ней мы и поднялись на помость. И тогда Мечеть еще ослѣпительнѣе предстала передъ нами своей громадой въ чистомъ жаркомъ воздухѣ. Почти правильная полусфера купола чуть-чуть заострена на вершинѣ, чуть вогнута у основанія — и кажется легче. Верхній карнизъ барабана и пространство между его окнами, — все въ лазурныхъ и бѣлыхъ маіоликахъ, испещренныхъ золотою вязью куфическихъ надписей. Широкая, блистающая полировкою, лента бѣлыхъ и лазурныхъ изразцовъ, тоже вся въ золотой вязи, идетъ и надъ большими полукруглыми окнами по стѣнѣ самага восьмиугольника. Подъ ними — гладкость и чистота золотистыхъ мраморовъ: стѣны Мечети сплошь мраморныя.

Худой живоглазый мулла быстро распахнулъ дверь ея, и, разутые, скользя по желтымъ камышевымъ циновкамъ, вступили мы въ прохладу и сумракъ, слабо озаренный голубымъ и розовымъ свѣтомъ драгоценныхъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Стѣны и здѣсь выложены мраморами. Позолотой

покрыть покато-плоскій потолокъ, соединяющій ихъ съ барабаномъ подь куполомъ. „Что это кажется страннымъ въ этой Мечети?“ думалъ я, пока глаза мои привыкали къ ея полусвѣту. И, наконецъ, понялъ: ахъ, то, что нѣтъ въ ней обычнаго простора!

Простора нѣтъ потому, что стоитъ въ ней восьмиугольная колоннада: восемь широкихъ столповъ и шестнадцать колоннъ, соединенныхъ архитектуромъ. Пролеты между ними — арками. Какъ старинная парча, покрываетъ эти столпы и архитектуръ блеклая зелень, матовое серебро и золото мозаики, переносящей мысль къ Византіи. Византійскими капителями увѣнчаны и колонны.

Но мало того: за этой аркадой высится вторая—кругъ изъ четырехъ столповъ и двѣнадцати колоннъ, поддерживающій барабанъ съ куполомъ, кругъ древнихъ яшмовыхъ и порфировыхъ колоннъ—наслѣдіе Соломона и Адриана. И уже совсѣмъ загромождаетъ Мечеть, совсѣмъ необычно то, что съ великимъ изумленіемъ видишь въ этомъ кругѣ, за этими колоннами, соединенными невысокой бронзовой рѣшеткой: подь зеленымъ шелковымъ балдахиномъ, нарушая всякое человѣческое представленіе о всяческой человѣческой постройкѣ, тяжело и грубо чернѣетъ дикая морщинистая глыба гигантскаго камня! Куполь выстланъ внутри той же матовой зелено-золотой парчей мозаики. Сказочно-разноцвѣтное сіяніе льютъ рубиновые, сапфировые, топазовые стекла. Неясно блистаетъ весь храмъ мраморами и загорающимися гранями хрустала на несмѣтныхъ люстрахъ. Тонкимъ ароматомъ кипариса и розовой воды напоенъ прохладный сумракъ... Зачѣмъ же такъ

первобытно вторглась въ этотъ божественный молитвенный чертогъ сама природа?

Талмудъ говоритъ: Камень Моріа, скала, на которой первый человѣкъ принесъ первую жертву Богу, — средоточіе міра. Скалу Моріа, что была покрыта нѣкогда храмомъ Соломона, а нынѣ хранима Мечетью Омара, положилъ въ основаніе вселенной самъ Богъ. И было имя ея—Шатія,—что значитъ колеблющаяся.

Древнія книги и легенды Іудеи и Аравіи говорятъ: „Въ Іерусалимѣ Богъ сказалъ Скалѣ: ты—основаніе, отъ коего началъ Я созданіе міра... Отъ тебя воскреснутъ сыны человѣческіе изъ мертвыхъ“. „Сойдя въ пещеру подь Скалой, Медширъ-едъ-Данъ видѣлъ чудо чудесъ: колеблющаяся глыба камня, ничѣмъ и никѣмъ не поддерживаемая, висѣла въ высотѣ, подобно парящему орлу“. Магометъ—въ ночь своего путешествія изъ Медины въ Іерусалимъ на верблюдицѣ Молнія—сталъ своей священной стопою на Скалу Моріа, раскачивающуюся между небомъ и землею. Былъ взмахъ, почти достигшій вратъ Рая, — и Скала издала крикъ радости. Но Пророкъ повелѣлъ ей молчать—и одинъ вошелъ во врата Рая. А Скала вновь пала къ землѣ — и вновь вознеслась — и въ движеніи своемъ пребываетъ и до нынѣ: „не мѣшаясь съ прахомъ и не смѣя преупить неба“.

Каббалистическія книги говорятъ: „Адонаи-Господь воздвигъ въ Безднѣ камень, творя міръ, и начерталъ на камнѣ Имя Святое. Когда поднимаются воды Бездны до камня, онѣ убѣгаютъ вспять въ ужасѣ. Когда произносится ложное слово, камень погружается въ воды—и смываются

буквы Святаго Имени. Но Ангель Аваріала, имѣющій семьдесятъ ключей къ таинству Святаго Имени, снова пишетъ его на Камнѣ и оно снова гонитъ прочь воды“.

„Въ дни пророковъ Камень былъ внутри Святилища храма Соломона и первосвященникъ ставилъ на немъ курящуюся кадильницу. На немъ же стоялъ и Ковчегъ Завѣта, урна съ манной и лежалъ вѣчно цвѣтущій жезлъ Аарона. Нынѣ Ковчегъ Завѣта скрытъ въ тайникахъ подъ камнемъ, гдѣ сохранялъ его отъ враговъ и самъ Соломонъ, которому камень давалъ неземную силу: съ него видѣлъ царь весь міръ отъ края и до края—и понималъ языкъ птицъ и звѣрей“.

Но вотъ, въ день паденія храма, въ девятое число мѣсяца Аба, Камень Жизни, вѣчно колеблющійся Камень Жизни, останавливается. Сила его изсякаетъ. Тайну тайнъ, неизреченныя письма, означающія Святое Имя, прочелъ Иисусъ. И къ Нему же перешла и сила Камня. „Иисусъ, воспринявшій силу его, творилъ чудеса этой силой“... Затѣмъ Римъ разрушаетъ храмъ—и Камень останавливается. Гдѣ же теперь сила Камня?

Для Іудеи Камень Жизни замеръ, застылъ на вѣки. За Иисусомъ, говоритъ Исламъ, сила Камня перешла къ Пророку. И правъ Исламъ: Пророкъ снова далъ движеніе Камню, онъ вознесъ его къ небу. И сила этого движенія была необычна, жизнь жившихъ ею—юношески пламенна, полна сграстнаго служенія Богу. Но недолго сіяло и солнце Ислама во всей славѣ своей. Вотъ уже гаснетъ и его вѣра, и самъ онъ, самъ признаетъ нынѣ, что слабѣютъ размахи Камня, затопляють

воды Бездны Святое Имя, начертанное на немъ... Что же готовитьъ міру будущее?

Взволнованный, смотришь на темную глыбу скалы среди мечети, и полнымъ великаго смысла начинаетъ казаться это сочетаніе земли и неба—храма и камня. И, покидая Мечеть, думаешь: долженъ міръ снова возвратиться ко Христу,—къ тому Христу, что нѣкогда воспріялъ силу Камня и былъ истиннымъ сыномъ земли и духа. Развѣ Онъ, съ такою несказанной полнотой воплотившій въ Себѣ божественное Начало Жизни, говорившій: „Я въ Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ“, не сочеталъ небеснаго съ земнымъ, между тѣмъ какъ подъ стопой Пророка Камень Жизни не касался ни земли, ни неба?

VI.

Въ сумерки, проходя по базару въ Яфѣ, я нечаянно поднялъ глаза и увидѣлъ тонкій серпъ луны. Закрывались въ полумракѣ рядовъ лавочки, приносили отъ фонтана послѣдніе кувшины. Собаки, горбясь и сливаясь съ темнотой внизу, подбирали остатки торга. Неожиданно дошла откуда-то нѣжная сладость цвѣтущаго дерева. Я поднялъ глаза и увидѣлъ въ легкомъ и прозрачномъ небѣ вихорь пальмы, а высоко, высоко надъ нимъ—острый, чистый, тонкій серпъ Астарты.

На берегу, подъ городской стѣной, тянуло теплымъ вѣтромъ съ неоглядной мелкой зыби взморья. Чуть видныя, мягко и красиво намазанныя сизой мутью облака терялись на закатѣ. Я легъ на теплый гладкій камень, среди камней,

взгроможденныхъ вдоль берега. „Сумерки, море, уголь ханаанско-аравійскихъ береговъ“... подумалъ я. Надъ стѣной, въ старомъ каменномъ домишкѣ зияетъ черная дыра окна безъ стеколъ, съ рѣшеткой. Слышно, какъ тамъ, въ каморкѣ, безъ огня, укладываются спать и, плача, ссорятся дѣти... Да, совершила жизнь огромный кругъ! Всѣмъ существомъ пережилъ я за эти мѣсяцы долгую и страшную лѣтопись Востока... На юго-западѣ, надъ лиловой тьмой моря склоняется покраснѣвшій, меркнувшій и теряющійся въ небѣ серпъ. И такъ пустыни сумерки надъ гаванью безслѣдно исчезнувшего съ лица земли Ханаана, такъ все просто и бѣдно вокругъ, точно я одинъ во всемъ мірѣ, у его безлюднаго начала...

Пароходъ пришелъ и отошелъ нынче съ европейской точностью. Опять замелькали вокругъ меня тропическіе шлемы и каскетки, кодаки и бинокли, плѣды и красные путеводители... Убирали траны, восточная галда смолкла. Жаркое солнце склонялось къ золотому морю. Рейдъ стоялъ какъ зеркало, рифы обнажились, отдыхали, бѣлыя чайки, плававшія надъ кормой, казались огромными. Въ упоръ освѣщенная Яффа, громоздясь на холмѣ, переливалась зеркальнымъ отраженіемъ воды и вся была цвѣта банана. Задрожала, поворачиваясь, корма, забурлилъ винтъ—и Яффа тронулась. Но я не спускалъ съ нея глазъ до тѣхъ поръ, пока она, все отдаляясь, не слилась, наконецъ, съ песками на югѣ, фіолетовыми отъ голубой дымки воздуха и опускающагося солнца.

А потомъ я смотрѣлъ на Сарону и на песчаную береговую полосу, вдоль которой мы шли на сѣверъ. Все смутнѣй и меланхоличнѣй становилась

равнина, все блѣднѣе и облачнѣе—горы. Солнце погасло—и вода у береговъ стала тяжелой, кубовой. Одинокимъ, затеряннымъ казалось какое-то селенъице, далеко, далеко бѣлѣвшее въ сини равнины. Я смотрѣлъ и дивился ея безлюдности. Палестинское побережье лишено даже слѣдовъ древности. Ихъ стерли, въ борьбѣ съ язычествомъ, еще цари Іудеи. А время dokonчило эту работу. Вонъ тамъ, на чуть видной сѣверной окраинѣ, въ устьяхъ рѣкъ, бѣгущихъ отъ Кармила, лежала Кесарія. Нѣкогда это былъ славный на весь міръ портъ и городъ Ирода; теперь—пески, обломки камня и колючій кустарникъ... И такъ—по всему побережью.

Съ вечера было тепло и ясно. Палуба, испещренная легкими тѣнями снастей, чуть блестяла. Море чернѣло вокругъ. Въ вышинѣ, сквозь снасти, розовато сіялъ теплый золотой полумѣсяцъ. Но близился Ливанъ. На ночь я открылъ въ каютѣ иллюминаторъ—и въ два часа проснулся: стало прохладно, по темной каютѣ ходилъ сильный влажный вѣтеръ. Я заглянулъ за бортъ—и тамъ была сѣровая темь. Пахло моремъ, Ливанъ дышалъ мглюю. Во мглѣ, какъ на краю земли, висѣли два мутныхъ маячныхъ огня. Дальній былъ красноватый. Я подумалъ: это—Тиръ или Сидонъ... И стало жутко.

За Кесаріей—слѣды Египта и Финикіи. Въ дни служенія Астартѣ на мѣстѣ Кесаріи былъ какой-то большой хананейскій городъ, упоминаемый въ надгробномъ заклѣтїи царя Эзмунацара. Ранѣе, въ дни поклоненія „Богу всепожирающаго времени“, крокодилу,—египетскій Крокодилопосъ. И въ пескахъ, затаившихъ останки этихъ городовъ,

говорять, и теперь еще находятъ разбитые сіениты, мраморы, первобытныя мозаики, камни цистернъ, погребальные колодцы крокодиловъ.

Но что Кесарія! Въ полночь мы прошли и самый Кармилъ, горный мысъ Ваала-Громовержца. Съ Кармила Іудейскіе пророки метали самыя ярыя проклятія язычеству. На Кармилъ въ одной изъ пещеръ троглотитовъ жилъ Илія, лютѣйшій врагъ Ваала. Но жизнь на языческой горѣ, бывшей ипостасью самого Бога, не прошла для Іліи даромъ. Тысячи преданій слили его образъ съ образомъ космическаго бога: Илія былъ питаемъ вранами, повелѣвалъ громами и бурями, низводилъ огонь и дождь съ неба, превращалъ въ камни растенія, заживо, какъ истый сынъ Солнца, вознесся къ нему на пламенной колесницѣ. И все это сдѣлалъ Кармилъ, одно имя котораго влекло поклонниковъ со всего міра, Кармилъ, на которомъ не было даже капищъ,—только каменные жертвенники, — Кармилъ, у подошвы котораго Лемехъ убилъ одичавшаго Каина, принявъ его за звѣря! Необозримое море, съ трехъ сторонъ лежащее подъ Кармиломъ, бушуетъ почти круглый годъ. И богослуженія въ монастырѣ Кармелитовъ, стоящемъ теперь на Кармилѣ, принимаютъ порой жуткое величіе древнихъ языческихъ богослуженій. „Море заглушало голоса поющихъ и органъ, говоритъ одинъ паломникъ. — Надъ горою стоялъ непрерывающійся гулъ—гласъ Божій, потрясаящій пустыню и приводящій въ содроганіе горы“...

Качало у Кармила и нынче. Засыпая, я чувствовалъ, какъ темная каюта опускается и поднимается, слышалъ скрипъ переборокъ... Теперь было тихо. Кармилъ былъ теперь далеко. Ровно, съ

однообразнымъ плескомъ, бѣжала вода вдоль бортовъ погруженнаго въ сонъ и тьму парохода. Но шли мы уже мимо блудилищныхъ „гrotтовъ Астарты“ и погребальныхъ спѣсовъ, мимо необитаемой, каменно-песчаной полосы подъ волнистыми отрогами и скатами Ливана,—можетъ быть, мимо самаго Шеола, этого сплошнаго некрополя между Тиромъ и Сидономъ,—единственнаго наслѣдія славныхъ городовъ, нынѣ уступившихъ мѣсто маленькимъ и грязнымъ арабскимъ селеніямъ. И помню,—лежа въ темнотѣ, я думалъ: съ какой первобытной дерзостью сочетали древніе поселенцы этихъ береговъ оргіи жизни—и смерть! Когда-то отъ Тира до самаго Сидона „можно было пройти подъ землю,—по гробовымъ пещерамъ и колодцамъ“. На скатахъ надъ ними открыто лежали огромные саркофаги, вырубленные прямо въ скалахъ. Но какъ смѣло и вольно мѣшались съ ними гроты Астарты! Ея поклонники и поклонницы чертили мистическій знакъ Треугольника даже на стѣнахъ спѣсовъ. А Тиръ? Развѣ думалъ онъ о смерти,—онъ „Сынъ Солнца и Моря“, „рожденный въ вѣкахъ баснословныхъ“, превзошедшій всѣ народы жаждой жизни, „алкавшій земель міра“, доходившій въ своей алчбѣ отъ тропическаго Офира до полярнаго Острова Мрака? Развѣ не былъ смѣль онъ, чье имя было такъ первобытно просто—Скала—и чьи помосты были, по слову пророковъ, изъ Сенарскихъ кипарисовъ, мачты—изъ кедровъ Ливана, весла—изъ дубовъ Виссанскихъ, паруса—изъ узорныхъ полотень Египта? Къ Тиру обращался самъ Господь-Адовай, называя его „печатью совершенства, полнотой мудрости и вѣнцомъ красоты“...

И все же побѣдила смерть. „Тиръ, умолкшій среди моря! Кую мзду пріобрѣлъ ты отъ него? Сія глаголетъ Адовай Господь: се Азъ на тя, Суръ, и приведу на тя языки многи, яко же восходить море волнами своими“... Ужасныя слова! Но есть еще ужаснѣе: „Вотъ я приведу на тебя, Тиръ, лютейшихъ изъ народовъ, и они обнажатъ мечи свои противъ красоты твоей мудрости. Сдѣлаю тебя городомъ опустѣлымъ, подобно городамъ необитаемымъ, когда подниму на тебя пучину... Низведу тебя съ отходящими въ могилу къ народу давно бывшему и помѣщу тебя въ преисподнихъ земли... Ужасомъ сдѣлаю тебя... Ибо вознеслось сердце твое и сказало: азъ есмь Богъ!“

„Азъ есмь Богъ“... Библейскіе пророки поставили передъ человѣчествомъ роковой вопросъ: богъ ли человѣкъ? Они первые повѣяли на міръ холодомъ безнадежности, до потрясающей высоты вознесли проклятія слишкомъ забывшейся жизни. И по слову ихъ и вышло: тиро-сидонскій берегъ, столь щедро оплодотворяемый Богиней Жизни, далъ начало образу Шеола—преисподней. Его погребальныя камеры и колодцы, перемѣшанные съ гротами страсти, получили страшныя названія „сѣтей смерти“, „колодцевъ гибели“. И страхъ уже властно простеръ надъ странюю Солнца свои темныя крылья: онъ пришелъ сюда изъ Египта, вѣрившаго въ бессмертіе, но все же отдавашаго слишкомъ много силъ на борьбу со смертью. Онъ принесъ сюда тайны бальзамированія и жуткіе человѣкоподобныя саркофаги... А связь человѣка съ космосомъ уже слабѣла. Начинались тѣ великія истребленія царства царствомъ, та оргія смерти, на которыя такими ошеломляющими пророчествами откликну-

лась Іудея. И тогда уже громко, языкомъ пророковъ заговорилъ страхъ въ Финикіи. Это вѣдь онъ диктовалъ зачатіе Эзмунацара, мольбу его скорби и беззащитности, — надпись, высѣченную на его огромномъ гробѣ чернаго гранита:

„Въ мѣсяцъ дождей, въ годъ четырнадцатый царствованія... Пораженъ, плѣненъ я, наслѣдникъ дней героевъ, сошелъ въ адъ, сынъ бога смерти... Зачатіе мое передъ всѣмъ царствомъ и всѣмъ человѣчествомъ: да не вскрываетъ никто входа моего, не сдвигаетъ саркофага гробницы моей, не оскорбляетъ меня внесеніемъ другого гроба!“

Богъ ли человѣкъ? Или „сынъ бога смерти“? На это отвѣтилъ Сынъ Божій.

Пустыня дьявола.

I.

„Гласъ вопіющаго въ пустынь: приготовьте путь Господу, прямыми сдѣлайте стези Ему“...

Глядя съ крышъ Іерусалима на каменистыя окрестности,—чаще всего на востокъ, на пустыню Іудейскую,—каждый разъ вспоминаю я эти слова,—прологъ величайшей изъ земныхъ трагедій. Какъ волнуетъ онъ здѣсь, весь созданный изъ противоположностей!

Дьяволъ, Азавель, имя и образъ котораго такъ и остались тайной, былъ издревле владыкой пустыни. Это онъ обиталъ въ ея знойномъ сѣро-каменномъ морѣ, нѣкогда взбудораженномъ подземными силами и навсегда застывшемъ. Это ему каждый годъ—въ десятый день седьмого мѣсяца—посылали левиты и первосвященники Козла Отпущенія—отъ лица всего Израиля, за всѣ грѣхи народа. И не странно ли, что именно оттуда прозвучали первые призывы Предтечи?

Послѣ бури и молній, Богъ пришелъ въ пещеру Ілии въ сладостномъ вѣянѣ вѣтра. Сладо-

стнымъ вѣтромъ было и пришествіе въ міръ Іисуса. Но лежала „сѣкира при корнѣ дерева“. Жуткими пророчествами возвѣстилъ Предтеча о Грядущемъ за нимъ.

Не было тогда города, равнаго богатствомъ и красой Іерусалиму. Изъ Яффы были видны его зданія, блиставшія золотомъ и мраморомъ. „Іоаннъ же носилъ одежду изъ верблюжьяго волоса и поясъ кожаный на чреслахъ своихъ“.

Въ тишинѣ зеленыхъ долинъ, въ мирныхъ людныхъ селеніяхъ протекла молодость Іисуса. Но въ первые же дни служенія Своего долженъ былъ Онъ отдать дань пустынь. Онъ крестится—и уже готовъ раскрыть уста, дабы благовѣствовать міру величайшую радость. Но „Духъ ведетъ Его въ пустыню“. Трагедія, въ которой будетъ столько красоты и нѣжности, все же остается трагедіей. И Азавель не можетъ не участвовать въ ея прологѣ. Онъ знаетъ, что завершится она во имя Азавела. Онъ какъ бы символъ тѣхъ ветхозавѣтныхъ, Богомъ проклятыхъ мѣсть, гдѣ сокрылся Каинъ, жаждущій крови брата своего. „И былъ Іисусъ тамъ сорокъ дней, искушаемый сатаною, и былъ со звѣрями“.

Пустыня видна изъ Іерусалима. Его каменная масса, заключенная въ зубчатые сарацинскія стѣны и окруженная голыми каменными холмами, впадинами, оврагами, погостами,—на самомъ темени іудейскихъ высотъ. За восточнымъ оврагомъ, Кедронскимъ,—Элеонская гора. За нею и той горой, что южнѣе,—горой Соблазна, гдѣ Соломонъ воздвигъ нѣкогда капище Молоху Аммонитскому,—волнообразный, сѣро-сизый скатъ къ долинѣ Іордана и Мертваго Моря. Море сказочно-яркой би-

рюзой налито въ южномъ концѣ долины. А за долиной и этой бирюзой воздушно, мягко и густо лиловѣть какъ бы стѣна дыма, заступившая весь востокъ,—ровный и высокій хребетъ Моавитскихъ горъ.

Пустыней называется только тотъ скатъ, та дикая и отъ вѣка бесплодная вулканическая страна, что за Элеономъ и горой Соблазна. Но развѣ власть Азазела не простирается и на пустынный, тропически-знойный долъ Иордана,—эту глубочайшую въ мірѣ низменность, съ ея смертоносными лихорадками и воистину мертвыми водами, одно дыханіе которыхъ убиваетъ все живое? Мы слишкомъ давно лишены вѣры, съ которой слѣдилъ Израиль за жертвой, уводимой, во искупленіе грѣховъ его, въ пустыню. Для насъ эта пустыня—только растрескавшіеся отъ жгучаго солнца бутры и перевалы, усѣянные колючками и голышами, волны и впадины давно затихшихъ землетрясеній. Насъ они поражаютъ только безжизненностью, однообразіемъ, аравійскимъ зноемъ. Давно смолкъ грозный голосъ Предтечи. Смолкъ и кроткій голосъ Того, у Кого онъ былъ „недостойнъ, наклонившись, развязать ремень обуви“. Въ забвеніи почіетъ святая земля, переполненная несмѣтными человѣческими костями, возвратившаяся къ первобытной нищетѣ и безлюдности. Но незабвенна ея лѣтопись. И великой меланхоліи исполнены ея дремотныя дали.

Небо надъ ней вѣжное, блѣдно-голубое. Небо и солнце затуманены нынче дыханіемъ полдня, сухого, горячаго и душнаго. Жаромъ вѣетъ отъ стараго каменнаго города, его узкихъ и грязныхъ базарныхъ ходовъ подъ сплошною кровлей сизо-

песочнаго цвѣта. Одинокая пальма, возвышающаяся на южной окраинѣ, опустила свое неподвижное опахало. Мягко, мутно-сине темнѣютъ куполы Гроба Господня и мечети Омара. Тысячи черныхъ стрижей кружатъ, сверлятъ полдневную тишину скрипучимъ верезжаніемъ. И море пепельно-сиреневыхъ холмовъ, простирающееся окрестъ, дремлетъ, теряется въ мгlistой супи...

Поблѣднѣла даже сказочно-яркая бирюза у подошвы Моава.

II.

Но послѣ полдня тянетъ легкій вѣтеръ съ запада, и небо, воздухъ, солнце — все становится ярче, яснѣе.

За изсохшимъ русломъ Кедрона дорога поднимается, мимо погребальной пещеры Богоматери, Геосиманскаго сада и гробницъ Авесалома и Иосафата, по каменистымъ склонамъ Элеона, среди несмѣтныхъ плитъ еврейскаго некрополя, стоящихъ какъ раскрытыя книги, испещренные крупными письменами.

Есть ли въ мірѣ другая земля, гдѣ бы сочелось столько воспоминаній, самыхъ дорогихъ для человѣческаго сердца?

Гробъ Маріамъ! У стѣнъ сада, столь любимаго Сыномъ, въ ложѣ кремнистой долины, подъ сводами древняго полуподземнаго храма, въ тѣмѣ котораго блещутъ несмѣтные огни, оклады и самоцвѣты, почіетъ Она, простая женщина изъ Назарета, вѣнчанная высшею славой — земной и небесной.

А русло Кедрона? Это доль Иосафата, мѣсто грядущаго Страшнаго Суда, великая житница Смерти. Нѣтъ правовѣрнаго іудея и мусульманина, который не полагалъ бы несказанной радостью быть погребеннымъ въ этой юдоли и не вѣрилъ бы, что и всѣхъ лишенныхъ этой радости созоветъ въ нее Господь въ день Суда Своего. Онъ, вѣдь, сказалъ устами Іоіля: „Я соберу всѣ народы и приведу ихъ въ долину Иосафатову“...

Знойно, но солнце уже клонится къ западу, за Іерусалимъ. Отъ восточной стѣны пала тѣнь. Зато ослѣпительно-золотисты скаты Элеона, дорога, извиристо прорѣзанная по нимъ, плиты и гробницы некрополей. Золотиста лазурь надъ Кедрономъ и горой, золотисто-песочнаго цвѣта ястреба, рѣюшіе надъ нами, трепещущіе своими острыми, въ черныхъ ободкахъ, крыльями. Любятъ они эти скаты, любятъ сушь пустыни, въ которую медленно вступаемъ мы, огибая среди запыленныхъ оливъ Элеонъ и все время думая о святости и древности этого пути.

За Элеономъ — Виванія. Это уже преддверіе пустыни. Нѣсколько старыхъ огромныхъ верблюдовъ въ грязнорыжей сухой шерсти загораживаютъ дорогу на поворотѣ, грубымъ видомъ своимъ говоря о патріархальныхъ скитаньяхъ въ камняхъ и пескахъ. Но кругомъ еще мирно и весело. Чистъ и силенъ предвечерній свѣтъ, дали ясны, небо бездонно, склоны и холмы въ садахъ и виноградникахъ. Даже тощіе посѣвы зрѣютъ кое-гдѣ на глинистой почвѣ между ними. И Абудисъ, что направо, и Виванія, что налево, — это только нѣсколько кубовъ изъ сѣраго булыжника, окруженныхъ смоковницами, огромными кактусами, запы-

ленными терновниками; въ крутыхъ, кривыхъ и узкихъ проходахъ между ними всюду соръ и тряпки, полуголыя черныя дѣти, слѣпые и убогіе. Это древнѣйшіе пріюты нищихъ и разбойниковъ, много разъ претерпѣвшіе за свои разбои разрушеніе. Но какъ должны радовать послѣ пустыни ихъ сады и люди!

И живымъ кажется образъ Іисуса. Сколько разъ подходилъ Онъ сюда, похудѣвшій, поблѣднѣвшій за дорогу въ пустынѣ, но всегда прекрасный, счастливый, привѣтливый! Здѣсь жили друзья Его. О древности могилы Лазаря говорятъ тѣ камни времени Ирода, изъ которыхъ сложенъ входъ въ могильную пещеру, куда спускаются узкой холодною шахтой, со свѣчей въ рукѣ. Подлиннѣй же всего древность того пути, что приводитъ въ Виванію изъ страны Авазела глубокой, извилистой и страшной въ своей мертвенности лощиной Эль-Хотъ. Этотъ путь неизмѣненъ отъ вѣка. Восходя отъ іорданской низменности къ Іерусалиму, его нельзя миновать. Иныхъ сносныхъ путей въ пустынѣ Іудейской нѣтъ, не было, да и не могло быть, ибо только на этомъ пути есть источникъ, — Источникъ Апостоловъ, — безъ котораго не мыслимы переходы по ней.

Отъ Виваніи начинается спускъ, неуклонное паденіе. И страна, лежащая окрестъ, сперва поражаетъ своей красотой, волнуетъ радостью, обманываетъ, какъ Искуситель.

На одномъ изъ скатовъ за Виваніей мы останавливаемся, очарованные. Чистъ и силенъ свѣтъ предвечерняго солнца. Воздухъ такъ прозраченъ, точно его совсѣмъ нѣтъ. И пустыня, каменнымъ волнистымъ моремъ падающая къ Іордану, кажется

такъ мала, точно до Моава—рукой подать. Она кажется сизокоричнево-сѣрой, но сколько въ ней прелестнѣйшихъ оттѣнковъ — пепельныхъ, опаловыхъ, лазурныхъ, фіолетовыхъ! Какъ серебристо-голубой туманъ — далекая и неоглядная долина Иордана. Южное устье ея налито такимъ густымъ и яркимъ аквамаариномъ, который кажется неестественнымъ на землѣ. А Моавитскія горы похожи теперь на великую грозовую тучу противъ солнца, заступившую весь востокъ и ни съ чѣмъ несравнимую по нѣжности и воздушности ея сине-лиловой стѣны. Но минута—и это видѣніе исчезаетъ надолго, надолго..

Мы теперь въ странѣ, лишенной всякаго очарованія,—если не считать рѣдкихъ пятенъ огненно-краснаго мака, кое-гдѣ оживляющаго ее. Рѣзкими, крутыми изломами вьется и падаетъ дорога съ возвышенностей на возвышенности, сплошь усѣянная мелкимъ голышемъ и жесткой порослью желторыжихъ колючекъ. Быстро замыкается горизонтъ скалистыми и глинистыми ковригами, раздѣленными такими же логами и оврагами; быстро скрывается за ними послѣднее человѣческое жильѣ вмѣстѣ съ Элеонскою горою, показывается то справа, то слѣва -- и опять пропадаетъ. Мы уже давно въ глубокомъ извилистомъ ложѣ потока, изсохшаго въ незапамятное время, и известковая дорога, пробитая здѣсь тоже съ незапамятнаго времени, поминутно переходитъ съ одного бока на другой. Золотисто-блѣдно отъ духоты и зноя небо, ни единого кустика и ни единого живого существа, кромѣ ящерицъ, не замѣчаетъ глазъ и не слышитъ ухо, и гробовая тишина стоитъ надъ этой страной, столь бесплодной, что даже древнѣйшихъ кочев-

никовъ ужасала она, навѣки связанная съ образомъ незримо Обитающаго въ ней. Недаромъ бедуины еще и до сихъ поръ складываютъ вдоль Вади-эль-Хотъ пирамидки изъ щебня, въ знакъ заклія темныхъ силъ пустыни. И у меня уже не остается никакого сомнѣнія въ правотѣ тѣхъ, что называютъ этотъ путь именно тѣмъ, по которому до самой таинственной „средины“ его провожали левиты жертву Азазелу. Какой же ужасъ долженъ былъ охватывать проходящихъ здѣсь при видѣ Іоанна, рѣшившагося раздѣлить его обитель! Какъ спарохались они въ сторону, когда внезапно, во весь свой ростъ, съ громовыми глаголами, появился онъ передъ ними изъ-за камней, въ своей одеждѣ изъ верблюжьяго волоса! И что должно было испытать сердце Іисуса, обреченнаго провести здѣсь столько ночей—въ темнотѣ, съ ея призраками, съ лихорадочно-знойнымъ вѣтромъ отъ Мертваго Моря!

III.

Близится вечеръ.

Въ глубокой котловинѣ, изъ которой видны только жесткія очертанія окрестныхъ бугровъ, да вечернее небо, бѣлѣетъ ханъ,—нѣчто въ родѣ каменнаго сарая,—и жарко блеститъ при низкомъ солнцѣ вода возлѣ него. Это мѣсто, гдѣ не разъ отдыхалъ Іисусъ. Это Источникъ Апостоловъ, или, по древнему,—Источникъ Солнца, ибо не могли не посвятить древніе эту „жизнь пустыни“ богу жизни. Три бедуина, безъ плащей, съ черными палками въ серебряныхъ обручахъ, стоятъ возлѣ

худыхъ осликовъ и поджарыхъ потныхъ лошадей подъ сѣдлами, съ жадностью пьющихъ. Два сидятъ на порогѣ хана и курятъ, пристально глядя на насъ огромными черными глазами. Эти византийскіе глаза ровно ничего не выражаютъ, но кто знаетъ, что на умѣ у этихъ измаилитянь?

Тѣ, что у источника, — народъ оборванный и невзрачный. Сидящіе на порогѣ—дѣло иное. И особенно одинъ изъ нихъ. Онъ неподвижнымъ взглядомъ слѣдитъ за нами, пока мы поимъ лошадей. Потомъ, ни на юту не измѣняя лица, кидаетъ своему спутнику какую-то короткую гортанную фразу, совершенно не шевеля губами и такъ безстрастно, точно это не онъ говоритъ, а кто-то внутри его. И поднимается во весь свой огромный ростъ. Ноги его, обутыя въ стоптанные сафьяновые сапоги, очень длинны и слегка кривы, голова мала, откинута назадъ. Онъ на рѣдкость худъ, но одежды и оружія на немъ—не сосчитаешь. По плечамъ висятъ концы бѣлаго шерстяного платка, накинутого на голову и рѣзко отгнѣняющаго черноту глазъ, сизый загаръ маленькаго жесткаго лица, блестящую смоль рѣдкой жесткой бородки. Тонкая, какъ у муміи, шея обмотана шелковымъ лиловымъ платкомъ. На тѣлѣ—бѣлая рубаха до колѣнъ, поверхъ рубахи—палевый шерстяной халатъ въ синеватыхъ полоскахъ, поверхъ халата—кубовая кофта на ватѣ; и все это—подъ широкой и длинной хламидой изъ черно-синей шерсти. Онъ идетъ, волоча тяжелую кривую саблю въ серебряныхъ ножнахъ, поправляя одной рукой заткнутые за широкій поясъ изъ шали кремневые пистолеты и кинжалы, а другой—карабинъ за плечами...

— Откуда?

— Изъ Газы.

— А куда?

— Въ Іерусалимъ.

Но почему же, сѣвши на свою рѣзвую, злую и поджарую лошаденку, онъ поворачиваетъ за нами? Мы ѣдемъ на изволокъ рысью,—онъ не отстаетъ. Мы прибавляемъ рыси, прибавляетъ и онъ, весело и хищно расширяя ничего не выражающіе глаза и блестя зубами въ отвѣтъ на наши удивленные взгляды... И вдругъ, поровнявшись со мной, суетъ мнѣ въ руки мѣдный латинскій образокъ. Онъ кричитъ, что это—золото, и проситъ за него десять франковъ. Соглашается, впрочемъ, и на два. А, получивъ ихъ, круто поворачиваетъ и исчезаетъ за холмами и буграми, по которымъ уже синѣютъ вечернія тѣни.

Вечернее низкое солнце все рѣже блещетъ на перевалахъ. Временами, изъ боковыхъ овраговъ и ущелій, изъ-за скаль и известковыхъ бугровъ, дуетъ вѣтеръ,—порывистый, какъ дыханіе горячечнаго. И только топотъ копытъ раздается въ гробовой тишинѣ окрестъ, въ скатахъ вдоль извилистаго дна Вади-эль-Хоть. „Отсюда начинается дѣбрь самая дикая,—говоритъ одинъ старинный паломникъ.—Это дорога есть древняя, проложенная самою природою. Іосифъ Флавій упоминаетъ о дикости ея. Невступно черезъ два часа отъ Іерусалима мы поднимались на гору, на вершинѣ которой видны остатки хана или гостиницы благого Самарянина. Это мѣсто называлось издревле Адомимъ или Кровавое, по причинѣ частыхъ разбоевъ, здѣсь происходившихъ“... И глубокая тоска охватываетъ душу на этой горѣ, возлѣ пустого хана, при потухающемъ солнцѣ. Вотъ она, эта „средина“

пути, Бетъ-Гадрурь, гдѣ бросали на произволь судьбы жертву Азазелу, — известковый переваль, поразившій нѣкогда воображеніе самого Иисуса и создавшій такую трогательную притчу! Чувство, съ которымъ глядишь на пустыню съ крышь Іерусалима, величіе, которымъ звучитъ прологъ евангельской лѣтописи, исчезаетъ въ пустынь. Она, вѣдь, только камениста и мертва. Но и въ этомъ есть что-то мистическое, невыразимо тоскливое, азазеловское, ветхозавѣтное. Почему „тѣ, коихъ не стоилъ весь міръ, блуждали по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли“? Почему человѣческая душа такъ жадно вѣрится въ легенду, что на этой „срединѣ пути“, который считался путемъ въ преисподнюю, плакалъ самъ Прародитель, лишенный Эдема?

Чѣмъ дальше отъ Гадрура, тѣмъ все круче, отвѣснѣе падаетъ въ провалы и ущелья известковая дорога, прорѣзанная среди известковыхъ бугровъ, а съ переваловъ уже видно, что окрестные бугры измѣнили свой видъ и составъ, — стали конусообразными, похожими на потухшіе вулканы однообразнаго верблюжьяго цвѣта. Уже нѣсколько разъ открывалась передъ нами и долина Іордана, поражая обманчивой близостью, безграничностью своего пустыннаго, сѣро-блестящаго отъ соли пространства, лентой необычайно-темной и густой зелени вдоль береговъ своей узкой рѣки. Пространства за Іорданомъ, горы, кажущіяся теперь еще болѣе похожими на тучи и, увы, еще болѣе далекими отъ насъ, и даже синее устье моря ярко озарены низкимъ солнцемъ. Но уже почти до самой середины долины достигаетъ тѣнь отъ Іудейской пустыни, обрывающейся надъ Іерихономъ высокими скали-

стыми стѣнами. Тѣнь и вокругъ насъ, — на всѣхъ буграхъ и во всѣхъ котловинахъ. Опять и опять обманываетъ насъ эта единственная въ мірѣ страна своей красотой, но близится, близится колдовство ея ночи!

Многихъ обгоняемъ мы теперь, столь же дикихъ и нищихъ, какъ и въ дни до-историческіе. Вотъ опять идутъ верблюды и за ними — идумейцы, въ уголь сожженные вѣтрами и голодомъ, въ однихъ кубовыхъ линючихъ балахонахъ, ихъ голыя дѣти, облѣзлыя собаки и съ отрочества состарѣвшіяся жены, съ лѣниво-скорбными, темными, какъ древне-аравійскія преданія, глазами, съ нитями разноцвѣтнаго бисера подъ глазами — отъ переносицы къ ушамъ. Вотъ черный и губастый, какъ готтентотъ, старикъ въ одной грязной рубашкѣ, раскрытой на груди. Онъ сидитъ на осликѣ, гонитъ его, волоча по землѣ свои черныя босыя лапы. Вотъ верховой турецкій солдатъ, съ карабиномъ наперевѣсь, зорко оглядывающій окрестные ущелья и овраги... Всѣ спѣшаютъ въ Іерихонъ, — единственное человѣческое жильё, единственный оазисъ во всей Іорданской долинѣ. И какъ только стемнѣетъ, ни души не останется на этой страшной древней дорогѣ. Здѣсь самъ Азазель вселяется въ человѣка. Онъ искушаетъ быть сильнымъ, безпощаднымъ — и сладострастнымъ, какъ ночи Содома и Гоморры...

IV.

Ночи эти сказочно-прекрасны. Онѣ околдовываютъ трижды мертвую страну лихорадочными

сновидѣніями, воскрешающими содомскую прелесть ея давно минувшей жизни.

Въ сумерки, на послѣднемъ, самомъ крутомъ, спускѣ въ долину, влѣво отъ дороги внезапно открылась глубокая каменистая трещина — глубокое и тѣсное ущелье Кельта—и проводило насъ до самой долины. Смутно бѣлѣла дорога, смутно шумѣлъ потокъ на днѣ уже совсѣмъ темнаго ущелья и печально краснѣло нѣсколько огоньковъ въ скалистой стѣнѣ за нимъ: тамъ древнѣйшіе приюты аскетовъ, тысячами погребавшихъ себя живо въ криптахъ, которыми сплошь изрыты скалы Кельта. А когда мы спустились въ долину и повернули влѣво, къ Іерихону, чернымъ и тяжкимъ обрывомъ, уходящимъ въ небо, всталъ передъ нами кряжъ горы Сорокадневной. И огонекъ лампы, чуть замѣтной точкой краснѣвшей и на этомъ обрывѣ, опять напомнилъ о той страшной борьбѣ, которую впервые воздвигли здѣсь люди противъ дьявола.

Теперь крипты безлюдны. Огонекъ одиноко глядитъ изъ черноты кряжа на необозримую песчаную низменность, тускло мерцающую подъ нимъ до самыхъ Моавитскихъ горъ. И вся эта низменность, страна, что нѣкогда „орошалась какъ садъ Господень“ и на весь міръ славилась легендарнымъ плодородіемъ, красой и грѣховностью Пятиградія, дворцами и твердынями трижды возрождавшагося изъ развалинъ Іерихона, поражаетъ теперь тѣмъ заустѣніемъ, „гдѣ лишь жупель и соль, гдѣ никакой злакъ не прозябаетъ, гдѣ ни голосъ человѣческой, ни бѣгъ животнаго не нарушаетъ безмолвія“.

Сады Іерихона дышали въ дни его славы бла-

говоніями бальзамическихъ растений, индійскихъ цвѣтовъ и травъ. Пальмы и мимозы, сахарный тростникъ и рисъ, индиго и хлопокъ—все произросло въ долину Іордана, — говоритъ Флавій. Объ этомъ свидѣтельствуется даже и тотъ оазисъ, что уцѣлѣлъ на мѣстахъ исчезнувшаго съ лица земли іорданскаго рая, даже имя того селенья, что наслѣдовало Іерихону: Риха—благовоніе. Но оазисъ этотъ, тропически пышно зеленѣющій у подножія горы Сорокадневной, близъ источника Пророка Елисея, такъ малъ въ окрестной пустынѣ, а селенье все состоитъ изъ двухъ-трехъ каменныхъ домовъ, нѣсколькихъ глиняныхъ арабскихъ хижинъ и бедуинскихъ шатровъ!

Въ сумерки долина была молчалива, задумчива. Я сидѣлъ за Рихой, на одномъ изъ жесткихъ аспидныхъ холмовъ, что волнами идутъ къ горѣ,— на могилахъ Іерихона, кое-гдѣ покрытыхъ рѣдкой, колючей травкой, до черноты сожженной зноемъ. Далекія Моавитскія горы, — край таинственной могилы Моисея,—были предо мною, а западъ заступали черные обрывы и амфитеатры горъ Іудей, возносившихъ въ блѣдно-прозрачное, зеленоватое небо свой высшій гребень, мѣсто Искушенія. Оттуда тянуло теплымъ сладостнымъ вѣтромъ. Въ небѣ таяло и блѣднѣло легкое мутно-фіолетовое облако. И того же тона были и горы за пепельно-туманной долиной, за ея меланхолическимъ просторомъ. И туманной бирюзою мерцало на югѣ устье моря, что терялось среди смыкавшихся тамъ горъ...

Но вотъ наступила и длится ночь. Она коротка, очень коротка, но кажется безконечной. Еще въ сумерки все уснуло, затихло и погасли рѣдкіе

огоньки въ Рихѣ,—остался только одинъ, что виситъ на срединѣ обрыва, на горѣ Сорокадневной. Еще въ сумерки зачался таинственно-звенящій, горячечный шопоть цикадъ, незримиыми мириадами наполняющихъ душную чашу оазиса, и приторно-сладко запахла его эвкалипты и мимозы, загорѣвшіеся мириадами свѣтящихся мухъ. Теперь этотъ звонкій шопоть наполнилъ весь оазисъ. Онъ растеть—и вотъ уже стоитъ надъ нимъ немолкнушимъ хрустальнымъ бредомъ, сливаясь съ отдаленно-смутнымъ гуломъ, съ дрожащимъ стономъ всей долины, — съ сладострастно-сомнамбулическимъ ропотомъ жабъ, околдовывающимъ, до галлюцинацій раздражающимъ чувства. Стѣны отеля, его каменный дворъ — все мертвенно блѣдно и необыкновенно четко въ серебристомъ свѣтѣ этихъ тропическихъ звѣздъ, огромными самоцвѣтами повисшихъ въ необъятномъ пространствѣ неба. Оно необъятно отъ необыкновенной прозрачности воздуха, — звѣзды именно висятъ въ немъ, а на землѣ далеко-далеко виденъ каждый кустъ, каждый камень. И мнѣ странно глядѣть на мою бѣлую одежду, какъ бы фосфорящуюся отъ звѣзднаго блеска. Я самъ себѣ кажусь призракомъ, ибо я весь въ какомъ-то знойномъ, хрустально-звенящемъ полуснѣ, который наводитъ на меня дьяволъ Содома и Гоморры.

Я лунатикомъ брожу по саду и по двору отеля и ясно сознаю, что никогда еще не было столь обострено мое зрѣніе, обоняніе, осязаніе, слухъ. Все сливается въ блескъ и тишину. Но—странно!—мнѣ кажется, что я вижу каждую отдѣльную искру, слышу каждый отдѣльный звукъ. Я вынимаю часы. Понимаю, что уже два, что самоцвѣты, плывущіе

въ бездонномъ пространствѣ съ востока, становятся все крупнѣе и лучистѣе, что мои ноги подламываются отъ смертельной усталости. Но развѣ у меня есть власть надъ собой?

Садъ кружится въ беззвучномъ круженъи зелено-лиловыхъ мухъ, ихъ скользящихъ огненныхъ вихрей. Какъ райское дерево, трепещетъ и переливается искрами огромный сикоморъ во дворѣ. Сверху донизу горять и блещутъ ими кустарники, сахарный тростникъ и прозрачные патры мимозъ. А мимозы цвѣтутъ и дурманятъ сладкимъ ароматомъ...

Много разъ я пытался заснуть, входилъ въ домъ, въ свою темную, горячую комнату, ложился подъ душный кисейный балдахинъ на постель, но и здѣсь эти ароматы, эти скользящія искры, этотъ дрожащій хрустальный бредъ и ропоть, которымъ околдованъ весь міръ. Сердце тоже дрожить и мутить голову, тѣло, поминутно палимое жалами москитовъ, покрывается горячечнымъ потомъ. И такъ звонко кричитъ жаба въ бассейнѣ среди двора и такъ отдается ея однообразно выбрирующій призывъ въ каменномъ южномъ домѣ съ раскрытыми окнами и настезь распахнутыми дверями, что я опять шарю въ темнотѣ, нахожу одежду, спѣшу накинуть ее на голое тѣло — и съ болѣзненной жадностью и радостью ловлю глотокъ свѣжаго воздуха на порогѣ крыльца...

Крыльцо бѣлѣветъ еще ярче, фигура спящаго на немъ слуги-араба стала еще чернѣе. Раздвоившійся Млечный Путь, густымъ, но прозрачно-фосфорическимъ дымомъ протянувшійся съ сѣвера на югъ, почти отъ горизонта до горизонта, совершенно отдѣлился отъ неба, повисъ на самой сере-

динѣ пространства между нимъ и землею. Кажется, близокъ разсвѣтъ! Кажется, стихаетъ, замираетъ бредъ и ропотъ вокругъ. Сперва по камнямъ, а потомъ по теплому песку я спѣшу за селеніе— взглянуть на долину, на Моавъ, на востокъ. Но на востокъ только позднія крупныя звѣзды, блестящія алмазами. Блѣдный серебристый свѣтъ стоитъ надъ далекимъ мертвенно-блѣднымъ моремъ. Блѣдные пески долины мерцаютъ, какъ пустыня, покрытая манной. Блѣдныя, чуть видныя полосы тумана тянутся по далекимъ извивамъ и топямъ Иордана — и уже смертоносная влажность чувствуется въ горячемъ воздухѣ. И блѣднымъ дымомъ спустилось и легло облако у подножія горы Сорокадневной, царственно высоко чернѣющей среди звѣздъ своей вершиной...

„Отойди отъ меня, Сатана“.

Храмъ солнца.

Такъ говоритъ Господь: сокрушу затворы Дамаска и истреблю жителей долины Авенъ.

Кн. прор. Амоса.

I.

Рано утромъ покинулъ я Бейрутъ. Поѣздъ вышелъ изъ порта къ востоку, — Бейрутъ глядитъ на сѣверъ, — свернулъ, огибая городъ, на югъ, среди сплошныхъ садовъ и виллъ — и черезъ часъ былъ уже подъ Хадеттомъ. За Хадеттомъ онъ перемѣнилъ темпъ на торопливый, горный: стуча, раскачиваясь, онъ сталъ извиваться — опять на востокъ — все выше и выше, по зубчатой линіи, по красноватымъ предгорьямъ. Изъ-за цвѣтущихъ садовъ, покрывающихъ ихъ, изъ за гранатовъ, шелковицъ, кипарисовъ, розъ и глициній нѣсколько разъ мелькнуло туманно-синее море. Слушая разноязычный говоръ, гулъ колесъ и грохотъ энергично работающаго паровика, я выглянулъ въ окно, дохнулъ посвѣжѣвшимъ воздухомъ: въ не-

объятное пространство за нами все ниже и ниже падала далекая бейрутская долина, ставшая маленькой, плоской, кучки бѣлыхъ и оранжевыхъ точекъ—крышъ, темно-зеленяя пятна садовъ, кирпичныя отмели бухты—и необозримая синь моря. Скоро все это скрылось — и снова развернулось еще шире... Все мельче, тѣснѣй становились точки, все игрушечнѣй — бухта и все величавѣй, страшнѣй—море. Море росло, поднималось синей туманностью къ свѣтлому небу. А небо было не-сказанно-огромно.

Подъ Джамхуромъ паровикъ сталъ на подъемѣ въ котловинѣ, повернувшись къ Бейруту, — и за горами направо я вдругъ близко-близко увидалъ голую, серебряную съ чернью громаду Саннина. Пахло снѣгомъ, но сѣрая каменная стѣна маленькой станціи вся была въ цвѣтушей, ярко-пунцовой герани. Потомъ паровикъ звонко, по горному крикнулъ—и опять застучалъ короткимъ дыханіемъ въ кручу. И опять открылась головокружительная панорама съ далекимъ Бейрутомъ на днѣ. Зыбко зіяли глубокія ущелья съ одной стороны, торжественно возрастала Саннинъ съ другой... А за Арайей подъемъ, возвращаясь на западъ, пошелъ еще круче. Стало просторно и голо, прохладно и облачно. Дымомъ сползали облака по скатамъ. Миновавши Алэй, мы опять повернули къ востоку. Былъ туннель. Налѣво открылась долина Хамана, за ней—горы въ сплошныхъ темно-зеленыхъ борахъ... За Софаромъ море скрылось, чтобы уже не показываться больше. Опять окунулись мы во тьму, дымъ и грохотъ, а когда выскочили, — о, какъ дико и вольно стало зругомъ! Изъ-за голыхъ вершинъ глянуль Дже-

бель-Кенэзэ, весь въ яркихъ серебряныхъ лентахъ. Онъ такъ четко сіялъ въ этой ясной, веселой, прохладной пустынѣ, что становилось легко и радостно при одномъ взглядѣ на него. Приближался переваль, паровикъ выбивался изъ силъ, одолевая послѣдній подъемъ. Изъ оконъ вагоновъ высывались фески, дымъ падалъ и стлался по придорожнымъ скаламъ... Въ одиннадцать мы пришли на Бейдаръ, къ перевалу.

Было тихо, свѣжо. Поѣздъ почти опустѣлъ, безлюдно было и на станціи... Пять тысячъ футовъ—не Богъ вѣсть какая высота, но волновала мысль, что ты—на Ливанѣ. А впереди — долина Солнца, долина Авень, Келесирія. До нея было еще далеко, но, тронувшись, мы пошли съ головокружительной быстротой. Съ грохотомъ нырнулъ поѣздъ въ длинный-длинный и могильно-темный туннель. А когда этотъ грохотъ оборвался, мы ослѣпли отъ свѣта и не сразу поняли, что это, какъ море, сіяетъ впереди. Впереди же была—Келесирія!

Въ глубокой дали раскрылась она, необозримая, ровная, пустая, котловиной среди горъ, смутно видныхъ въ солнечномъ туманѣ. Противъ лѣваго окна, надъ скатами, сіяла все та же голая громада въ бѣлыхъ лентахъ. На скалахъ лежалъ тающій снѣгъ. А дорога все падала—ниже и ниже, и все ближе становилась огромная изумрудная долина въ фіолетовыхъ пятнахъ нашенъ. Но еще огромнѣе былъ далекій валь горъ за нею. Вотъ сосѣдъ трогаетъ меня худой сизой рукой за рукавъ и, блеснувъ зубами, говоритъ:

— Джебель-Шейхъ!

И, взглянувъ, я вдругъ вижу за долиной, въ

солнечномъ туманѣ, величаво выдѣляющуюся изъ-за валовъ Антиливана куполообразную гору. Она сизая и вся въ полосахъ снѣга, идущихъ сверху внизъ, — какъ талесъ. Гермонъ, Великій Шейхъ! Надъ нимъ, почти на немъ — купы свѣтлыхъ легкихъ облаковъ...

На Мерейатѣ стало совсѣмъ тепло. Лѣтній вѣтеръ, бѣлыя акаціи въ цвѣту... Но по горѣ налѣво все еще былъ снѣгъ — на изумительно-яркомъ полѣ синевы. За Мерейатомъ, послѣ очень крутого спуска, открылась Штора, большая и дикая на видъ арабская деревня съ плоскими глиняными кровлями. За Шторой, послѣ полудня, мы были уже въ долину. Пошли сады, въ нихъ — тополя, шелковицы. Сквозь сады замелькали синія и красныя одежды сирійцевъ, пахавшихъ на волахъ ржавую глину въ виноградникахъ... Близился Райякъ, гдѣ нужно было покинуть дамаскій путь и свернуть на сѣверъ.

Близились мѣста Эдема, Баальбекъ.

II.

Край баснословныхъ племенъ, родина Адама, святилище Солнца! Эта низменность, — въ ней около полутора ста верстъ, — съ незапамятныхъ временъ называется Бека — страна, долина. Баальбекъ есть, такимъ образомъ, „долина Ваала-Солнца“. Слово Сирія — санскритское — значитъ опять таки — солнце. Но мало того: эта долина, средоточіе солнечныхъ служеній, связана еще съ именемъ Рая, близость котораго къ Баальбеку была неоспорима въ древности.

Я глядѣлъ въ окна почти пустого вагона. Прохладный, сѣроватый день. Дорога отъ Райяка ровно и почти незамѣтно для глазъ идетъ на подъемъ, все къ сѣверу. Кругомъ — слегка волнистая пустыня, море тощихъ посѣвовъ, сквозить ржаво-красноватая почва, — именно та, изъ которой и былъ созданъ Адамъ! — и кое-гдѣ — дико цвѣтущіе кустарники. Въ открытое окно слѣва дуетъ свѣжій степной вѣтеръ, за долиной видны холмы предгорій и безъ конца тянется горбатый валь Ливана — дикихъ тоновъ, весь въ поперечныхъ бѣлыхъ лентахъ. И такая же гряда идетъ и справа — Антиливанъ. Я глядѣлъ — и вдругъ опять вспомнилъ талесъ, платъ, который накидываютъ на голову во время молитвы еврей, — слабое подобіе древнѣйшей кочевой одежды. Такъ вотъ откуда, подумалъ я, всѣ эти пѣгія хламиды, раскиданные по Востоку, и даже полосатая черзполосица мраморовъ въ мечетяхъ! Все отсюда, изъ исполинскаго развала этихъ ни на что не похожихъ горъ.

Онѣ не кажутся высоки, — сама долина на четыре тысячи футовъ выше моря. И далеко не поражаютъ онѣ и очертаніями. Но даже Кавказъ ничто передъ этими синеватыми валами и пѣгими горбами, точно перенесенными съ другой, болѣе старой планеты. Да съ другой планеты и всѣ памятники ихъ. Вонъ чуть сѣрѣетъ на Ливанѣ мѣстечко Керакъ съ высѣченной въ скалахъ стофутовой гробницей Ноя. Вонъ тамъ, на Антиливанѣ, есть селенье Неби-Шитъ, гдѣ чтутъ могилу Сиеа. А впереди — Баальбекъ, руины храма, превышающаго и древностью, и размѣрами все сдѣланное рукою человѣка. Камни его возили на мастодонтахъ; въ

святылищахъ его сливались въ служеніе единому Солнцу служенія Арамеи и Египта, Ассиріи и Финикіи, Греціи и Рима. Баальбеку уступали не только всѣ финикійскіе, но даже египетскіе храмы. Тамъ ликъ Солнца дробился: тамъ были боги, нисходившіе до людскихъ распрей, восплощавшіеся въ паряхъ и вождахъ; здѣсь былъ Богъ... А за Баальбекомъ, къ сѣверу, долина еще пустынная. На ней смѣшались и слились со скалами предгорій камни несмѣтныхъ городовъ и храмовъ, самое имя которыхъ исчезло безслѣдно, на вѣки. Земля тамъ—одна изъ самыхъ плодороднѣйшихъ въ мірѣ—запущена, одичала. И высится на ней Гермиль, памятникъ Рая,—каменный кубъ на помостѣ чернаго базальта, украшенный барельефными луками, стрѣлами и фигурами тигра, кабана и слона,—охоты тѣхъ дней, когда Ливанъ, утопавшій въ исполинскихъ кедровыхъ лѣсахъ и великомъ обилии водъ, былъ еще подлиннымъ Раемъ...

Въ открытое окно слѣва дулъ сильный вѣтеръ. Съ сѣвера, изъ-за горъ, шла нехватная градовая туча, уже покрывшая и замутившая вершины туманомъ. Я подумалъ: тамъ Кедры... Слѣдуетъ ли, говорятъ нѣкоторые, искать на Ливанѣ отдѣльныхъ мѣстъ, связанныхъ преданьемъ съ Эдемомъ? Не Эдемъ ли весь Ливанъ? Вѣдь, кромѣ Гермилы, есть и было еще нѣсколько селеній, носящихъ это имя: напримѣръ, древне-сирійское селеніе на Антиливанѣ, — Гедимъ; Эдемъ близъ Дамаска. Болѣе же всего соперничаетъ съ Эдемомъ Гермиль Эдемъ близъ Кедровъ, часахъ въ десяти отъ Баальбека, на сѣверо-западѣ. Взираются къ этому Эдему по ужасающимъ кручамъ Ливана, чтобы достигнуть подошвы высочайшихъ вѣчно-свѣж-

ныхъ вершинъ. И видны оттуда цѣлыя страны—кряжи, долины, воды, лѣса и селенія, необозримая пустыня Келесиріи, рѣки и царственные руины Баальбека на ней, мутная синева Антиливана на востокѣ, бездна Средиземнаго моря, сливающаяся съ горизонтомъ, на западѣ... И вотъ одно изъ этихъ-то селеній и есть Эдемъ, а нѣсколько хвойныхъ рощъ—остатки кедровъ ливанскихъ, тѣхъ, которые Библия называла заоблачными, тѣнь ихъ—тѣню, покрывшей всѣ земныя царства, бальзамъ—божественнымъ, на тысячи лѣтъ сохраняющимъ трупы отъ глѣнія, древесину—не боящейся вѣчности... Теперь они гибнутъ, вырождаются. Но одна изъ пяти рощъ, уцѣлѣвшихъ близъ Эдема, еще и донынѣ почитается священной...

Задумавшись, я смотрѣлъ въ окна... Что такое теперь Баальбекъ? Даже происхождение его никому неизвѣстно. Извѣстно только, что упоминается онъ въ египетскихъ и ассирійскихъ надписяхъ; что былъ онъ колоніей Рима, которому и принадлежитъ построеніе—въ честь боговъ солнечныхъ—двухъ всемірно-славныхъ баальбекскихъ Храмовъ—Великаго и Малаго. Брали и разрушали его и арабы, и монголы, а ихъ разрушеніямъ помогло нѣсколько страшныхъ землетрясеній, и вотъ, на мѣстѣ огромнаго города, остался бѣдный городокъ съ пятью тысячами разноплеменнаго сирійскаго люда и развалинами акрополя, въ которомъ отъ Великаго Храма уцѣлѣло всего шесть колоннъ.. Вдругъ вагонъ ярко озарился солнцемъ. И внезапно увидѣлъ я вдали нѣчто поражающее: густой зеленый оазъ садовъ и тополей, тянувшихся среди долины и окружавшихъ желто-бѣлыя руины какой-то крѣпости,

такой огромной, что сады казались подъ ней кустарниками, а высоко надъ ними—шесть какъ бы повисшихъ въ воздухѣ мраморныхъ колоссовъ.

Солнце изъ грозовыхъ тучъ озаряло ихъ и сады сильно и рѣзко. Темно-сизый фонъ неба еще болѣе усиливалъ яркость зелени и допотопныхъ стволовъ колоннады. И въ пролеты ея ветхозавѣтно глядѣлъ цѣгій горный талесъ. Бѣлымъ огнемъ горѣли широкія снѣжныя полосы этого талеса. И загорѣлись еще бѣлѣе, когда мы приблизились къ Баальбеку. Но вдругъ померкли, воздухъ потемнѣлъ—и буря, докатившись съ Ливана, смерчемъ закрутила пыль надъ плоскокрышимъ городкомъ, бѣлѣвшимъ за руинами, тучей помчала ее надъ садами и сквозь колонны... Едва успѣлъ я вскочить въ холодный и пустой отель на каменистомъ холмѣ вблизи ихъ, какъ все смѣшалось въ лютость ливнѣ съ градомъ. Градь съ трескомъ сѣкъ помутившіяся окна, міриадами летѣлъ и прыгалъ по землѣ. Вааль изъ-за облачной высоты величаво и весело кидаль въ мрачно откликавшіяся горы гуль и грохоть, отъ которыхъ въ страхѣ метались фіолетовыя молніи...

Но когда, черезъ часъ, вышелъ я на балконъ, золотымъ блескомъ ослѣпила меня дождевая вода на балконѣ. Буря пронеслась, и на землѣ воцарились безмятежный миръ и ясность, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, что такъ любятъ ласточки. Воздухъ былъ чистъ и тешель, небо необъятно, талесы далекихъ куполообразныхъ вершинъ четки и близки, мокрые сады противъ балкона райски свѣжи, густы и зелены. А надъ садами и надъ крѣпостными руинами, тонущими въ нихъ, стройно и державно возносились шесть желтоватыхъ колоссовъ Вели-

каго Храма. Съ балкона я глядѣлъ на предвечернее солнце, на Ливанъ, на сѣверо-западъ. На западъ, на цѣлыхъ поль-версты, тянулись по долинѣ руины. Тополя и фруктовые деревья шли вдоль южной стѣны ихъ, подымавшейся надъ зеленью каменными зубьями, грубыми брешами. И мнѣ виденъ былъ весь акрополь, заключающій въ себѣ на восточномъ краю входъ, Пропилеи, на западномъ—Великій Храмъ, а на срединѣ—Гексагонъ и Жертвенный Дворъ. Малый Храмъ, построенъ отдѣльно, внѣ этой стѣны. Его циклопическій периптеръ сохранился на диво. Но здѣсь онъ терялся: все подавляли колонны Великаго Храма. Раздѣленные далью пролетовъ, онѣ стояли фронтомъ къ югу. Верхъ одной изъ нихъ—крайней справа—былъ почти свободенъ отъ архитрава... Скоро она рухнетъ, подумалъ я, — и рухнетъ ужасно! Вѣдь, въ одномъ фундаментѣ акрополя аршинъ пятнадцать высоты, но колонны стоятъ не на немъ: для Великаго Храма былъ воздвигнутъ еще другой фундаментъ, высотой почти равный первому. А въ самихъ колоннахъ росту аршинъ сорокъ! Нѣкогда перистиль храма,—окружавшая его колоннада,—состояла изъ пятидесяти четырехъ такихъ колоннъ. Теперь ихъ только шесть,—третья часть южной части перистилия, удержавшаяся на единственной сохранившейся стѣнѣ второго фундамента. И какъ одиноки онѣ! Воздухъ долины становился голубымъ, валъ Ливана синимъ. Далеко на сѣверо-западѣ начинали желтѣть ленты одного изъ высочайшихъ горбовъ, все яснѣе выдѣлявшихся на небѣ. Между небомъ и землей былъ несказанный просторъ... Но величіе этихъ одинокихъ „наслѣдниковъ дней героевъ“ было ни съ чѣмъ несравнимо.

III.

Солнце склонялось, въ мокрыхъ зеленыхъ садахъ, казавшихся еще свѣжѣе отъ шума горной мутно зеленой рѣчки, въ садовой глуши вокругъ акрополя, была тѣнь. Маленькими казались тополя, стоявшіе вдоль стѣнъ его, вдоль фундамента... Привратникъ пропустилъ меня за желѣзную рѣшетку къ Пропилеямъ.

Нѣкогда къ нимъ, во всю ихъ длину, вела мраморная лѣстница; сарацины до послѣдней плиты разрушили ее, превращая акрополь въ крѣпость, и теперь поднимаются узенькой, новой. Нѣкогда и Пропилеи были стройнымъ, величавымъ зданіемъ. Двѣнадцать сіенитовыхъ колоннъ образовывали фасъ. Противъ нихъ былъ порталъ въ три пролета. По бокамъ стояли павильоны-экзедры, воздвигнутые изъ огромныхъ камней со всей роскошью и силой древняго зодчества и ваянія, съ двумя ярусами нишъ—для статуй боговъ. Теперь отъ колоннъ остались только пьедесталы, порталъ являетъ видъ проломовъ въ крѣпостной стѣнѣ, проходъ къ нему заваленъ каменными глыбами и разбитыми капителями, полуразрушенныя экзедры зияютъ. Отъ южной мало-мальски удѣлѣла только южная стѣна. Сѣверная раскрыта и почти лишена стѣны восточной. Высокій входъ ея—въ коринтскихъ пилястрахъ, выщербленныхъ и выглаженныхъ временемъ. Сарацины превратили павильоны въ башни, увеличили высоту ихъ надстройками—и дикій камень надстроекъ рѣзко отдѣляется отъ древняго, похожаго на мраморъ... Тѣнь была въ этихъ раскрытыхъ развалинахъ. Глубоко и густо

синѣло надъ ними вечернее небо. Зеленая верхушка тополя тянулась снизу, заглядывая въ брешь. И мертвая тишина стояла вокругъ.

За стѣной Пропилей—Гексагонъ, первый дворъ. Огромный шестиугольникъ его замкнуть шестиугольникомъ стѣнъ и сплошныхъ экзедръ, опять-таки почти до тла разрушенныхъ. Мраморный скользкій шестиугольникъ въ три ступени идетъ вокругъ площади двора, на разстояніи шаговъ двадцати отъ экзедръ. На немъ возвышалась шестиугольная колоннада, связанная съ экзедрами сводомъ. Въ тѣни этой галлерей толпились ожидавшіе входа во дворъ Жертвенный... Отъ колоннъ не осталось теперь ни единой. Пустой дворъ окружаютъ громады руинъ. Сарацины пробili въ нихъ бойницы, понадѣлали много грубыхъ амбразуръ. Землетрясенія и осады почти ничего не оставили и отъ этой работы. Чувствуешь лишь дикость древней цитадели, слѣды свирѣпыхъ древнихъ битвъ и—тяжесть, величіе Рима.

А за Гексагономъ—дворъ Жертвенный, дворъ, повторяющій первый, но лишь въ иной, квадратной, формѣ и чуть не втрое превосходящей его по размѣрамъ. Мало оставило время и отъ второго тройного портала,—проходовъ изъ Гексагона на площадь всеожженія: вмѣсто портала зияетъ теперь пустота среди остововъ крайнихъ экзедръ, что похожи на остовы какихъ-то допотопныхъ жилищъ, на сквозныя пещеры. И когда я, оглянувъ Гексагонъ, кинулъ взглядъ далѣе, — необозримый каменный хаосъ, хаосъ цѣлаго города, ниспровергнутаго землетрясеніемъ, открылся предо мною. Не на Гексагонъ и Пропилеи, а, вѣдь, именно сюда, гдѣ послѣдовательно возростали и размѣры,

и святость Храма Солнца, направлены были силы подземныя, ужасы осадъ и варварство самыхъ низкихъ варваровъ—византійскихъ императоровъ. Но великое осталось великимъ. Чуть не на полверсты тянулся среди этого хаоса отшлифованный мириадами ногъ, мѣстами зияющій провалами, мѣстами заросшій колючками проходъ. Шесть колосовъ, стоящихъ почти на самомъ концѣ его, на остаткахъ фундамента, глядѣли на югъ и сливались въ одинъ, занимая полъ-неба. Ихъ стволы, обожженные зноемъ и вѣтромъ, были красноваты. Горизонтъ за ними замыкался зубцами и проломами западной Стѣны Циклоповъ. Небо блѣднѣло, и низко опустившееся солнце слегка золотило все это... Я сѣлъ среди двора на камень.

Было тихо-тихо. Безъ конца лежали и стояли вокругъ меня обломки сіенитовыхъ туловищъ, узорчатыхъ архитравъ—точно какія-то страшныя каменныя существа. Позади и вправо широко раскрывали свои каменныя утробы искаженныя и разрушенныя экседры; только двѣ-три изъ нихъ напоминали о прежнемъ великолѣпнн раковинобразныхъ нишъ, пилястровъ и горельефовъ. А налѣво громоздились камни, шли какіе-то рвы и провалы—и тяжело и вмѣстѣ съ тѣмъ легко, стройно и громадно высился Храмъ Малый, чудомъ сохранившій весь свой, какъ бы литой изъ желтоватаго мрамора, корпусъ и цѣлыхъ девять колоннъ какъ-разъ на томъ флангѣ, который былъ виденъ мнѣ. Я глядѣлъ на нихъ и долго не могъ понять, что это такъ рѣзко отличаетъ ихъ отъ тѣхъ шести колоннъ. Малый Храмъ, этотъ рѣдкій образецъ эллинской красоты и несокрушимой римской мощи, былъ немного менѣе Великаго.

Нѣтъ при немъ ни Пропилей, ни Гексагона, ни двора всесожженія, но фундаментъ его почти равенъ тому, исчезнувшему, фундаменту, на которомъ стояло святилище Солнца. Почти равны и перистилы ихъ... Въ чемъ же тогда дѣло? Только въ томъ, что колонны Храма Солнца вверху не суживаются. Но какъ далеко уносить это въ глубину вѣковъ!

Можно представить себѣ красоту Малаго Храма, Пропилей, Гексагона, двора Жертвеннаго—въ тѣ дни, когда только что отлилось въ совершенныя формы и сочеталось въ Баальбекѣ „самое прекрасное на землѣ съ самымъ величественнымъ“. Этотъ хаотическій просторъ, нынѣ подобный страшнымъ картинамъ Исаи, лоснился тогда мозаичными настилками. Стѣны и экседры, гдѣ помѣщалось болѣе трехсотъ нишъ для всѣхъ боговъ Олимпа, стройно замыкали его съ трехъ сторонъ, на четвертой, западной, шла лѣстница къ высоко вознесенному порталу Великаго Храма. Квадратъ изъ огромныхъ сіенитовыхъ колоннъ—темно-розовыхъ, гладко шлифованныхъ египетскихъ монолитовъ—охватывалъ середину двора, и галлерей между ними и экседрами всегда были полны свѣта, тѣни, бѣлыхъ хитоновъ. Нельзя было найти мѣста, не блиставшаго мраморомъ статуй, пилястрами, фронтонами и причудливой лѣпкой карнизовъ, капителей,—этихъ окаменѣвшихъ листьевъ, узоровъ, цвѣтовъ. Ярко млѣла синь неба надъ квадратомъ двора. Дымъ непрерывныхъ сожженій и языки прозрачно-золотого пламени поднимались съ гигантскаго жертвенника, съ раскаленной мѣдной настилки его,— съ алтаря возлѣ мраморныхъ ступеней, тремя переходами поднимавшихся къ чудовищному пе-

риптеру Великаго святилища... Но легко сказать: чудовищному! Какъ представить себѣ его?

Та часть основнаго фундамента, на которой стоялъ фундаментъ святилища, равна только половинѣ двора Жертвеннаго. Но древніе недаромъ называли святилище „первобытнымъ“: дѣло было не въ ширинѣ и длинѣ, а въ высотѣ и размѣрахъ строительнаго камня. И уже одно то, что периптеръ святилища былъ вознесенъ еще и на другой громадный фундаментъ съ подземельями внутри, свидѣтельствуеетъ о томъ, что самостоятельность Рима здѣсь кончается. Кѣмъ былъ сложенъ основной фундаментъ? Какими-то древне-арамейскими племенами — изъ самыхъ большихъ монолитовъ, „какіе когда-либо поднималъ человѣкъ“, и въ тѣ дни, когда легенды о титанахъ еще дышали жизнью. Неизвѣстно, кѣмъ построено и самое святилище Солнца: Римъ только реставрировалъ его. Но и реставрировалъ подѣ несомнѣннымъ вліяніемъ преданій о великихъ капищахъ, о столпотвореніяхъ, объ уступчатыхъ зиккуратахъ, этихъ „башняхъ до небесъ“, и посвятилъ его Солнцу - Ваалу, сочетавшему свое имя съ именемъ Юпитера. И святилищемъ Ваала, прежде всего Ваала и было и осталось святилище Великаго Храма, уступами вознесенное къ небу и охваченное колоссами, имѣвшими и внизу, и вверху одну толщину — какъ капище первобытное. А сказочнымъ монолитамъ, изъ которыхъ сложенъ основной фундаментъ, его подземелья и Стѣны Циклоповъ, Римъ могъ только благоговѣйно дивиться: тайна передвиженія и кладки этихъ монолитовъ, изъ которыхъ иные имѣютъ по тридцати аршинъ въ длину, даже для него была непостижима.

Солнце сѣло, и, какъ всегда на Востокѣ, стало на минуту особенно свѣтло. И въ этомъ странномъ свѣтѣ безъ солнца, въ пространствѣ, какъ бы лишенномъ воздуха, рѣзко обожженные красноватымъ загаромъ колонны вдругъ пріобрѣли ужасающую выпуклость, тяжесть и высоту. Я пробрался къ нимъ по глыбамъ камня, по оврагамъ и возвышенностямъ, по остаткамъ мраморныхъ ступеней и тысячелѣтнему мусору, зашелъ подѣ фундаментъ, на которомъ стоять колонны, и, закинувъ голову, глянулъ вверхъ... Дивно было сочетаніе бездоннаго блѣдно-голубого неба и оранжево-красноватаго тона этихъ поднебесныхъ стволовъ! Но они уже меркли. Быстро падалъ сумракъ. Спотыкаясь, я сбѣжалъ въ огромный ровъ, въ уголъ, образованный Циклопическими Стѣнами. Ихъ теперь двѣ: западная и сѣверная. Обѣ искажены вверху надстройками и проломами. Но искаженія только усугубляютъ ихъ допотопный видъ. Изъ темнаго оврага выбрался я по каменисто-мусорнымъ холмамъ, поднимающимся къ пролому въ углу стѣнъ, на свѣтъ заката, и сталъ въ проломѣ. Подо мной былъ обрывъ, вдали — темное море долины, а за нимъ — валы Ливана и безконечно-далекія, чуть краснѣющія въ сумракѣ ленты его горбовъ. Подо мной была стѣна, сложенная сынами Солнца — стѣна, камни которой останутся здѣсь недвижными до конца міра.

Содержаніе.

Стихотворенія 1907—1909 гг.	5— 65
Разказы	68—189

Изданія г-ва „ЗНАНІЕ“.

Ив. БУНИНЪ. Томъ I. Разказы. Изданіе третье.
Цѣна 1 руб.

Ив. БУНИНЪ. Томъ II. Стихотворенія 1889—1902 г.
Содержаніе: Книга „Листопадъ“ (*наград. Пушкинской преміей Академіи Наукъ*).—Кн. „Нов. Стихотвор.“—Стихотвор. 1902 г.
Изданіе второе. Цѣна 1 руб.

Ив. БУНИНЪ. Томъ III. Стихотворенія 1903 —
1906 г.
(*Наград. Пушкинской преміей Академіи Наукъ*).
Цѣна 1 руб.

Ив. БУНИНЪ. Томъ IV.

Содержаніе: Стихотв. 1907 г.—Годива, поэма Теннисона.—Изъ
„Золотой Легенды“ Лонгфелло.—Кайнъ, мистерія Байрона. (*Перев.
наград. Пушкинской преміей Академіи Наукъ*).
Цѣна 1 руб.

Ив. БУНИНЪ. Томъ V. Разказы.

Содержаніе: Чеховъ.—Сны.—Золотое дно.—У истока дней.—
Астма.—Счастье.—Цифры.—Тѣнь птицы.—Зодіакальный свѣтъ.
Цѣна 1 руб.

БАЙРОНЪ. МАНФРЕДЪ.

Переводъ въ стихахъ *Ив. Бунина*.
Цѣна 40 коп.

ЛОНГФЕЛЛО. Пѣснь о Гайаватѣ.

Переводъ *И. А. Бунина*. Рисунки американскаго художника Ремингтона. Портретъ Лонгфелло; около 400 иллюстрацій въ текстѣ; 22 большихъ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ. Цѣна 2 рубля.

Дешевое изданіе. Тѣ же иллюстраціи, но бумага и форматъ другіе. Цѣна 80 коп.

Отзывы печати о переводѣ.

...„Во всемирной литературѣ немного эпическихъ произведеній, которыя по художественной красотѣ превосходили бы „Пѣснь о Гайаватѣ“... Переводъ исполненъ прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ“. (*Русск. Вѣдомости*).

„Лонгфелло принадлежитъ къ благороднѣйшимъ поэтамъ нашего вѣка... Лучшая поэма его—„Пѣснь о Гайаватѣ“. Переводчикъ вполне успешно справился со своей нелегкой задачей, сумѣвъ сохранить необыкновенную простоту подлинника, не ослабивъ его могучей образности“... (*Миръ Воюющій*).

„Пѣснь о Гайаватѣ“—одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній знаменитаго американскаго поэта... Переводъ г. Бунина сдѣланъ съ величайшей тщательностью, стихъ его легокъ и музыкаленъ, образы поэтичны, тонъ выдержанъ прекрасно и какъ нельзя лучше передаетъ то величественное впечатлѣніе, какое и должна производить „Пѣснь о Гайаватѣ“... (*Сынъ Отечества*).

„Знаменитая поэма Лонгфелло дождалась, наконецъ, дѣйствительно талантливаго, а въ большей своей части и прямо образцоваго перевода“. (*Жизнь*, 1900 г.).

„Пѣснь о Гайаватѣ“ принадлежитъ къ крупнѣйшимъ жемчужинамъ мировой поэзіи... Переводъ *И. А. Бунина* положительно превосходенъ: онъ музыкаленъ, поэтиченъ, передаетъ вполне духъ подлинника и очень близокъ къ нему“... (*Донго*).

„Пѣснь о Гайаватѣ“—одна изъ тѣхъ рѣдкихъ книгъ, которыя съ первыхъ же страницъ захватываютъ высокой и свѣтлой поэзіей. Г. Бунинъ далъ больше, чѣмъ хорошій переводъ: онъ далъ произведеніе, отличающееся всею прелестью оригинала“... (*Вѣстникъ Воспитанія*).

Перев. награжд. Пушкинской преміей Академіи Наукъ.

Уч. Комитетомъ М. Н. П. рекомендованъ въ уч. библ. средн. уч. заведеній и включенъ въ каталогъ бесплатныхъ библиотекъ и читаленъ.